

Великанова Наталия

Изнанка

места

18+

Наталия Великанова

Изнанка мести

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Великанова Н. А.

Изнанка мести / Н. А. Великанова — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Что общего у беззаботной студентки и состоявшегося предпринимателя?
Прошлое. Прошлое, которое заставляет его следить, обольщать и даже...
жениться. Прошлое, о котором она ничего не знает.

© Великанова Н. А., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Изнанка мести

Глава 1. Знакомство.

*С детства открылось мне,
что такое
непоправимость вечной разлуки.*

В. М. Тушинова

Вике приснился отец. Он сидел на траве, облокотившись на старые колеса, и читал. Сухие высокие стебельки щекотали загорелую шею. Он отмахивался от них, но взгляда от страницы не отрывал. «Папочка, какой же ты увлеченный, – Вика ласково надула губы, – даже на дочку не обернешься». Солнце припекало по-летнему. В бабушкином саду, что за маленьким огородом, голосили птицы. Тень от папиных вихров падала на буквы, скользила на обложку и дальше на острую коленку, торчащую из джинсовых шорт. Вика нетерпеливо переступила. Отец быстро обернулся, снисходительно посмотрел на нее черными блестящими зрачками и завернул уголок листочка. Он так всегда делал, когда прерывал чтение. Вика обрадовалась «Поговорим!» и открыла глаза.

Папы, конечно, не было.

Были легкие шторы с привычным узором из фиолетовых цветочков и бордовых капелек. Гладкий потолок, украшенный канареечными бликами, старая люстра – изящная, но запыленная еще в прошлом году. Корешки альбомов, когда-то бережно собираемых отцом и заполнявших до отказа стеллаж.

Вика медленно похлопала ресницами. Родители после смерти снились ей нечасто, как она ни мечтала об этом. Теперь, спустя семь лет, она была в состоянии не плакать при каждой мысли о маме. Только воспоминания неотступно жили с ней, подобно парам воды в воздухе. Человек вроде бы не замечает уровня влажности, но стоит посильнее включить батарею, сесть поближе к костру, попасть под палящее солнце, и без микроскопических капель кожа иссыхает. Вот и сейчас противный ком заполнил горло, напоминая о сиротстве, хотя Вика с незапамятных времен приняла: «Все уходит рано или поздно».

В случае ее родителей – рано. Ей захотелось глубже зарыться в постель и снова провалиться в счастливый сон, но она знала, что это невозможно – проверила давным-давно. С тоской потеряла глаза и прислушалась к чириканью воробьев, стараясь отвлечься. Кажется, пернатые радовались? Уже, небось, всюю искали партнеров и вили гнезда? Носились за первыми проснувшимися букашками?

Весна – это прекрасно! Один за другим нанизываются на нитку времени веселые деньки, чистое небо манит на улицу, свежий воздух звенит легко, и главное с каждой неделей становится теплее и светлее.

Вика сжала губы, собралась с силами и откинула одеяло. В институте сегодня четыре пары, потом надо ехать в центр – к квартиросъемщикам. Еще неплохо бы заскочить в библиотеку перед занятиями. Она прошлепала в ванную и посмотрела на отражение. Всклокоченные волосы, брови в разные стороны, упрямый подбородок и веки, не желающие открываться даже для погожего дня. «Не самый лучший видок – прекрасный мотив накраситься ярче», – она решительно повернула кран, плеснула воды в лицо и принялась усердно чистить зубы. Закончив, распустила и уложила волосы, оделась и нанесла косметику.

Вика от природы любила изящество, ее восхищали ухоженные женщины и мужчины. Она каждый день тратила на сборы не меньше сорока минут, а в сумочке неизменно носила зеркальце, расческу и губную помаду. Не в её привычках было пренебрегать своей внешностью и тем впечатлением, которое она производила.

Для сегодняшнего дня она выбрала узкие джинсы, высокие сапоги мягкой коричневой кожи с кисточками на голенищах и замшевую короткую куртку. Пританцовывая, спустилась

к машине. Ласточка так ретиво отражала солнце, что Вика сощурилась. Нажала кнопку на брелке и остановилась как вкопанная, не успев дотянуться до ручки. Водительская дверца была помята!

Не еле задета, не поцарапана! Покорёжена так, словно бестолковый чайник шибанул на тракторе со всей силы! Ярость окатила горячей волной. В бессильном бешенстве Вика замерла, а потом с досады топнула ногой. Какой урод это сделал? Что за ерунда..!? Вика огляделась. Поблизости не было ни одного корыта, которое могло бы сотворить такое. Как вообще можно въехать в припаркованную машину? Как?.. Как это могло произойти?

Стараясь успокоиться и сосредоточиться, она сквозь зубы строчила самые невыносимые ругательства, которые помнила.

Ну почему ей так не везло? Теперь придется возиться с сервисом: записываться, ехать в страховую, оценивать. Остаться без тачки месяца три.

В прошлом году, когда она наскочила на бордюр, машину чуть не забрали на две недели. Только для покраски бампера! Тогда пришлось изрядно похихикать и поворковать с мастером, чтобы сняли и покрасили деталь, а на машине она могла в это время ездить. Неделю она передвигалась как лохушка! А тут? Не сможет же она колесить по городу без двери!

Ремонт – это целая проблема! Яростный выдох вырвался из напряженных ноздрей. Ну что за ерунда? Вика сложила руки на груди и горестно-бессильно поджала губы. Что делать? Она бы пристукнула этого недотепу, попадись он ей на глаза! Вика обошла вокруг ауди – других царापин не было. За дворником лежала маленькая рекламка, похожая на визитку. Конечно, покоцанная машина – самое то, чтобы порекомендовать владельцу платную парковку! Вика резко вытащила бумагу и с ненавистью прочла: «Я случайно помял Вашу машину. Готов все исправить. Выгорский Ярослав». И номер телефона. Ого! Вот кто ее задел! Прикусив щеку, Вика непонимающе смотрела на кремовый прямоугольник. Злость опять подкатила к горлу. Ну и имечко у него! Ярослав. Он что, из прошлого столетия? Поэтому ездить нормально не умеет? Как он все исправит? Даст денег? Или он автомастер, поставит новую дверь за день? Это было выше ее понимания! В ярости Вика посмотрела на записку, будто именно она являлась причиной произошедшего. Села в машину и вытащила телефон. Хорошо, хоть дверь открывалась! Завела. Набрала номер. Сейчас она выскажет все, что думает о его манере езды и о тупости! Как можно так ударить?

После двух гудков в трубке послышалось: «Алло». Взрослый мужской голос: никак не юнец, только что получивший права.

– Ярослав?

– Да.

– Меня зовут Виктория. Вы помяли мою машину, – сказала она и замолчала. Как она его ненавидела! Ответа не было. – Синяя ауди, – на всякий случай добавила Вика. Кто знал, сколько автомобилей за вчерашний день он покорежил?

– О, да! Прошу прощения, что доставил Вам такие неприятности. Извините! Я постараюсь исправить все как можно быстрее и удобнее для Вас.

Внутри Вики клокотало. Она молчала. Ну что за идиот!

– Алло!

– Да, я Вас слышу, – она даже не пыталась скрыть раздражение.

– Я могу договориться с сервисом, они все сделают в лучшем виде в кратчайшие сроки. Когда у Вас будет возможность поехать?

– А когда Вы договоритесь? – Он, конечно, молодец, что не слинял, но мог бы и вообще не въезжать в нее.

– Как только Вы обозначите день.

Вика задумалась. Да, уж точно не сегодня. После университета? Как она все это ненавидела!

- Завтра. Часа в три.
- Хорошо, я перезвоню, как только договорюсь с техническим центром. На этот номер? Сомнительно, что с сервисом «Ауди» можно договориться на завтра.
- Это должен быть официальный дилер, – строго сказала она.
- Разумеется.
- Да, на этот номер.
- Виктория, – голос был мягким, – еще раз извините.
- Жду Вашего звонка, – она отключилась.

Вырулила со двора. Напряжение не покидало. Почему на её голову постоянно что-то сваливалось? Почему, не успевала она разобраться с сантехникой, ломалась электрика? То машина, то квартира, то страховка, то налоги, то соседи! Как тяжело одинокой девушке в этом беспокойном мире.

Когда был жив дед, он все это быстренько разруливал. Отношения у них были, конечно, не ахти. Его привычка звонить сто раз на дню попахивала не обеспокоенностью, а маниакальным стремлением к контролю. Да и холодность старика не позволяла ему занять место родителей в ее сердце.

Но, надо быть честной, он по-своему заботился о ней, решал проблемы. За ним она была как за каменной стеной, хотя к отсутствию любви невозможно привыкнуть. А дед любовь проявлять не мог. Или не хотел. Его единственной истинной страстью была власть. Руководить, командовать, принимать решения – это он обожал. Всегда неподалеку были люди, которые стремительно исполняли распоряжения, указы и даже простые грозные взгляды.

Вика, к счастью, не относилась к числу этих лиц. Когда родители умерли, и ей пришлось перебраться к нему, она упорно сопротивлялась дедовому наблюдению и инспекциям, ездила в старую школу. В мире, рухнувшем в одночасье, школьные друзья, закадычная подруга Ольга, даже учителя – были единственными, на кого она могла пусть не положиться, но зацепиться, скользя к пропасти безысходности, словно к водопаду по горной реке.

По маме и папе Вика тосковала до жути. Засыпала не иначе, как стиснув зубы. Рыдала, когда пришлось переехать из их дома. Старче ругался, вздыхал, приводил весомые аргументы (один из которых – те самые взгляды), но Вика была неумолима. В конце концов, дед смирился, хотя не забывал периодически напоминать ей о престижности лица в центре, высоком социальном статусе и особых возможностях учеников. Вика молча кивала, но упрямо окончила школу в Ховрино. После смерти деда, сразу перебралась в свой район. Здесь в стародавние времена мама и папа по очереди водили ее в детский сад, здесь уже нечасто, но встречались их друзья и знакомые, здесь росли деревья, которые она помнила еще побегами, здесь и квартира, и подъезд, и двор напоминали о счастливых днях детства.

После смерти деда еще года не прошло. Когда его не стало, ей только-только исполнилось девятнадцать: юридически она была взрослой. Он оставил ей четыре квартиры: свою, в Петровском переулке, родительскую, в Ховрино, и еще две. От маминой мамы еще до этого она унаследовала старый дом в Подмосковье. Одно время там жила бабушкина родственница, но дети забрали ее в город. Сейчас дом пустовал, хотя раньше, пока не водила машину, Вика останавливалась там по пути на кладбище. Дом был ветхий и такой древний, что с каждым разом все боязней было заходить в него. Теперь Вика только свозила туда старые ненужные вещи и с сожалением смотрела на медленную смерть жилища, где некогда баба Тамара качала ее в зыбке, подвешенной к потолку.

Квартиры Вика сдавала в аренду, так что с наличными проблем не возникало. Она платила за учебу, машину, дом, бензин; не раздумывая, покупала всякую понравившуюся вещь, летала отдыхать, куда бы душа ни пожелала. Жаловаться ей было грех. Иногда избыток денег доставлял лишние хлопоты. Знакомые и друзья, однокурсники и бывшие одноклассники были не прочь занять и благополучно забыть об этом. Вика поначалу терялась: если она прощала

долг – ее принимали за дуру, если требовала возврата – за крохоборку. Ей пришлось пройти через всепоглощающее чувство вины, которым многие умело пользовались, прежде чем она научилась говорить «нет». Теперь делала это так уверенно и быстро, что зачастую просители отстранялись, воспринимая ее право за нахальство. Многие знакомые исчезли, испарились за, в общем-то, недолгое время. Было в этом и неоспоримое преимущество: рядом не осталось подхалимов и гадов – дороже стали друзья, ценившие не возможность занять, а ее саму.

Машину, конечно, жалко: дед преподнес на восемнадцатилетние – память о нем. Тачке и полутора лет не набежало. Но что поделаешь? Не собиралась же она ездить на ней вечно? Нечего так расстраиваться! Ну, подумаешь, машина! Железо! Не починят на отлично, купит другую: не нищя! Конечно, Вике нравилась именно эта – дед тогда поразил неожиданным и удачным подарком. Яркий синий металл радовал глаз. Вика и не думала, что с таким удовольствием будет водителем. Она обожала сидеть за рулем: легкое нажатие стопы и обороты превращались в скорость, двигатель ревел, ветер врывается в окно, пальцы скользили, отбивая ритм. Вливаясь в городской поток, Вика чувствовала себя частью настоящего и будущего одновременно. Душа и тело отдыхали. И вот те на: какой-то дурак обидел ее ласточку!

Вечером юридивец позвонил и подтвердил, что мастер-приемщик будет ждать в четыре, и, конечно, он сам обязательно приедет.

Назавтра Вика подрулила к сервису чуть раньше. Интересно, сколько времени займет ремонт?

Такси она не любила. Наглые водители: украдкой разглядывающие одинокую девушку в заднее зеркальце, болтливые старики, угрюмые молчуны, вонючие или слишком надушенные, зевающие или гоняющие без правил – то пугали, то бесили. Стараясь унять досаду, Вика погладила пальцы. Ладно, сначала узнает, насколько затянется восстановление двери и крыла. Эх! Будь её воля, она бы прикончила этого Выгорского.

Вика прошла в прозрачные, бесшумные двери автосалона и мигом его увидела. Вчера он предупредил: «Вы меня узнаете. Я рыжий». Ярослав сидел в кресле гостевой зоны с планшетом на коленях, словно весь салон принадлежал ему. «Ух ты! Да он красавчик!» – мелькнуло в голове, как только он поднял глаза. Она машинально облизнула губу. Молодой человек неспешно встал и двинулся навстречу, беззастенчиво рассматривая ее. Он не торопился – взгляд скользил спокойно и решительно. Глаза опустились от лица вниз, к самым носочкам сапог, и снова поднялись, ощупывая, кажется, каждый сантиметр тела: стопы, икры и колени, едва прикрытые плиссированной юбкой, живот, грудь и шею в распахнутом пальто, скулы, лоб и даже ресницы. Внутри Вики горячая волна непонятного животного удовольствия поднялась и расплескала огненные брызги до кончиков пальцев. Он был высоким, худым, широкоплечим. Грациозным и... каким-то уверенным. Темные брюки подчеркивали длинные ноги, которые ей так нравились в мужчинах. Белая, небрежно-элегантная сорочка, начищенные умопомрачительно дорогие, как мгновенно она оценила, туфли.

В его лице она прочла вызов, и тут же приподняла подбородок. Разве не она должна смотреть так нахально? Шелковистые рыжие пряди нависали над россыпью веснушек и холодными глазами: лицо человека, который решил все проблемы, человека, непоколебимого в себе и своих устоях. Ярослав улыбнулся. Вика сглотнула.

– Здравствуй, – он поприветствовал тепло, а это противоречило прохладе зрачков. Тонкая переносица, прямой нос, усыпанный золотистыми точками, лицо правильной продолговатой формы чуть склонилось к ней. Квадратный подбородок, узкие губы. Насыщенный, с золотыми отливами цвет волос.

«Сразу на «ты»? – промелькнуло у нее. – Конечно, такому красавцу что за нужда церемониться?»

– Добрый день, – поздоровалась она сухо: ей было не четырнадцать, чтобы нюни распускать. Да, он симпатичный и выглядел обалденно, но у неё поклонников пруд пруди. Кроме того, ещё пятнадцать минут назад, вырливая с шоссе, она называла его безмозглым олухом!

– Я – Ярослав Выгорский.

– Вика, – кивнула она.

– Мастер уже ждет.

Не успели они и шага ступить, навстречу выбежал человек в комбинезоне. Его синяя с оранжевыми полосками униформа, засаленная на коленях, при каждом движении туго натягивалась на животе. Он заискивающе смотрел на Ярослава, отчего Вика испытывала неудобство и смутное беспокойство. Ей вообще были неприятны люди, не имеющие чувства собственного достоинства. Эдакие разухабистые молодцы, поджимающие хвост в присутствии какого-нибудь богача или чиновника. Она вскинула глаза на нового знакомого. Он и ухом не повел: как будто привык, что люди стелились перед ним. Её покойный дед похожим образом действовал на окружающих.

Вместе они пошли к машине. Осматривали долго и дотошно. Было что-то особое в движениях и словах Ярослава, что заставляло приемщика соглашаться с ним во всем. Вот бы так уметь влиять на людей! Мурашки побежали у Вики по коже. Он и говорил, и поворачивался, и смеялся так, будто вся эта история с машиной – невинная шутка, которая обошлась ему в пару рублей и не стоила и секунды переживаний. Он встретил её взгляд и снова улыбнулся. Хотелось выругаться: неужели в наши дни, когда империи канули в небытие, в свете еще существовали люди с такой неприкрытой харизмой?

Служащий автосалона постепенно стал чувствовать себя спокойнее и, в конце концов, расслабился. Вика прекратила ходить вокруг ауди, уверенная, что она лишняя в разговоре, понятном этим двоим. Через пять минут они вернулись в здание и всё записали. Сидя напротив Не-знаю-как-я-врезался-в-тебя, Вика не могла сладить с собой: крепкие руки, большие, гладкие ногти Выгорского притягивали взгляд. Она представила, как они скользят по коже какой-нибудь девушки, вызывая трепет. Вот бы дотронуться – на самом ли деле такие ровные? Пальцы потянулись прикоснуться. Вика испуганно отдернула руку и сжала ладони. Что это с ней? Хорошо, что он не мог читать её мысли. Это на неё такое впечатление произвело спокойствие вкупе с властью? Элегантная красота? Уверенность? Что?

Спустя двадцать минут они уже покинули салон.

Вика смешалась. Незнакомец вывел её из равновесия, она никак не могла сосредоточиться на деле. Приходилось постоянно себя одергивать, вспоминая, что он не один из её поклонников и у неё не было права притрагиваться к нему и беспрестанно любоваться, забыв о приличии.

Надо собраться. С одной стороны, хорошо: машину обещали вернуть в течение двух недель. С другой: мучило сомнение. Даже она не была столь наивной, дабы верить, что дверь и крыло и какие-то там предполагаемые повреждения внутри (она не запомнила новых слов) можно починить в столь малый срок. Но этот Выгорский выглядел более чем убедительно. Хотя где гарантия, что он не кинет её, когда придется платить? Опять же: он мог вообще не оставлять своих координат. Вика потеряла мизинец. Будь что будет! Поездит пару недель на такси, а там решит.

Несмотря на яркое солнце, ветер дул ледяной, Вика вздрогнула и плотнее запахнула пальто. Выгорский даже не поежился: он так и был в одной рубашке. Его грудь вбирала холодный воздух, словно это был всего лишь свежий морской бриз.

– Еще раз прошу прощения за доставленные неудобства, – он выглядел искренним, но червь сомнения грыз Вику: что не так, она не понимала, – сегодня я обязан быть твоим водителем. – Он жестом пригласил её к БМВ, стоящей в двух шагах от входа (как раз в том месте, где обычно припаркованы автомобили, предназначенные для тест-драйва).

Черные литые диски в цвет кузова, огромные колеса, чистый блеск, фары, даже ручки – все в автомобиле кричало о принадлежности хозяину. Словно вороной конь, он замер, покорный Выгорскому и готовый слушаться только его.

Вика уже не злилась за тачку: разве можно сердиться на такого заботливого красавца? Но недоумение не отпускало. Мозг точило желание понять причину поступков этого человека. Она давно не верила в бескорыстие и благородство. Зачем Ярославу было возиться с ней? Не думал ли он завезти её в темный лес?

Но она не могла сопротивляться ему, особенно когда в его глазах плясали эти маленькие золотые искорки. Вика склонила голову набок, задумавшись, и, наконец, кивнула. Что таить, её женское тщеславие было польщено: она привлекла к себе внимание рыжего богача.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила она и позволила ему усадить себя. – Я бы радовалась, если б ты не поцарапал мою машину, но признаю – ты сделал больше, чем любой другой на твоём месте, – язык так и поворачивался сказать «Вы» – он казался старше лет на восемь – десять.

Ярослав ответил натянутой улыбкой. Завел мотор и тронулся.

– Куда? – спросил он.

– На место преступления. Помнишь, где это?

– Да, – он назвал её адрес и добавил, – это во дворе моего дома.

Вика метнула любопытный взгляд. Как это она пропустила, что в непосредственной близости обитал этот добрый молодец?

– Я недавно квартиру купил. Раньше жил в пригороде.

Вика спросила номер дома – оказалось, он поселился в ее подъезде. Ярослав въехал в трёшку Элеоноры Степановны – сухонькой дотошной старушки, когда-то работавшей в школе секретарем директора. У Вики был седьмой этаж, а у него – третий. Вот это совпадение! Все подружки будут просить познакомиться с таким симпатягой! Состоятельный красивый мужчина! Вау!

– А ты? Давно живешь там? – поинтересовался Ярослав.

– Да.

– С рождения?

– Можно и так сказать.

– А занимаешься чем? – он повернул к ней светящиеся глаза.

– Учусь.

– Студентка?

– Да, – почему на язык шли односложные слова?

– И чему учишься?

– Живописи.

Он изумленно присвистнул.

– То есть будешь художником?

– Типа того.

– Рисуешь хорошо?

– Стараюсь. А ты чем занимаешься?

– Работаю, – после некоторой заминки ответил Ярослав. – Я – финансовый консультант.

С каждой секундой он производил все большее впечатление. Многозначительно подняв брови, Вика кивнула:

– Звучит классно. Если б что-нибудь в этом понимала, задала бы еще вопросы.

Ярослав вежливо улыбнулся.

В глубине души Вика испытывала смутное беспокойство, когда речь заходила о трудоустройстве. Было непонятно, что она будет делать, когда закончит учебу. Как устраиваться на работу? Ведь у неё не было родственников, готовых замолвить за неё словечко. Она обсуждала

это с Ольгой. Та, хоть и росла в большой семье, и училась на бухгалтера, имела похожие страхи. И вообще, Вика уважала людей, которые были на «ты» с деньгами. В отличие от неё. Понятно, откуда у него такая симпатичная тачка и дорогая одежда.

– Сколько тебе лет? – спросила она.

– Двадцать восемь. А тебе?

– Девятнадцать, – машинально она прикинула разницу: девять лет.

– Прекрасный возраст.

– Да ну? – с сомнением фыркнула Вика.

– Поверь мне, – он улыбнулся, и она ощутила легкое движение воздуха вокруг себя, словно по волшебству переместилась в параллельное пространство, и это привело атмосферу в волнение.

– Ты с семьей переехал?

– Нет. Я один живу... Самостоятельный.

– Не женат? – Ой, кажется, это невежливый вопрос.

– Нет.

– Девушка? – она приподняла брови.

– Нет.

– Гомосексуалист?

– Нет!

– Улада для ушей незамужней женщины, – Вика усмехнулась, но подозрение не ушло. –

Родители?

– Нет, мама давно умерла – мне было два. Отец – несколько лет назад, – слова звучали стандартно, холодно и заученно. Каждая черточка лица Ярослава застыла. Вика отвела взгляд: как она его понимала.

– Соболезную.

– Спасибо. А ты с родителями живешь?

– Нет, – комок в горле возник из ниоткуда, – Я тоже... самостоятельная.

– А родители где?

– Умерли, – все-таки зашипало глаза.

– Прости.

Она кивнула и быстро заморгала, не давая слезинкам скопиться под веками. Это слово – «умерли» – каждый раз было похоже на глухой погребальный звон церковного колокола. Умерли... Бууум!.. Умерли... Бууум!.. Вика ощутила неспешные толчки, ударявшие в самое сердце. Повернулась к окну и сосредоточилась на городском пейзаже. Высотки, деревья, люди, парки, машины, смешной человечек в желтой куртке, прыжок через лужу, белая птица, натужно поднимающая и опускающая крылья. Солнечный день превратился в черно-белый. Бууум!..

Мама ушла, когда Вике только исполнилось двенадцать. Под новый год. Слишком много работала. Все ей было некогда лечиться. Она просто сбивала температуру. Потом оказалось: воспаление легких. Вечером её увезла скорая помощь, а утром, когда они с папой приехали в больницу, её уже не было в живых. Вика до сих пор со стыдом вспоминала ссору накануне приезда неотложки и тупой... безнадежный смех неверия, эхом звенящий в пустом коридоре приемного покоя. До этого она не сталкивалась со смертью так близко. Так близко и так неотвратимо.

Непонимание и отчаяние – отражение своих чувств она видела в глазах отца, когда забирала тело из морга, молчали на засыпанном снегом кладбище. Отцу было, кажется, еще тяжелее, чем ей, выслушивать соболезнования, стоять прямо, прощаться. Маму он любил больше жизни, она составляла смысл его существования.

Папа был по натуре мечтателем: спокойным, рассудительным, нежным. Ценил тихие семейные вечера, живопись, классическую музыку, игры в лото, чтение. Говорил негромким голосом и никогда не сердился. Если он являлся с работы раньше жены, то поминутно спрашивал: «Дочь, ну когда мама придет?» Ничего делать не мог: крутился на месте, пожимал плечами и усаживался в кресло. Тут же поднимался, выглядывал с балкона, вздыхал, поправляя занавески.

Мама приходила, ставила сумки, обнимала отца и, смеясь, называла его «кутек». Вика прекрасно знала, что папа в отсутствие мамы был не просто беспомощным, а маленьким и потерянным, как слепой щенок.

Он умер той же зимой. В тот год Вика почувствовала себя одинокой и бессильной. Бесконечной была тоска. Вика сглотнула слезы. Воспоминания снова и снова причиняли боль, хотя прошло столько лет. «Ты уже научилась жить без них», – грустно напомнила она себе.

Иногда, как будто с размаху, Вику ударяла мысль, что мама и папа уже никогда, совсем никогда не вернуться. Тоска скручивала, и прорывались совершенно безудержные слезы.

Первые годы сиротства она продержалась за счет злости: досадовала на отца – как он мог быть таким эгоистичным и безвольным, чтобы оставить ее одну? Как посмел не подумать о дочери? Зачем они вообще рожали ее, если не удосужились вырастить, бросили на полпути? Зачем? Потом обида схлынула, оставив пугающую пустоту. Звонкую. Бездушную. Временами Вика ощущала себя такой потерянной, что искренне удивлялась, как это ей еще не встретился волк и не проглотил вместе с потрохами. Настороженность стала вторым «я». С уходом родителей она покрылось кожей, подобной каштановой: не плотной, но отталкивающей.

Только во снах она порой превращалась в беззаботного ребенка с кудрявой макушкой, бегущего навстречу нежным рукам отца или сидящего на коленях у матери. Ребенка, доверчиво смотрящего на мир – улыбочивого и смешливого. Во снах. Наяву же медленно становилась жестокой молодой женщиной, которая держала окружение на расстоянии вытянутой руки. Она не была ни душой компании, ни девушкой с легким характером...

– Завтра утром могу тебя в институт подкинуть, – голос послышался откуда-то словно издали, и Вика очнулась. Они уже въезжали во двор.

Ого! В который раз она опешила. Да он сама любезность! Что это с ним?

– Нет, спасибо. Я доберусь.

– Ты ведь из-за меня без авто осталась.

– Все равно неудобно. Благодарю за предложение, – она уже вылезала, – кстати, а твоя машина сильно пострадала?

Он усмехнулся:

– Не особо.

Вика обошла внедорожник: сзади, на бампере, красовалась приличных размеров царапина с остатками синей краски ее ласточки. Да уж, ни в какое сравнение не шло с ее вмятиной. Большая, но всего лишь царапина! Вика хмыкнула. Бей: не нашего стада скотина!

Выгорский улыбнулся: «Теперь согласна, что я тебя должен отвезти?»

Она больше не упиралась, успокаивая себя тем, что его поведение – это только дань вежливости. Что ж, даже такую учтивость она, пожалуй, встречала впервые в жизни. В современном мире, где каждый стремился урвать кусок пожирнее, да утащить в логово поскорее, девушки давно перестали ждать от мужчин галантного поведения. Что толку размышлять о его мотивах, если он удивил ее не меньше четырех раз за последние два дня? Завтра они увидятся – мысль эта отозвалась приятным покалыванием в груди.

Уже у ее двери, до которой Ярослав галантно проводил Вику, они договорились, что в восемь-пятнадцать встретятся у машины. Попрощавшись, Вика вошла домой.

Сумрак окутывал комнаты, и она, сняв пальто, немного посидела в папином кресле у окна. Прислушалась к тишине и привычным звукам: громкому разговору за стеной, музыке

сверху, лаю собаки во дворе, неясному стуку и шорохам. Хорошо было помолчать. Вспомнила прошедший день, заботы, поездки, нового знакомого – теперь соседа.

Ярослав Выгорский произвел на нее удивительное впечатление, его уверенные движения и мягкая походка завораживали. Где-то внизу он клал ключи на столик, разувался, развязывал галстук. Вика загорелась нарисовать крепкие руки: длинные пальцы, ровные ногти. Она поискала глазами бумагу, представляя, как изобразит большие ладони, небрежно лежащие на руле. Некоторое время боролась с желанием схватиться за карандаш, не без тайной досады на намеченную на вечер уборку. Сегодня она должна была пропылесосить, полы помыть, люстры и зеркала протереть, сантехнику почистить. Вика повернулась к окну и несколько минут смотрела в темно-синее небо, потом решительно поднялась.

«Нарисую завтра, – постановила она себе, – на лекции по истории искусств».

Глава 2. Ярослав. До знакомства.

Зовут бояр и их людей

На славный пир – на пир мечей!

М. Ю. Лермонтов

Жизнь человека – это цепь событий. Причины и следствия, боль и радость держатся в ней подобно кольцам, переплетаются, образуя причудливый узор. Сходятся и расходятся люди, рождаются младенцы, умирают старики. У каждого часа, дня и года своя горечь, своя задача.

У Ярослава Выгорского она была простой, а по его собственному разумению, даже элементарной: вернуть квартиру деда. Он как раз раздумывал над этим, когда гнал на спортивной Мазерати в сторону Ленинградского проспекта.

Нет, конечно, для полного счастья не доставало ему больше всего отца. Именно его крепкого рукопожатия, спокойного взгляда, раскатистого смеха. Одним своим присутствием он умел поддержать сына, разогнать туман в глазах мачехи, развеселить брата, успокоить сестру. Но, увы, отца не было в живых, и Ярослав больше десяти лет не верил в чудеса. С некоторых пор он верил только в себя, знал, что все необходимое придется делать собственными руками. В том числе и выручать квадратные метры. Сейчас они были единственной, недостигнутой пока, целью. Все остальное Ярослав заработал к двадцатилетнему возрасту.

Свою первую прибыль он, с благословения предка, получил в возрасте восьми лет. Купил упаковку колы на оптовом рынке, продал ее по бутылке, поимев доход в триста рублей, а чистую прибыль – в сорок пять. В четырнадцать, опять при поддержке отца, попробовал себя на бирже. Приобрел акции британской «Хатртвэр».

Ярослав сделал музыку громче и усмехнулся уголками губ, вспоминая, как дрожали внутренности, когда буквально на следующий день после покупки цена опустилась, и он потерял деньги. Батя трепал его по голове, называл юным маклером и велел не унывать. Он был, как всегда, прав: через месяц курс поднялся. Ярослав по-быстрому избавился от бумаг, дабы зафиксировать прибыль, уплатив соответствующую комиссию. Спустя несколько дней стоимость акций выросла в два раза.

Тот опыт научил Ярослава, что инвестор должен быть терпеливым и не паниковать, когда цены падают, не торговать ради краткосрочной выгоды, быть уверенным в росте индексов, но самое главное: быть уверенным в себе.

В семнадцать он приобрел ценные бумаги китайского текстильного производителя, в девятнадцать – пакет акций организации, занимающейся разработкой углеводородных месторождений, которая стала основной его инвестиционной точкой на все последующие годы. К двадцати Ярослав с легкостью принимал решения, после двадцати – встал у руля отцовской компании. Инвестировал в информационные и наукоемкие технологии. Сейчас продолжал формирование собственного холдинга, который изначально хотел специализировать на долгосрочном вложении в биржевые акции, но в итоге сделал управляющим для большого количе-

ства фирм в самых разных отраслях: страхование, перестрахование, производство, торговля. Общее количество людей, работающих на него, перевалило в прошлом году за пять тысяч человек.

Отец не просто допустил его в бизнес, он постелил Ярославу красную ковровую дорожку. «Превратить мысль в деньги – это, в общем-то, вопрос силы человеческого духа, а не силы разума, – твердил он, – когда ты будешь сомневаться в себе, вспомни об этом. Правило таково: чтобы разбогатеть, нужны не средства, и не классная задумка, нужен великий человек!»

Пройдя через десятилетие жестоких битв, адских переговоров, слияний и поглощений, Ярослав все больше удивлялся отцовской прозорливости, ясности формулировок, пониманию процессов и сути дел, до которых некоторые матерые предприниматели не доходили и лежа на смертном одре. Откуда она была в нем, троечнике, рядовом инженерере – человеке советской эпохи?

В восьмидесятые отец трудился конструктором в НИИ Гражданпроект. После сокращения торговал шмотками, привезенными из Польши, быстро переключился на технику. Ярослав помнил, как дом был завален коробками, помнил первую машину отца – блестящую черную восьмерку, которой завидовали не только его дружки во дворе, но и взрослые дядьки. Новенький заводской запах пластика, серая обивка были частью его детства. Неумные и счастливые, они с отцом колесили по городу, вместо обеда поглощали кефир с батоном и говорили, говорили. Отец делился планами, сомнениями, спрашивал совета, смеялся. Не было у него привычки воздвигать между ними стену, никогда он не давал почувствовать Ярославу, что тот молод и глуп. Он впитывал жизнь сына и увлекал его за собой.

В конце девяностых отец по франшизе открыл один из первых автосалонов. Для этого нужны были не только деньги, но и связи во властных кругах. Он не без труда вышел на человека в Администрации города. Тот, после длинных и непростых переговоров, предоставил Выгорскому нужную протекцию за немалую помощь местному детскому саду. Отношения были оформлены письменно. В спешке, в эйфории предчувствия большого дела, отец не обратил внимания на договор. Здесь-то и был подвох: подписи оказались на отдельном листе. Состряпал дельце мелкий чиновничка Владимир Белов. Он, по стечению обстоятельств ли, а скорее по злему своему умыслу, и подписывал договор на обеспечение детского сада со стороны Администрации города. Позже подонок вкрапил в оборотную сторону листка с подписями соглашение о покупке жилья Выгорских. Вуаля. Квартира в высотке на площади Восстания очутилась в руках грязного ублюдка. Через десятилетие тянулось сожаление, пронзало грудь ржавым гвоздем, несло яд. Ярослав закрыл глаза. Изменить уже он ничего не мог. Мог только наказать.

«Тогда было такое время», – часто слышал он и закипал от этих слов. Да уж, время! Черт подери! Время!

Будь у отца своя команда, этого бы не случилось. Не мог один человек тянуть так много. Разве представишь в наши дни, что соглашение такого уровня не прочитано как минимум двумя высококлассными юристами? Сердце Ярослава, как обычно в те минуты, когда он вспоминал прошлое, забилося чаще. Вот бы вернуться, порвать цепь событий, намекнуть отцу: «Не торопись, не надо!»

Нет! Ничего не переиграть! Все случилось так, как случилось.

Поднимать дело с нуля, следить за каждой мелочью, начиная со стульев и заканчивая финансами? Мыслимо ли это для одного человека? Сейчас любой мало-мальски грамотный предприниматель скажет, что хорошая команда дорогого стоит. Ее формируют годами. У отца этого времени не было...

Это тоже было частью урока Ярослава. С самых первых шагов в бизнесе он понимал, что люди – это главное. Верные партнеры, грамотные работники, заинтересованные в общем успехе, – основа крепкого дела. Он по всему свету собирал золотые самородки, чтобы сплавить

их со своим слитком. Начальник службы безопасности, советник по ценным бумагам, налоговый консультант, технический директор в одной из его производственных компаний были из таких. Он знал их, своих людей, всех: успешных и не очень, зачастую самоуверенных и порой неприкаянных. Знал драмы, которые бросили их на дороги скитаний по миру, и взлеты, которые возвысили их до топов. Он помогал одним распахнуть ворота тюрем обыденности, другим сойти с кривой дороги, третьим – давал свободу творчества, ограждал от враждебных людей и рамок офисов. Он не боялся делиться прибылью, потому что ещё в юности уразумел, что лучшего способа добиться процветания не придумаешь. Он с уважением относился к высоким душам и грубым работягам, к их прихотям, желаниям, замкнутости и своеволию.

Руководитель правового управления холдинга – Андрей Зуев – был из таких. Прирожденный юрист, чуть ли ни единственный, кого Ярослав действительно ценил в многочисленной братии правоведов. Они знали друг друга с детства (Андрей учился с младшей сестрой Ярослава в одном классе) и сошлись близко много лет назад. Андрею он мог доверить себя и свое дело. «Верное плечо», – другого определения для него не находилось. Начиная с две тысячи седьмого года, когда холдинг подвергался проверкам Генпрокуратуры в отношении приобретения ряда акций, Зуев непрерывно заведовал всеми юридическими тонкостями компании. Минимальный опыт Андрей компенсировал каким-то правовым гением. С невозмутимым, ему одному присущим, тюфячковым видом, на каждое замечание помощника прокурора он открывал статью гражданского кодекса (или еще какого-нибудь акта) и медленно зачитывал. После вмешательства Зуева законность покупки ценных бумаг не подвергалась сомнению.

Три года назад эту команду пополнила охотница за умами Елена Вячеславовна Крылова. Яркая стремительная женщина, выросшая до директора по персоналу холдинга всего за пару лет, по двум-трем словам Ярослава понимала, в каком человеке он нуждался. Теперь уже она набирала рекрутов, превращавшихся при должном отношении в матерых воинов бизнеса. В паре с начальником службы безопасности Гавриловым Олегом они день и ночь ковали команду. Проверяли, тестировали, отбирали; браковали и искали снова.

Олег умел найти иголку в стоге сена. Не раз он предостерегал Ярослава от опрометчивого шага, доставал, словно бы из-под земли, информацию, указывал на неблагонадежных контрагентов, следил за утечками.

Ярослав обогнал медлительный белый лексус и перестроился в правый ряд. Входящий вызов заставил его улыбнуться. «Легок на помине», – мелькнуло в голове, когда он ответил: – Слушаю.

– Ярослав Викторович, добрый вечер, – вкрадчивый голос начальника службы безопасности расплылся по салону.

– Добрый, Олег.

– Девушка сейчас с друзьями в кафе «Токио», на Гоголевском бульваре дом четыре. Мой человек покажет Вам её.

– Еду, – Ярослав включил поворотник и на ближайшем перекрестке развернулся, почти не сбрасывая скорости. Холодный спокойный гнев заполнил тело. История с квартирой случилась в 1996 году. В девяносто восьмом Белов, пользуясь бумагами, связями и властью, выгнал Выгорских на улицу. Ярославу тогда было тринадцать, сестре Мирославе – одиннадцать, брату Диме – семь. Стоило только чуть расслабиться, горечь воспоминаний тянула жилы. Если бы знать тогда, чем все закончится, он бы...

Несколько месяцев пришлось ютиться у неродной бабки. Каждый день начинался с ворчания и заканчивался скандалом. Старуха никак не могла уразуметь, почему человек владеющий магазином, где продавали машины, притащил жену и троих детей в её двушку? Они и сами это плохо понимали. Сначала казалось: произошла ошибка, кошмар продлится недолго. Но дни складывались в недели, недели в месяцы – проблема не решалась – узел только заты-

гивался. Отец разрывался между растущим бизнесом и семьей. Порой Ярославу казалось, что батя не спал никогда, порой бесило, что отец ничего не делал.

Но это было не так. Действовал Выгорский старший и через начальство Белова, и в обход его. Самые большие надежды возлагал на суд. Был уверен, что по закону удастся добиться справедливости. Процесс тянулся несколько лет. С той и с другой стороны работали опытнейшие юристы. Перед каждым заседанием отец глотал таблетки. Его жгло желание выиграть дело. Ради справедливости и собственного достоинства, ради семьи. Бедный отец! Вздох вырвался из груди Ярослава. Ну, почему? Почему тогда у него не было достаточной власти, чтобы раздавить мерзкого урода?

У Белова были особые методы.

Угрозы. Не только отцу, но и мачехе, и даже им, детям. Люди Белова требовали отступить. Ярослав до сих пор помнил, как тряслись руки Мирославы после первого ночного звонка. Она, бедняжка, даже заикалась несколько дней. До сих пор не любила вечерний треск телефона и всех знакомых предупреждала: «Хотите мне что-нибудь сказать, будьте добры, потерпите до утра!»

Львиную долю правды о нападках отец скрывал. Иногда только просил старшего сына быть внимательнее. Ярослав вырос, оберегая мачеху, брата и сестру. Когда он перестал бояться? Не тогда ли, когда в первый раз харкнул в мента? Когда его одного из большой школьной драки пырнули ножом? Когда понял, что угрожают, значит, не уверены?

На телефонные запугивания через какое-то время он сам престал обращать внимания. На полуночное треньканье тоже. Приходы и обещания расправы от милиционеров юного Ярослава только раздражали. Но то, через что пришлось пройти семье навсегда осталось в памяти. Доходило до того, что обычный гаишник останавливал отца на посту и требовал отказаться от судебных претензий. Как можно было противостоять такой паутине?

Мачеха была вся на нервах, младшие страшились ходить в школу, наезды на автобизнес – как могло это не сломить отца? Жена умоляла отказаться от квартиры, от суда – спокойствие и жизнь детей важнее! Тем более что недостатка в средствах уже не было – они давно могли позволить себе несколько домов. Отец просил потерпеть еще немного: скоро суд должен был закончиться, а справедливость – восторжествовать. Они с победой смогли бы вернуться теперь уже на Кудринскую площадь.

Увы. В 2007 было принято окончательное решение. Все судебные инстанции пройдены. Выгорские потеряли всякое право на жилье, полученное еще в 1955 году дедом Ярослава – экономистом авиационной промышленности Борисом Григорьевичем Выгорским.

Всё было кончено. Сил не было. Отец сильно сдал. Неинтересен стал окрепший бизнес. Блеск в глазах потух. Исчезла крепость в руках. Дыхание наполнилось сожалением. Горечью. Ярославу рвала душу боль: каждый день отец просыпался слабее, чем накануне. Даже воспоминание заставляло стискивать челюсти.

В две тысячи девятом отца не стало. Это было таким потрясением, что долгое время Ярослав не мог ничего поделать с собственной никчемностью. Мука потери змеиным клубком поселилась внутри. Всё, что Ярослав умел, дал ему отец. Справедливость. Честность. Смелость. Он был идеалом. Ярослав ненавидел крысу, которая уничтожила этот идеал.

Он в который раз почувствовал, как гнев поднимается в нем, подобно воде в шлюзе. С силой выдыхая воздух, сосредоточился на дороге: поворотник, перестроение, тормоз, сигнал, перестроение, газ. Потребовалось семь минут, чтобы добраться до бульвара и припарковать машину. Этого времени было достаточно, чтобы на него обратили внимание десятка два молодых людей, знавших цену авто, которое им не под силу приобрести за всю жизнь, как бы усердно они не работали. Восхищенные взгляды девиц и завистливые лица щеголей, праздно шатающихся по ночному городу, сегодня не забавляли его. Если б не всеобщая лень, мир был бы полон таких тачек, прекрасных домов, великолепных яхт, комфортных рабочих мест при

сохранившейся природе, чистом воздухе, голубом море. За последнюю пару месяцев он как никогда устал от пустоголовых, не желающих напрягаться и брать на себя ответственность бездельников.

Новогодние украшения сверкали в окнах магазинов, на столбах, у ворот, у тротуаров. Блестели желтые, красные, синие огни, отражаясь в елочных гирляндах немыслимым числом звезд. Праздничное сияние только выводило Ярослава из себя. Он пересек тротуар и открыл нужную дверь.

Кафе встретило теплом и вечерним гулом. На секунду Ярослав замер и обвел заведение пристальным взглядом. Приглушенный свет, наверное, должен был создавать интимную и доверительную обстановку, так же как и ненавязчивая современная музыка, но, на его притязательный вкус, ресторанчик скорее походил на притон для малолеток. Отсутствовали скатерти на столах, вместо занавесок болтались жалюзи, аромат выпечки смешивался с запахами жареного картофеля и чистящего средства. Ярослав чуть заметно сморщил нос, предугадывая, что «вонь» пропитает одежду. Постеры, развешанные на серых стенах, навивали мысли о шаблонности и скуке.

Взметнувшаяся вверх ладонь подсказала, в каком направлении двигаться. Ярослав прошел и протянул руку молодому человеку в темной шляпе. Тень скрывала черты лица, оставляя свету заостренный кончик носа. Ярослава передернуло: он еще относился к тому поколению людей, которые снимали головные уборы в помещениях.

– Здравствуйте, Ярослав Викторович, – поприветствовал остроносый, привстав, отодвинул для Ярослава стул, и они оба опустились.

– Добрый вечер.

– Она сидит за соседним столом, – глядя в окно и еле раздвигая губы, пояснил юноша, – видите, большая компания справа. Четыре девушки и три парня. Белова – та, что с длинными волосами и в короткой юбке.

Ярослав медленно огляделся. Девушка занимала место прямо перед ним, сидела боком, так что он мог прекрасно разглядеть ее всю – малец Гаврилова отлично знал свою работу. Ярослав немного смягчился.

Виктория Белова. Ее внешность была из тех, что поражала с первого взгляда. Блестящие черные кудри окутывали плечи и спускались ниже лопаток, почти до пояса. Ровная спина опиралась на спинку стула, образуя небольшой изгиб. Стройная ловкая фигура выдавала любовь к движению. Короткая юбка открывала длинные ноги, будто бы специально выставленные напоказ. Прозрачные чулки, шпильки. Голубой шарф обвивал шею и тянулся до сапог. Узкие ладони белели на коленях. Тонкие, будто искусно выточенные, пальцы в задумчивости перебирали друг друга. Ярослав присмотрелся к лицу. Темные глаза, большие, как у газели, бархатные и блестящие, словно сама ночь. Брови взлет. Кожа даже в полумраке дышала свежестью, легкий румянец играл на припухших, еще юных, щеках.

– Я Вам больше не нужен? – голос молодого человека вывел Ярослава из раздумий.

– Нет, спасибо, – он кивнул, вытащил из бумажника крупную купюру, протянул парню: Ярослав давно взял за правило не скупиться: чем больше он отдавал, тем больше возвращалось, – иди.

Парень сверкнул белками глаз, благодарно склонил голову и исчез. Ярослав снова погрузился в наблюдение, прищурил глаза и цепко ухватывая детали. Он читал в правильных чертах лица девушки отпечаток души, и это ему не нравилось.

После смерти отца, пусть земля ему будет пухом, он долго готовился отобрать свою квартиру у Белова, наказать его, дать понять, что Выгорские не сдаются никогда. Он все сделал для того, чтобы не просто расквитаться с обидчиком, но и оставить на нем клеймо позора, сняв его с должности. Какова же была его ярость, когда Белов сыграл в ящик! Чертов ублюдок!

Услышав впервые о смерти врага отца, Ярослав пришел в замешательство. Ему потребовалось немало времени, чтобы преодолеть растерянность и превратить ее в другое, более действенное чувство, в злость. Вот и теперь Ярослав ощущал ее холодный клинок у груди. Костяшки побелели от напряжения, он взглянул на них и усилием воли заставил себя расслабиться. Как, черт подери, ему теперь отомстить, если обидчик сдох? Если осталась одна эта безмозглая длинноногая дура, пусть ей все и перешло по наследству? Почему он не действовал быстро? Зачем надо было так долго планировать и продумывать детали? Теперь хоть волосы на себе рви – крыса уже в могиле.

Белов был хитер, но и у него были слабости. Ярослав с отвращением вспомнил единственную встречу с обидчиком семьи. Мерзавец тогда еще был крепок, Ярослав без всякой договоренности вошел в его просторный кабинет в правом крыле мэрии, опустил руку на плечо и прямо в глаза сказал, что он сделает с изнеженным созданием – Викой Беловой. Какое это было счастье, смотреть на дышащее ненавистью старческое лицо и предупреждать о будущем, на которое безжалостный дьявол не мог повлиять. Как смешны были его попытки защитить свое отродье. Он думал, что Ярославу нужны деньги. Как это похоже на него, на всю его жалкую жизнь!

Тогда Ярослав шутил. Маленькой твари не было восемнадцати, он не собирался её трогать. Теперь всё изменилось: всё досталось ей. Конечно, мстить девчонке было смешно. Все равно, что обижать котёнка. Он просто планировал забрать у неё то, что принадлежало ему.

Молодежь из сборища громко смеялась и пыталась переорать друг друга. Неужели сами себя не раздражали? Шатенка, что сидела спиной к нему, завела громкий разговор с соседкой, и через минуту они уже горячо спорили. Худой парень по правую руку от Беловой тщетно старался вмешаться в их разговор. Потом бросил это дело и принялся есть. Пиджак висел на его плечах, как на вешалке, водолазка грубо подпирала угловатый подбородок. В конце концов, он не выдержал и принялся что-то втолковывать черноокой. Взгляд Ярослава снова переместился на главную девушку.

Красивая, она задумчиво крутила локон, слушая тощего. Кивала, но сама была в рассеянности, глаза её бродили без цели по стенам, потолку, останавливались на изображениях, замирали, чтобы пуститься в путешествие снова. Четкий профиль, обозначенный в сумраке залы, имел дерзко-отстраненное выражение. Неулыбчивая, она не стремилась быть симпатичной кому бы то ни было. Ребята взрывались громким смехом – маленькая сучка лишь приподнимала уголки губ. «Скоро она и это делать перестанет», – подумалось Ярославу. Он уничтожит её, как её дед уничтожил его отца.

Боль потери никогда его не покидала. Боль постоянно напоминала о долге. Иногда она бывала настолько острой, что приходилось сдерживать крик. Ярослав стиснул зубы. Любимая внучка. Как трогательно! Безмозглое создание, которое беззаботно существовало, сдавая его квартиру. Теперь, когда Белова не было в живых, нужно было обвести вокруг пальца именно эту гадину.

Она заплатит за каждый печальный вздох Виктора Выгорского! Она заплатит за каждый день пользования его имуществом. За каждую ночь, когда Ярослав просыпался в поту, понимая, что не может вернуть отца, за каждый миг, когда тот мучился от боли. Да, она заплатит. Он вернет всё, что принадлежало Выгорским. Сделает всё, чтобы её дед не раз перевернулся в могиле. Он заставит её корчиться от боли. Он оставит её ни с чем.

Спешить не будет. С удовольствием подождет, ощутит свою власть над ней. Он станет с наслаждением смотреть, как она мучается от страха, как его сестра мучилась когда-то. Сделает так, что она обезумеет. Не выпустит её из вида, будет играть, как кошка с мышкой, и сам решит, когда закончить. Она будет молить о пощаде. А он не пощадит.

Компания снова взорвалась громким хохотом. Высокомерная улыбка, казалось, навечно застыла на лице девушки. Виктория повела плечами и, словно бы снизойдя до его внимания,

посмотрела на Ярослава. Выражение этого взора было неопределенно и не отличалось любопытством, как и все её поведение. Он ощутил сладкую дрожь предчувствия во всем теле. Уж не показалось ли ему презрение в ее лице? Или это была враждебность? Он замер, прислушиваясь к новому ощущению и не отводя равнодушного взгляда. Белова опустила веки, а он продолжал изучать молодую красавицу с бесстрастным интересом эксперта, осматривающего предмет искусства, о дефектах и недостатках которого знал заранее.

Усмехнулся. Должен ли он сомневаться, что получит в ближайшем будущем море удовольствия? Руки чесались начать. С тех пор, как в возрасте тринадцати лет Ярослав получил свою первую инвестиционную прибыль от акций компании Дарнела, и приблизился к пониманию того, как заставить деньги работать на себя, ничто кроме инвестирования не доставляло ему удовольствия. Он знал, когда войти в рынок, и когда из него выйти, и любил это занятие больше всех других входов-выходов. Путь к неограниченному богатству вызывал благоговейный трепет. И вот теперь предчувствие скорого отмщения рождало очень похожую сладостно-ароматную эйфорию.

Сперва нужно стать её близким другом. Познакомиться на улице? Или в одном из тех модных клубов, где она так любила бывать? Подойти сейчас?

Нет. Ярослав отмел оба варианта. Он хотел действовать наверняка, не дать ей шанса отшить его. Устроиться читать лекции в университете? Купить квартиру в соседнем подъезде? Нет, это все не то. Вот лобовое столкновение – уже что-то. Он представил испуганное лицо девицы, когда его машина на полной скорости летит навстречу её ауди. Ярослав тихонько рассмеялся. Было бы неплохо сломать ей шею. К сожалению, это не давало морального удовлетворения. Он хотел смотреть в её глаза, когда она поймет, почему они встретились, почему он забрал у неё всё. Он хотел видеть её страх и боль, раз уж ему не удалось лицезреть эти чувства на лице её предка. Что ж, недолго ему осталось ждать.

Ярослав отрицательно мотнул головой, когда официант подошел к нему. Протянул сотню и встал. Он понял всё, что хотел – больше ему здесь нечего было делать. Дверь всколыхнула морозный воздух, пропуская его на праздничную улицу. Бесперывный немолчный гул, вобравший в себя множество разнообразных звуков: глухих и звонких, далеких и близких голосов города, окружил его. Могучее дыхание жизни, шепот Москвы.

Угрюмые прохожие, закутанные в шарфы, торопились обогнуть Ярослава. Он поморщился, услышав прилипший к одежде запах дешёвой забегаловки и, не задерживаясь, двинулся к машине.

Глава 3. Поцелуй.

И делишь, наконец, мой пламень поневоле.

А. С. Пушкин

Ярослав застегнул часы и выглянул в окно. Машина уже грелась. Итак, счет два ноль в его пользу. Во-первых, как он и планировал, Белова позвонила сама. Во-вторых, знакомство состоялось.

Следующая цель: влюбить маленькую тварь в себя. Накануне он старался изо всех сил, извинился раз пятнадцать, сам себе был противен. Весь день сдерживал клокочущую ярость, опасаясь наговорить гадости. Высокомерие девчонки бесило. Что она вчера сказала? «...Если б ты не поцарапал мою тачку...» Да где она видела лоха, который стал бы возиться, не будучи застуканным на месте преступления? Разговор по телефону чего стоил! Она царица, он – холоп. Не моргнув глазом, спросила, женат ли он. Стыда не больше, чем у червяка! Как она хвост распустила: ресничками хлопала, ротик открывала, смотрела во все глазки. Раздражало! Прикинулась, что скорбит о родителях. Так он и поверил! Сколько лет прошло?

Что было силы, Ярослав хлопнул дверью. Звук прокатился по лестничному пролету, и он пожалел о своей горячности. Когда придет время уничтожить её? Его ждали в тысяче мест, а он окучивал сорную траву.

Надо успокоиться! Попробовать воспринимать её как симпатичную куколку. Она ведь не уродина. Каково это – спать с ней? Противно, наверное? Или нет? Целовать ненавистного человека, смотреть в глаза, ощущать тепло плеч, погружаться в аромат. Мозг подкинул картинку губ, облизывающих друг друга. Вика делала это по-особенному: накрывала верхней губой нижнюю, а затем медленно возвращала ее на место, будя в нем одновременно и бешенство, и низменные потребности.

Пусть каждая секунда его мести будет сладкой! Вечером он планировал первый поцелуй. Завтра, может быть, секс. Потом она переберется к нему. «Это должно случиться не позднее двух недель от теперешнего дня, – решил Ярослав, поворачивая ключ в замке. – А перед тем обязательно устроить знакомство с Зуевым». По плану Ярослава, к его юристу Белова должна была привыкнуть как можно скорее. На то были свои причины. Безотчетно прислушиваясь, не спускается ли объект преследования в лифте, Ярослав задумался об Андрее.

Поначалу он не понимал, отчего одноклассником сестры так восхищались его предки, и что находила в нем она сама. Для Ярослава, человека-практика, толстый паренек (Зуев и до сих пор оставался плотным здоровенным детиной), помешанный на книгах, участвующий во всех подряд школьных олимпиадах, знающий назубок Евгения Онегина, был сродни инопланетянину. Восторги по поводу ораторских способностей юноши, доходившие до Ярослава и рождавшие почтительное недоумение родителей, у него вызвали лишь ухмылки.

Долго Ярослав не понимал, долго. До того самого момента, как Андрей не помог ему однажды. Хотя какой, казалось бы, из этого увальня, помощник?

Все случилось в конце мая. Непогода внезапно превратила теплую весну в осень, лил дождь. Еще утром жарившее солнце спряталось за мутные тучи, асфальт блестел под пружинными ударами струй. Мать, опасаясь, что дочь промокнет до нитки, заболит, отправила возмущенного Ярослава встречать сестру у метро. Он собрался с большой неохотой: сам только что явился из спортзала и, в предвкушении спокойного вечера, упал на кровать с брошюрой Киосаки.

Хотя Ярослав и шел под зонтом, через три минуты его штаны пропитались до колен: только выжимай! Зябкий ветер налетал порывами, и мокрые кусты вздрагивали, разбрасывая капли, как выбравшиеся из холодной реки медвежата.

Он покрутился у ближайшего выхода из метро, проклиная всех безмозглых девчонок на свете. Пока она вышла, стало почти темно, и они молча зашагали к дому. Дождь сбавил обороты, да и благодарность Мирославы немного смягчила его злость. Они уже перекидывались фразами о том, о сем, топая по тесному переулку, когда впереди зажглись огни. Ярослав из-под зонтика посмотрел на небо, разыскивая просветы в тучах, а когда опустил голову, увидел шагах в десяти незнакомых ребят. Он бы не обратил внимания, если б Мирослава не приостановилась и тихонечко не ойкнула.

Шли навстречу трое, в их ленивой развязной походке чувствовалась угроза, до слуха доносилось противное «гы».

– Это, кажется... – прошептала сестра и сбавила шаг.

Он и сам понимал. Уже несколько лет пружина внутри него не расслаблялась. Он привык быть всегда готовым к нападению. Ярослав глянул внимательнее. Он не видел в волглых сумерках лиц, только различал фигуры. Один, справа, был маленький и худой, второй (тот, что шел в середине) – пошире Ярослава, а третий – выше и крепче.

– Иди, не бойся! – он подтолкнул сестру в спину. Ну ладно, самого мелкого, вырубит одним ударом, а остальные двое? Они медленно приближались, и Ярослав смог разглядеть их. Высокий, в синем спортивном костюме с лампасами, был, кажется, не старше его, шестнадца-

тилетнего. Щуплому набежало лет семнадцать. А вот последний, как пить дать, был не младше двадцати. Ярослав понял, что их единственный шанс – спасение бегством, он ощутил противную дрожь внутри и сам на себя рассердился. От этого стиснул зубы и сжал кулаки.

Они почти прошли мимо, он выдохнул с облегчением, когда старший, поравнявшись, сказал, пахнув пивным перегаром:

– Остановись-ка. Дело есть, – он растянул губы, и Ярослав увидел темные, насквозь гнилые от курения, зубы. Улыбка была бесцветной.

Ярослав не боялся быть избитым, и драки не боялся. Эти трое не понимали, что бывают вещи сильнее страха, что можно бояться и все равно стоять прямо. Потому что есть гордость и честь, и твое дело верное.

Ему было даже жаль их: они знали только как быть шпаной, воровать по мелкому, а с возрастом, может быть, по крупному. Он догадывался, что у них нелады в семьях и девушки с ними встречались неохотно. Опять же, проблемы с законом. Если пока не было, то рано или поздно будут. Они, как плесень, выползая из подвалов, разрослись, делали свое грязное дело в шаге от прекрасного, не осознавая и не умея создать добро. В одной минуте от светлых лиц, от тысячи добрых и справедливых людей в случайной темноте появлялись поганки и хотели заслонить собой весь мир.

Тот, который сказал, наматывал на руку грязную тряпку: то ли платок, то ли ленту. Не спеша и аккуратно, как будто к работе готовился.

– Да ну? – насмешливо заметил Ярослав и, прежде чем кто-то успел опомниться, врезал старшему по уху.

Сначала они растерялись, но ненадолго. Не успел Ярослав развернуться, как, словно ослепленный вспышками белых прожекторов, сам отлетел в кусты. Острые ветки впились в спину. Загремела по асфальту пустая бутылка и, наткнувшись на что-то, разбилась. Один из них довольно заржал, и Ярослав почувствовал удар ботинком в бок. Он почти не мог дышать, но медленно поднялся, стряхивая из головы туман.

– Хватит на первый раз? – сказал коренастый и сплюнул, Ярослав поднял глаза.

– Боишься, гадина? – тихо сказал он и посмотрел исподлобья. Он четко знал, что сейчас сделает, но ощущал в груди неприятный холодок. За Мирославу.

Одно дело дома, в надежной теплой комнате говорить, что сумеешь защитить сестру, совсем другое – воплотить это наяву. Лишь бы она была в безопасности. Только бы дать ей убежать. До дома оставалось четыре двора и маленький пруд. Ему стало по-настоящему страшно. Противным липким страхом, от которого слабели ноги. Ярослав знал, гиблое дело этот страх, он делал из человека тряпку, поэтому повернулся к Мирке.

– Иди домой! – коротко сказал он и, видя ее сомнение, поднял тон. – Живо!

Она неуверенно кивнула, отошла спиной, повернулась и прибавила скорость, а потом рванулась и бросилась к светлой улице.

– Малой! – тонко приказал старший, – верни ее!

Длинный кинулся за Мирославой, и Ярослав, с досадой понимая, что ей не уйти, с ноги врезал сказавшему. Тот отлетел к хлипкому забору, отделявшему переулок от железной дороги. Его тяжелые ботинки ударились о землю.

Дальше все было смутно. Ярослав не раз падал на осколки, и они впивались в него, как горячие угли. Длинный притащил упирающуюся беглянку. Кровь смешивалась с дождем, стекала с локтей и подбородка Ярослава. Он поднимался и бросался снова, пока не услышал, как треснула ткань, и Мирослава завизжала. Ей, видимо, тут же зажали рот, но этот звук отрезвил Ярослава. В тот момент, когда подонки мнили его побежденным, в нем вдруг зажглась злоба уверенности. Он вспомнил все, что надо: добрые морщины отца, весело скачущие коленки Димки, сестру за уроками, ласковые глаза мачехи, когда они, будучи малышами, прибежали в

кровать родителей. Это было как второе дыхание. Он схватил попавшийся под руку камень и швырнул в самого старшего.

– Ай, – как-то по-детски сказал коренастый, но Ярослав даже не стал разбираться, куда попал. Он кинулся к мелкому и вдруг увидел невесту откуда взявшегося Андрея с кривой палкой в руках. Обычно тот передвигался тяжелой поступью, но в этот раз тихо подкрался и ударил своим орудием подонка, державшего Мирку. Не давая ему опомниться, выхватил ее из его рук и закрыл своей толстой, неповоротливой массой.

Через мгновение, как сумасшедшие, они вдвоем принялись молотить обидчиков. Те быстро сообразили, что им не справиться, у старшего оказалась кошачья реакция, он прыгнул через забор и тут же оказался с другой стороны. «Ему решетка светит за нас», – промелькнуло у Ярослава. Малой драпанул. Длинный быстро зашагал прочь, потом не выдержал и побежал неуклюжей рысью.

Все закончилось. Они без слов подобрали зонтики и, не глядя друг на друга, дрожащие, потопали домой.

– Как ты здесь оказался? – уже почти у подъезда повернулась Мирослава к Андрею.

– Тебя шел встречать – ливень какой, – крикнул густой голос.

– Встречальщик, – проворчал Ярослав ласково и ткнул его в плечо. Он был благодарен за помощь. Чем бы все закончилось, не подоспей «ухажер» вовремя?

– Я хотел сначала крикнуть «Менты!», но потом передумал, – сказал Андрей, и когда Ярослав с удивлением посмотрел на него, добавил: – когда еще будет возможность кулаками помахать, а?

– Ты дурак! – засмеялся Ярослав, а Мирка разрыдалась.

Так и пришла домой заплаканная, в разодранной кофте. Ну, предки тоже, конечно, в панику ударились. С тех пор одной ей не разрешалось ходить. Ни по утрам, ни вечером. Стали они тщательнее и маленького Димку оберегать, да и за ним, за Ярославом, родители присматривали. Нет-нет, да забирала мачеха с тренировки, подкидывал водитель отца. Вскоре батя, хоть сыну и не исполнилось восемнадцати, справил ему права и машину купил. Вот тогда началась льготная жизнь. Девчонки по нему с ума сходили, отбоя от желающих прокатиться не было. Он ездил куда хотел и с кем хотел, успевал в тысячу мест за день. Но и голова стала по-другому варить. Он теперь с особой остротой понимал стоимость ответственности.

Одно время у Андрея и Мирославы был роман. Где-то на первых курсах института: когда Мирослава, наконец, поняла, что сила мужчины – это его мозг и перестала обращать внимание на внешность. Почему лавстори закончилась, Ярослав не знал и не считал себя вправе докапываться, но с тех пор не раз слышал шуточные подтрунивания бывших влюбленных. Они оставались друзьями, хотя с каждым годом это становилось все сложнее: молодые люди сестры не были готовы мириться с присутствием в ее жизни успешного, пусть и не очень красивого, приятеля; неприятное, но доброе лицо Андрея, вызывало неизменную антипатию и ревность ухажеров. Зато оно не мешало Ярославу. Они с Андреем крепко сдружились и не раз еще участвовали в переделках, подобной майской. Со временем даже выработали определенную последовательность действий и понимали друг друга с полуслова.

Это помогло и в дальнейшем, когда он позвал Зуева в дело. Андрей был одним из немногих людей, для которых работа была не средством существования, а являлась призванием, страстью – самой жизнью. Ярослав видел родную душу: то, чем для него была прибыль, для Андрея был закон. Уже работая у него, Андрей блестяще окончил юридическую академию, чего в принципе Ярослав понять не мог: для него самой теоретической наукой, излагаемая замшелыми профессорами с кафедр, была сродни усыпительному порошку.

Ярослав спустился по лестнице. Когда-то они тоже жили в доме вот с таким обшарпанным подъездом. Грязные полы, похабные надписи – он уже отвык от этого, и потому с некоторой брезгливостью смотрел по сторонам. Ну, да ладно! Хорошо вообще, что удалось купить

жилье в подъезде Беловой. Подфартило! Он готов был платить высокую цену, когда искал обителище поблизости от гадюки, но люди бывали порой так привязаны к отчужденному дому, что никакими деньгами их не выманишь.

Старушка, что жила в квартире до него, была настоящей занозой. Никак не хотела заключать сделку, пока не встретила с будущим владельцем лично, сотню раз звонила: то ей неудобно перед соседями: вдруг Ярослав мошенник, то повышала цену, то требовала найти ершик, оставленный при переезде. Ярослав вспомнил, как ужаснулся, осмотрев жилье. Он и не подозревал, что в такой разрухе можно существовать. В его жизни случались подъемы и поражения, но чтобы дойти до такой степени запустения? Чего стоили обои, кусками наклеенные вдоль и поперек, мебель, лишенная ножек и опирающаяся на стопки книг? Грязные окна, словно специально забытые или установленные, дабы задерживать свет. Все это производило самое гнетущее впечатление, уж не говоря о затхлом запахе, напоминавшем о травле тараканов. Он с трудом представлял, что может прожить здесь не один день.

Впрочем, быстрый ремонт – он не терпел промедления ни в принятии решений, ни в их исполнении – исправил дело. Холодная, богатая, серо-голубая гамма обновленных комнат подчеркнула холостяцкий статус владельца и его состоятельность.

Ярослав вышел из подъезда и оглянулся на окна зазнобы – они выходили во двор. Сел в машину и уперся взглядом в металлическую дверь. Вчера порадовало, что девчонка не опоздала. Может быть и сегодня повезет?

В ответ на беззвучный вопрос, Вика показала из подъезда в модном ярко-красном пальто и черных сапожках на невообразимой шпильке. Мышцы Ярослава напряглись, готовые к действию. Да, переспать с ней будет определенно приятно! Он не станет затягивать с этим делом. «Добро пожаловать в ад, дорогая», – мысленно поприветствовал он.

Вика скользнула в салон, наполнив его легким ароматом духов.

– Доброе утро, – спокойно поприветствовала девушка, а он подумал: «Как же она скупа на улыбки»!

– Доброе! – обожающим взглядом Ярослав впился в угольно-черные глаза, на секунду задержался на губах, отметил легкий румянец и тронулся. Вчера он спросил, куда надо будет ехать. Конечно, он и без того знал, где Белова училась. Институт располагался за Таганской. Сегодня удобнее было ехать через третье транспортное кольцо.

– Как настроение? – Ярослав постарался втянуть пассажирку в разговор.

– Спасибо, хорошо.

Он ждал, что собеседница из вежливости продолжит, но она и не подумала этого сделать. Сложила руки на сумочке и уставилась в окно.

– Тебе нравится быть студенткой? – предпринял он вторую попытку.

– Угу.

И снова молчание.

Неужели нельзя нормально ответить?! Не только «да» и «нет». Вот черт!

– Сама поступила?

– Да.

– Круто!

– Но на платный.

– Все равно круто, – Ярослав многозначительно склонил голову, стараясь вызвать у девушки эмоциональную реакцию: шутку, иронию, движение брови – хоть что-нибудь.

– Наверное, – равнодушный голос был ему ответом.

Да, по части хороших манер, девчонку в детстве, видно, мало лупили.

– Если не секрет, платит кто?

– Сама плачу.

– Работаешь?

- Нет, мне дедушка в наследство квартиру оставил, я ее сдаю.
- Одну единственную квартиру? Не верится, что учеба такая дешевая.
- Недешевая, но и квартира в самом центре, внутри Садового. Большая, хороший ремонт.

Задорого сдавать можно.

«Ну, квартира у тебя, милочка, не единственная».

– Так ты богатая наследница?

– Угу. Мисс Скрудж... – заметила она и перевела разговор на нейтральную тему, – погода сегодня мерзкая, да? Холод собачий.

Ярослав отвернулся, он внимательно следил за дорогой, не меняя выражения лица, и только его рука с каждым мгновением все сильнее сжимала руль. Мимолетное упоминание о бывшем жилье взбесило. Он вдруг ясно осознал, что мог бы сейчас с полнейшим хладнокровием убить эту тварь. Так легко и спокойно говорить о награбленном! «Она достойна статуэтки за актерское мастерство!» – решил он, мысленно проклиная всех и вся.

«Возьми себя в руки! Кто-то должен ведь быть любезным», – велел Ярослав самому себе, но ему потребовалось некоторое время, чтобы выровнять дыхание.

Они выехали на Ленинградку, постояли в заторе у «Войковской», когда он нацепил маску интереса и принялся болтать, расспрашивая про учебу, почти не думая, пользуясь общими фразами, к которым прибегали люди, встретившиеся впервые. Вика отвечала без энтузиазма: похоже, мысли её витали далеко. Всем своим видом – движением колен, бровей, губами – она показывала, что беседовать ей скучно. Не любила институт? Хотела бы заниматься чем-то другим – не живописью? В чем дело? Может, его вопросы нелепы? Плевать! Главное, она ехала в его автомобиле.

Когда проскочили тоннель на Соколе, он уже успокоился, положение стало казаться ему почти забавным. И волосы Виктории, уложенные с тщательной небрежностью, и ее щечки, и маленькие сережки в ушах веселили его. Глядя на них, он думал: «Еще немного и Вы будете моей, госпожа Белова». Мало-помалу им овладело чувство удовлетворения, потому что он знал, что идет по нужной тропинке в верном направлении, и совсем скоро она будет целиком в его власти.

Вика показала, куда лучше подъехать у института, сдержанно поблагодарила, и он проследил, как она скрылась за дверью учебного корпуса. Сегодня был четверг, четная неделя. У нее, он знал, три занятия, а значит, в его распоряжении имелось пять часов. Энергия забурлила в крови. Что надо сделать в первую очередь? Ярослав сосредоточился и, вырвав с улицы, набрал секретаря.

– Анна Владимировна, добрый день. Запишите. Уваров мне должен прислать план по облигациям банка. Я жду не позднее пяти. Кирилл предложения по эмиссии ценных бумаг пассажира. Да. Спасибо. И напомните, будьте добры, Ефимовой о встрече в Эдинбурге. Благодарю. Я буду через двадцать минут, пусть Куркин зайдет ко мне.

Работа всегда успокаивала. Не было причин нервничать. Он не выводил продукт на новые рынки. Не рисковал миллиардами. Он просто ухаживал за девушкой. И шансов у него было больше, чем у кого бы то ни было. Ярослав ухмыльнулся. Его люди собирали информацию несколько месяцев. Он в курсе, сколько минут сучка чистила зубы, и какое мороженное любила. Бесспорно, месть была бы слаще, будь сам Белов её свидетелем. Старый черт сдох раньше! Ублюдок! Ну, что ж. Тем больше будет мисс Скрудж.

В три часа он снова стоял неподалеку от места, где высадил ее, пытливо вглядываясь в толпу. Мелькнуло красное пальто. Вика показалась в компании молодых людей, ветер развивал её кудри. Потихонечку студенты прощались, расходясь по машинам. Вика осталась наедине с прыщавым слюнтяем. Конечно, с расстояния, на котором Ярослав находился, невозможно было разглядеть прыщи, но догадаться не составляло труда. Дерганой походкой тот шел рядом с девушкой, и Ярослав узнал в нем её угловатого соседа из кафе.

Она уже открыла дверь тюнингованной мазды, когда заметила его. На миг точеная фигурка замерла, она сказала что-то юнцу и двинулась в его, Ярослава, сторону. Вика приближалась походкой уверенной в себе юности: расправив плечи, подняв голову и танцую бедрами. Её ноги, казалось, ласкала короткая юбка, выглядывающая из-под алой полы. Копна волос за спиной развивалась крыльями и хлестала по плечам, и вся она напомнила ему темного ангела. Она впиалась в него взглядом, глаза её были точно космическая бездна и ледяное пламя одновременно. Они жгли и вместе с тем не выражали ни намека на удовольствие. А ведь он так привык к восторгу окружающих женщин. Свыкся с обворожительными улыбками, зовущими губами, яркими заигрываниями.

Вика остановилась у водительской дверцы. Он опустил окно.

– Сломалась? – она кивнула на машину, чуть изогнув бровь. Он отрицательно покачал головой.

– Дорогу забыл? – снова покачал.

– Разучился рулить? – он не мог сдержать губ – уголки поднялись вверх. – Нет.

– Не слишком ли... – Вика игриво подняла глаза, подбирая слова, – ...нескромно с моей стороны предположить, что ты ждешь меня?

– Не слишком.

Она развернулась и продефилировала (по-другому это не назовешь!) к мазде. О чем-то поспорила с угреватым, и Ярослав почувствовал, как злой взгляд соперника метнулся в его сторону. Он усмехнулся. Вика вернулась всё такими же плавными шагами. Ярослав потрудился выйти и открыть ей дверь.

– Разве ты не должен быть на работе? – поинтересовалась она, когда они тронулись.

– Нет.

– Выходной? – Она вообще когда-нибудь улыбалась?

– У меня свободный график.

– Домой? – пассажирка не испытывала приступов излишней скромности.

– Нет, – против воли ему стала нравиться ее манера говорить коротко. Если б эта женщина не была причиной бед его семьи и не вызывала острых приступов бешенства, он, без сомнения, присмотрелся бы к ней внимательнее.

– Ты есть хочешь?

– Не особо, но от кофе не откажусь.

Ярослав отвез её в простенький ресторан на Чистых прудах. Они устроились за столиком у окна и сделали заказ. Ела принцесса вяло, зато выпила огромную чашку капучино.

Болтали мало. Всё, что он хотел знать – Ярослав знал. Сейчас было важно, чтобы она к нему привыкла. Это первый этап. Время, когда вы вкладываете деньги и ждете прибыли, когда ваша главная добродетель – терпение. Вика, будто бы оправдывая утреннее поведение, спрашивала, где он раньше жил, почему переехал. Весело! Она задавала вопросы, которых он ждал. Оставалось односложно отвечать или кивать. Всё шло как по маслу. Ярослав чувствовал себя легко в этой скромной обстановке, наслаждаясь простотой отношений, которая обычно возникала у него с людьми не скоро. Всему виной, вероятно, была уверенность в успехе. А может быть разница в возрасте: он являл почтенного знатока жизни, расположившегося рядом с пионеркой. Или её привычка не молоть языком: она вызывала невольное снисхождение.

Ярослав окончательно расслабился, удобно устроившись в кресле, и взглянул на девушку, сидящую перед ним. Она совсем недурна, эта маленькая пройдоха, совсем, совсем недурна. Стройная, с высокой грудью, чистым личиком, на котором темные глаза, отливающие эмалью, были словно вырисованы прихотливой и тонкой кистью художника. Она напоминала восточную красавицу с влажными ресницами, только что покинувшую зеленую прохладу океана. Довершала это сходство гладкая, точно не знавшая прикосновений, кожа, без единой складки, без единого пятнышка, ровная, дышащая свежестью. Вика была одета в юбку, выставящую

на всеобщее обозрение ноги. Он находил, что она обольстительна в ней и шелковой блузке, и вызывает грубое, определенное желание, от которого у него становилось жарко в брюках, когда под легким шелком обрисовывалось тело. Тонкие пальцы медленно и небрежно перебирали друг друга. Двигаться было лень – вот бы так сидеть и сидеть и смотреть на неё и ни о чем не думать.

Было уже темно, когда они возвращались домой, он с остротой хищника чувствовал, что она здесь, совсем близко от него, в этой движущейся закрытой, ему одному подвластной коробке, которую лишь на мгновения освещали яркие уличные фонари. Он безмолвно ощущал её тепло, будто бы они соприкасались, и вспоминал тонкую ткань одежды под пальто. Она сидела неподвижно и молчала, только однажды он видел, как блеснули её глаза, когда луч света проник сквозь окно. «О чем она думает?» – спрашивал он себя, чувствуя, как вожеление распирает его и переполняет сила для внезапной решительной атаки.

Когда он проводил её, Вика встала так близко, что их одежда соприкоснулась. Токи интимной приязни, даже доверия, проскользнули под покровами. Теплое дыхание достигло шеи, он разглядел маленькую родинку на аккуратной ушной раковине. Завитки волос, кристалл сережки приблизились вплотную. Ярослав потянулся ближе, но насмешливый голос оттолкнул грубее рук.

– Если это было свиданием – оно мне не понравилось, – уверенный взгляд вонзился в его глаза, – больше не приглашай меня. Терпеть не могу пустую трату времени, – нахмурилась она. – Я не буду против, если ты отвезешь меня в институт: как-никак из-за тебя я безлошадная. Но я не радио и не проститутка – развлекать мужчину, – отрезала черноокая. Взгляд (холоднее льда) облил презрением, и госпожа Наглость исчезла за дверью.

События развивались с такой быстротой, что он не сразу мог опомниться, разобраться в происшедшем и прийти в себя. На несколько мгновений Ярослав замер в изумлении. Мышцы одеревенели. Его охватило бешенство. Кровь вперемешку с яростью забурлила в венах. Тварь! Что она себе позволяла? Ярослав сжал кулаки. Чем быстрее он покончит с этой пигалицей – тем лучше. Он собьет спесь с нее, чего бы это ни стоило. Он уничтожит это своевольное отродье! Ярослав замер, борясь с желанием долбануть кулаком стену, чтобы пробить дыру и дотянуться до шеи самовлюбленной гусыни. Сломать ее, смять, подобно трухлявому дереву! Огненное кольцо злости стянуло грудь. Бешенство кипело внутри. Эта недалекая, лишенная привычки улыбаться девчонка, посмеялась над ним!

Призвав на помощь все свое самообладание, Ярослав унял тяжелое дыхание. Не спеша, чеканя шаги, спустился по лестнице. Наглая натура преподала ему неплохой урок. Он выучил. Впредь он не станет недооценивать Викторию Белову. Девчонка была не так проста, как казалось. Надо отдать должное: она без труда низвергла его самоуверенность с вершин. Слишком размечтался: планировал сегодня залезть под юбку, а получил удар ниже пояса. Нет, он не допустит, чтобы в самом начале скачек, она выбила его из седла! Он лично дал старт игре, цель которой – квартира Выгорских, а средство – сердце Беловой.

Придя домой и оставшись один, он несколько минут большими твердыми шагами ходил из угла в угол. Он был до того взбешен, что не мог ни о чем думать. Гнев и непонимание раздирали тело. Мечты поблекли, одна единственная мысль шурупом засела в голове, и Ярослав, удивляясь собственной встряске, выкрикнул «Сука!»

Через полчаса он рухнул в кресло у стола и принялся рассматривать рисунок обоев. Классические завитушки в стиле барокко прыгали перед глазами, волнообразные изгибы райских цветов пересекались с вертикальными полосами орнамента. Он сидел неподвижно, смотрел и размышлял. В нем росла злоба на бессмысленные кольца и выкрутасы, дикая злоба, потому что ему претило находиться в этой комнате и в этом доме, где он знал, обитала девчонка, которая, кажется, не боялась его и не торопилась падать к его ногам! Он схватил нож для бумаги,

лежавший поверх конвертов, и с ожесточением бросил его в стену. Клинок мелькнул серебряной рыбкой и воткнулся поперек линий на обоях.

Тут он вспомнил слова отца: «Никто не вправе говорить тебе, что ты можешь и чего не можешь делать. Только ты это решаешь».

Ярослав почувствовал всю глупость злобы и рассмеялся. Что это с ним? Девчонка вывела его из себя, как никто другой, но ведь не собирался же он от этого хандрить?

Он встал, сунул руки в карманы и, насвистывая, отправился в кухню. Что ж, придется наказать ее. Что она сказала? Не проститутка? Это надо еще посмотреть. Был весьма удобный способ решить две проблемы одновременно: исполнить долг и удовлетворить собственные потребности.

Через десять минут Ярослав улыбался во весь рот, вспоминая ее хмурое лицо и прихлебывая чай. Как ни в чем не бывало, он включил планшет и принялся читать последние новости. Тут же отвлекся и в следующий час с истинным злорадством и наслаждением придумывал способы перехитрить, обмануть, одурачить, вывести из душевного равновесия самоуверенную тварь. Он расквитается с Беловым и с этой маленькой соплей! Когда все закончится, он будет спать спокойно!

Ярослав закинул ноги на стол и принялся проглядывать сообщения.

Назавтра он велел секретарю послать Вике букет с запиской, в которой собственноручно попросил извинений. Он не то, чтобы ожидал, но надеялся, что она позвонит или хотя бы пришлет смс. Нет. День шел за днем, а дерзкая девчонка и не думала объявляться. Ему пришлось приложить больше усилий. Он даже залез в сеть, в поисках романтических уголков для свиданий. За границу, как и многие места, пришлось выкинуть из соображений экономии времени. Александровский сад отправился туда же: что могло быть милого в толпах людей, слоняющихся без дела? Старый Арбат – аналогично. Что там? Кафе и лавки для туристов? Пушкинская площадь – самое заурядное место. Поклонная гора – опять толпы.

Он сам себя призирал за отсутствие оригинальности и подобоострастие, когда через четыре дня тщательно подготовился, купил цветы, конфеты, потратил несколько минут на выбор одежды, принял вид раскаявшегося грешника и пригласил ее прогуляться в Ботаническом саду. Развлекал целый день заумными разговорами, шутками и самое главное внимательными вопросами. Королева немного оттаяла, но недостаточно, чтобы удовлетворить его гордость. Черт! Что происходило? Малютка не желала приближаться. Он никогда не предполагал, что может ненавидеть кого-нибудь сильнее, чем Белова, но это было до того, как девчонка вошла в его жизнь. «К тому времени, как он покончит с ней, – мечтал Ярослав, – она поймет, что если хочет провести оставшиеся годы в покое, то ни в коем случае не должна связываться с Выгорскими!»

Еще через день позвал в кино, Вика снисходительно кивнула. Винегрет чувств, испытываемых Ярославом, походил на взрывоопасную смесь. Это был и элементарный гнев, и злорадство от того, что он творил черное дело, и уверенность в победе, несмотря на всю надменность противника. В кинотеатре Ярослав в полной мере ощутил себя слюнявым подростком, сопровождающим первую девушку планеты. Его раздражало, что он не мог поставить ее на место или послать куда подальше. Им овладело непреодолимое желание схватить ее за плечи и хорошенько встряхнуть, а потом утащить в какой-нибудь укромный уголок и задушить.

Какого черта ему нужна именно она? Ах да, он же на охоте.

Когда в очередной раз она велела ему не провожать ее, он не удерживал ее. Он решил не ускорять ход событий. Спокойно подождал, а в ночь полнолуния повез ее далеко за город, где в металлическом свете безмолвного спутника, чуть приоткрыл завесу собственных чувств. Нет, не рассказал, почему их судьбы скрестились, но маленькие истории из детства позволили сократить расстояние до Снежной королевы. Вместе накрывшись огромным пледом, они бродили по пустынным проселочным дорогам, Вика слушала, наконец-то, улыбалась и снова гово-

рила мало. Он не попытался поцеловать ее. Они шли медленно, упиваясь свежим и сочным, как хруст яблока, воздухом. Миновав застывший тихий лес, пошли по широкой гладко асфальтированной аллее, предназначенной то ли для проезда машин, то ли для большого числа гуляющих.

Огромные деревья склоняли сучья над головами, сосны еле шевелили мохнатыми ветвями, луна освещала дорогу. Они были одни в безмолвной тьме, затерянные посреди сказочной пустыни мира. Говорили почти шепотом. Это был первый вечер, когда Вика сказала больше десяти слов зараз.

На следующий день они забрали из сервиса ауди. Сев за руль, Вика засветилась. Она была благодарна, по всей видимости, забыв, по чьей вине лишилась средства передвижения.

Дальше стало легче. В суете дней, Ярослав порой начинал путаться в своих мотивах, ожиданиях и действиях. Эмоции стали другими. Кулаки не сжимались от злости и разговоры не раздражали. Каждое слово, произнесенное Викой, давало новую информацию, значит, было ценно. Бросив попытки бежать впереди паровоза, он, если не наслаждался, то, по меньшей мере, смог заметить легкость, которая неизменно сопровождала ее присутствие.

И еще одно стало ясно. Его тело реагировало на девушку независимо от настроения. Прикосновение не вызывало желания отдернуть руку, наоборот. Волосы, шея, да и вообще вся Вика пахла сладко: нежностью свежескошенной травы, солнечного луга, утра с примесью горьковатой нотки почек березы. Фимиам рождал очарование, на которое тело отзывалось возбуждением. К моменту первого поцелуя Ярослав был сам не свой. Дрожь в теле даже веселила. «Сделай это просто и небрежно, – сказал он себе, – это не последнее лобзание с единственной женщиной на земле!»

Сосредоточившись на технике исполнения, Ярослав посмотрел в бездну глаз, дождался, когда чарующий запах проникнет в мозг, положил руку на ее шею, устремив внимание на гладкую кожу под пальцами. Вика привычно облизнула верхней губой нижнюю. Тело откликнулось на призыв. Ярослав коснулся губами ее рта и словно оказался втянутым в водоворот, где, охваченный негой и страстью, потерял разум. Проник глубже, сгорая от желания пропустить по жилам волны блаженства. Господи! Нет! Остатки разума заставили отпрянуть от девушки. Вот черт! В какой-то миг ему почудилось, что он не принадлежал себе. Что за чушь?! Прошло то время, когда он терялся от поцелуев. Скрывая растерянность, отстранился, опустил взгляд на губы и провел тыльной стороной ладони по щеке. Такая сладкая!

Отступил. Задача была выполнена. Черные глаза смотрели удивленно и мучительно непонимающе. Он не столько услышал, сколько увидел выдох: «Ещё». С восторгом поцеловал снова, уступая желанию страсти. Её губы, казалось, идеально подходили для него: мягкие, прохладные, посылающие импульсы в каждое сочленение тела. Они обещали больше, чем разум, чем слова, чем взгляды. Он сжал её, неосознанно мечтая скрыть от всех, даже от самого себя. Вика была маленькой, целиком и полностью помещалась в его объятиях, и от этого влечение усиливалось в сотню раз. Притянул её, прижал, не сдерживая силу, ладонь положил на затылок, не давая ускользнуть. Наслаждался, закружился в смертельном урагане, унося девушку с собой.

Когда пришло время отстраниться, он моргнул, стряхивая остатки нежности. Хитро улыбнулся в распахнутые глаза: «Ещё?»

Она, кажется, впервые смутилась. Наконец-то!

Ярослав проглотил самодовольную улыбку.

Глава 4. Вечеринка.

Ты полюбишь меня... Как искусный игрок,

Я все карты заранее знаю.

С. Я. Надсон

С этого дня он мог спокойно и долго держать ее за руку, обнимать, свободно говорить, целовать. Она верила. Сомнений не было. Можно было двигаться дальше. На шахматной доске должен появиться ферзь. Зуев, который просто обязан был втереться в её доверие. Принцесса должна была осмелиться переложить часть своих забот на его плечи.

В эти дни, как назло, возникла проблема: соглашение по слиянию с канадской NIS сорвалось, и им надо было лететь в Лондон на переговоры по урегулированию убытков. Изначально сделки предполагалось закрыть до тридцатого марта. Планировалось, что активы объединенной компании включают в себя как работающие производства, так и объекты, развитие которых возможно было в краткосрочной и среднесрочной перспективе: Сугское угольное месторождение в России, молибденовый производственный комплекс в штатах, проект Эль Пилар в Мексике. Холдинг выполнил все условия для завершения сделки и дважды соглашался на продление сроков её закрытия, но по состоянию на начало апреля одно из предварительных условий так и не было выполнено, Ярослав не мог с этим согласиться – не для этого он занимался бизнесом. Сама мысль, что нужно броситься в бой, радовала его. Но необходимость оставить девочку, пусть даже на недолгое время, – не прельщала. Что он найдет, когда вернется через две недели? Ярослав сделал все возможное, чтобы решить максимум вопросов заочно, отправил группу экспертов, но, к сожалению, без его участия дело утрясалось невыгодно.

Он решил устроить знакомство в субботу, оставив последний вечер перед отлетом для романтического ужина. Думал пригласить её к себе, заказать пару-тройку блюд из «Турандот», усыпать пол лепестками роз, включить Моцарта, приготовить подарок – все это обычно покоряло женщин. Секретарша, хитро заметив «обалденные», заказала сережки с сапфирами, розы, лилии, пионы, угощение и всю остальную лабуду. Она предупредила, что все будет готово в воскресенье к девяти часам вечера. Требовалось только пригласить гостью. Что он и сделал, когда накануне вел её в Большой, дабы свести с Андреем. Выбрал «Тщетную предосторожность» – классический балет с красочным наивным сюжетом о соединении влюбленных. Анна Владимировна организовала прекрасную ложу, шампанское, лимузин.

Вечер, ему показалось, прошел душевно и легко. Знакомство было приятным, разговор – непринужденным. Вика бестяготно болтала с Андреем, шушукалась с его спутницей, как бишь её? Легонько вкладывала пальцы в ладонь Ярослава, когда героине постановки грозила нежеланная свадьба или отправка в чулан, без принуждения встречалась с ним взглядом, открыто улыбалась. Но стоило ему спросить об Андрее, когда они остались одни, Вика вынесла неутешительный вердикт.

– Огромный, толстый, чрезмерно умный, – она даже не стремилась приукрасить собственное впечатление, – кажется, он старался. Попытки шутить походили на... театр одного актера? Сам шучу – сам смеюсь, – Вика состроила тоскливую гримасу и произнесла это не со злостью, а с печальным сожалением, – Все мысли Андрея вращаются около политики. Понимаю, это сейчас актуально, но и Ирине, и мне, и даже тебе, можешь не возражать, – подняла она ладонь, – это казалось неуместным. Может быть он и умный, но толстокожий, ... нечувствительный что ли, – она скривилась, – понимаешь? Беседа должна быть интересной всем ее участникам, а не только оратору. Важно не сколько ты скажешь, а сколько люди услышат, согласен?

Ярослав отвернулся к окну. Он был взбешен и не готов обсуждать Зуева в таком контексте. Как она смела говорить о гении юриспруденции в столь пренебрежительном тоне? Лучше бы ему ничего не спрашивать! Он повернулся, намереваясь переубедить ее. Вика наморщила лоб, она, похоже, поняла его настрой, но сдаваться не собиралась.

– Любитель пожевать, – быстро вставила она, – это в театре-то? Ох. Да и Ирина его – без слез не взглянешь. С такой внешностью, как у Андрея, ему надо выбирать не узкобедрых куриц, а нормальных симпатичных девушек, хотя..., – на лице Вики появилась выражение скептицизма, которое сменилось раздумьем.

Ярослав не произнес ни слова, опасаясь, что если откроет рот, не сможет сдержаться и не наорать на нее. Наконец, она поджала губы и сказала: – Ему бы подошла моя Ольга.

– Ольга, значит, – механически отозвался Ярослав, пытаясь сладить с собой. Вот и до нее добрались. Отлично.

– Угу.

– И кто такая эта Ольга? – ледяным тоном осведомился он.

– Подружка.

– И что за Ольга, про которую я впервые слышу?

– Мы в школе вместе учились. С первого класса, – ответила Вика и замолчала, будто бы сказанное все объясняло.

– А подробнее?

– Человек, который поддержит в любой ситуации. Приезжает ночью, если ты заболела и некому купить лекарств. Ссорится с родителями из-за тебя. Не приводит пьяных дружков, не истерит по поводу шмоток и сломанного ногтя. Если ей нужна помощь, прямо об этом говорит, а не только каждый день триндит по телефону.

Лестная характеристика. А он-то думал, что подружка – не подружка, а так – знакомая. Хорошо. Надо не сбрасывать её со счетов. Вложив в слова как можно меньше иронии, Ярослав уточнил:

– И чем же она так подходит Зуеву?

– Она плохо готовит.

– Не понял?

– Не будет закармливать его домашними пирожками, пельмешками, котлетками, фаршированной рыбкой, макарончиками.

– То, что он полноват, не значит, что он обжора.

– Не похоже, – пропела Вика.

Может быть, задушить ее прямо сейчас, и потягаться за квартиру с чиновниками?

– Все?

– Она очень красивая. Она умеет слушать и обожает увлеченных людей. Ей понравится его отношение к ситуации в мире. Ольга будет ему опорой.

Опорой? Здесь Ярослав не смог не рассмеяться. Он ржал в голос минут пять и никак не мог остановиться. Через смех, казалось, выходили злость и напряжение не только от последнего разговора, но и прошедшего бестолкового месяца. Вика надула губы, но ему было все-равно. Смех рождался легкими толчками, сжимавшими живот, поднимался высоко и выходил через горло раскатами веселья. Эта девчонка ничего не понимала в людях. Абсолютно ничего!

Дурак! На следующий день ему было не до смеха. Вика позвонила, когда он был у мачехи, за тридевять земель от Ховрино, и сказала, что не может провести с ним вечер – у нее пати с друзьями. Он слышал шум воды в трубке и медленно бесился, потому что она опять рушила его планы. Она знала, что завтра он улетал, но ей было, кажется, плевать!

– Ты дома? – спросил он быстро.

– Да, но...

Он не дал ей закончить, рявкнул в трубку «Я сейчас приеду!» и отключился.

За окном начинало смеркаться, когда он завел машину, и стало почти темно, когда он нажал на звонок. Минута тянулась вечность, заставив его подумать, что он опоздал. Разглядывая серые ступени, грязное окно подъезда, он уперся рукой в стену, готовый долбануть по ней, если дверь не откроется. На коричневой краске проступала вырезанная звезда, рядом с ней надпись: «Вика, я люблю тебя». Противно гудела лампочка над головой и тьякала во дворе собака.

В конце концов, щелкнул замок, Вика показалась в проеме. Она была в тонком длинном халате, влажные волосы, свитые в барашки, крутились над ушами и за спиной. Он остро ощу-

тил тонкий аромат и подумал о страстных ночах, которые им предстоят, когда он сделает ее своей.

– Привет, – поздоровался он, отчетливо ощущая, как злость перемешивается с желанием.

– Здравствуй, – она взяла его за руку и втянула в коридор, – знаю, ты сердисься. Но я никак не могу отказаться от этой тусовки. Есть причины, понимаешь? – Вика смотрела пылливо, но он не понимал. На прошлой неделе у него начались переговоры, цена которых была равна двум миллионам долларов, и все-таки он приложил усилия, чтобы не присутствовать на них. Он слушал её оправдания, но не усвоил ни одного слова, кроме того, что она стояла голая под тонкой тканью и собиралась пойти куда-то! Она что, не собиралась звать его? – Не думаю, что тебе там понравится...

– Это почему? – перебил он, стряхивая оцепенение.

– Ну..., – Вика смутилась и отвела взгляд в сторону.

Ревность налетела резким порывом ветра. До этого он не думал, что у него есть серьезные соперники. По крайней мере, не задумывался вплоть до настоящего момента. Но у такой красивой девушки по-другому быть не могло.

– Будет много парней? – изобразив легкое любопытство, спросил он.

– Да, – кивнула она, – это ведь день рождения Виталика Сомова, ... одноклассника.

Как будто это все объясняло.

– Ты не хочешь видеть там меня?

– Нет, но...

– Нельзя явиться без приглашения?

– Да нет! Почему? Можно!

– Ты меня стесняешься?

– Нет! Как ты мог подумать?

– Так в чем же дело?

– Ну, – потянула Вика, – понимаешь, глупые девчонки, молодые пацаны, которых интересуется только секс. Бестолковые разговоры, сплетни. Я точно знаю, что ты такое не любишь.

– Я целый месяц встречаюсь с девушкой, а она до сих пор боится представить меня друзьям, – вынес он вердикт, хотя проскользнувшее ненароком «секс» беспокоило его сильнее всего.

– А мы встречаемся? – Вика посмотрела искоса, чуть удивленно.

Он ее убьет! Ему даже шутить не хотелось по этому поводу. Он слишком нервничал из-за своего отъезда и того, что дело продвигалось медленно, из-за ее близости и атласного белого одеяния.

– Я кажусь тебе другом?

– Нет, – Вика немного побледнела, – то есть и другом конечно, но...

– Но ты со мной не встречаешься! – возмущение выплескивалось через край: он потратил столько вечеров и усилий на эту девчонку, а она... воспринимала его соседом?

Стараясь сдержать раздражение, он схватил ее предплечье, прислонил к стене и впился губами в губы.

Подчинить ее поцелуем. Сломить: ее упрямство, дерзость, непредсказуемость. Привычку говорить наперекор, молчать не вовремя. Вот и сейчас он чувствовал, как она упиралась ладонями в плечи, пытаясь отстраниться. Почему она не такая простая девчонка, как другие? Не улыбочивая? Не доверчивая? Почему ей плевать на его внимание? Разве не должна была она упасть к его ногам еще в прошлом месяце? Его прикосновения не разжигали в ней нетерпения? Не кружилась голова от поцелуев? Ведь сам он сгорал от охоты проникнуть глубоко внутрь ее естества, зажечь на лице румянец, удовлетворить желание. Джинсы стали тесны.

Его губы грубо раскрывали ее рот, сгорая от необходимости почувствовать отклик, вынуждая покориться слепящей страсти. Ярослав отнял их только тогда, когда беспомощные

попытки оттолкнуть его прекратились. Он посмотрел на девушку. Неровное дыхание напоминало трепет, ресницы дрожали в унисон стуку в его груди. Самый подходящий момент спросить снова, встречаются ли они.

Нет, этого он делать не станет.

Ярослав провел большим пальцем по влажным губам.

– Мы встречаемся. И точка. Не хочу больше слышать глупых вопросов.

Вика не шелохнулась, в ее лице он читал новый вызов: еще большую уверенность. Малышка приоткрыла рот и сузила глаза.

– Разве ты из тех мужчин, которые имеют постоянную подружку? – маленькая рука поднялась и легла на его футболку, прямо в том месте, где все еще гулко стучало сердце. Он представил, как она сползает к животу и еще ниже, почувствовал напряжение, и джинсы стали невероятно малы. Господи, ну что за разговор? Почему сейчас, когда он только и думал о её теле? Вот она, теплая и мягкая, отделенная от его желания всего-навсего шёлком, держащимся на ненадежном пояске.

– А я похож на человека, который делится сво..., черт! Вика! – снова прислонил ее к стене и поцеловал. Провел рукой по девичьей талии, чувствуя упругие изгибы. Легкое тело подалось навстречу, предлагая себя, умоляя коснуться спины, бедер, плеч. Он прижал ее, и они застонали в унисон. Вот черт!

Когда поцелуй закончился, а на этот раз он не торопил события, позволив себе насладиться, Ярослав примирительно улыбнулся:

– У тебя еще есть сомнения?

Она посмотрела отрешенно, словно силясь осознать, что произошло, но потом подняла уголки губ и кивнула.

– Хорошо, – в глазах Вики сверкнули предостерегающие искорки, – но пеняй на себя! Я тебя предупредила!

В мгновение ока она выпорхнула из объятий и скрылась в спальне. Из-за двери послышался веселый голос: – Я буду готова через полчаса. Налей себе кофейку.

Ярослав посмотрел на часы. Семь пятьдесят две. Не позвонить ли Анне Владимировне и не отменить ли все приготовления?

Вика вышла ровно через тридцать минут в полной боевой готовности. Конечно, ничто не могло сравниться с предыдущим одеянием, но золотистое платье, обрисовывающее фигуру, недалеко ушло. Оно не скрывало, как прекрасно сложена Вика, подчеркивало ее грациозность и даже смелость. Широкие рукава платья доходили до локтей, на обнаженных запястьях сверкали браслеты. Блестящие туфли на тонкой шпильке, чулки в крупную сеточку – она вся излучала вызов его стойкости. Чертовка убрала волосы в высокую прическу: открытая шея звала прикоснуться губами. Глаза девушки, густо и умело накрашенные, были способны как воспламенить, так и охладить. Они были созданы повелевать и дарить любовь. Ярославу нетерпимее прежнего захотелось, чтобы они умоляли. Кротость – вот чего он ждал от нее.

Однако Вика была наделена той особой величавостью, то ли подаренной природой, то ли воспитанной ей самой в себе, которая отличала дев-воительниц. Ни в наряде, ни в движениях не было притворства и чрезмерности, присущего девушке, стремящейся понравиться мужчине. Было озорство и тайна. Ярослав, привыкший считаться только сам с собой, впился в нее глазами, меньше прежнего желая покидать комнату. У него было ощущение, что воздух внезапно стал легким, как невесомость, теплые мурашки побежали по спине. И запах... головокружительный запах, нежный, теплый – запах желанной женщины. Он приник губами к губам, жалея, что Вика не принадлежит пока ему одному.

Ему стоило немало труда оторваться от нее и проводить на вечеринку. По дороге она еще раз напомнила, что не заманивала его и не несет ответственности за результат.

День рождения, как Ярослав увидел, был устроен в одном из клубов Москвы, где когда-то он сам семнадцатилетним юнцом ловил девчонок, пил пиво, показывал классные танцы. Здесь как-то раз его перепившая подружка залезла на барную стойку, желая исполнить канкан, и здесь, кажется, Мирослава получила первое предложение руки и сердца. В общем, воспоминания были не из плохих. Однако сегодняшний вечер, на котором присутствовало кроме именинника человек пятнадцать, был хуже некуда – в этом Вика оказалась права.

Во-первых, сплетни. Не успела Вика представить его собравшимся и поздороваться, а он как следует разглядеть «стратегически важную» Ольгу, как все принялись обсуждать какую-то интрижку, известную в их кругу.

Суть в том, что один парнишка, бывший преподавателем у них, то ли в пятом, то ли в шестом классе, уехал в Европу пару лет назад, где по чьей-то рекомендации нанялся к знакомому банкиру. Вернулся и занимался поставками для армии и разбогател, играл на бирже и устроил неплохой капиталец (откуда им это могло быть известно?). Женился на дочери этого банкира и стал «миллионером». «У него особняк на Рублевке, шесть роверов, – утверждала милая блондинка, – и непонятно сколько денег на оффшорных счетах».

Ярослав снисходительно улыбнулся, услышав это: ему показалось странным, что точная цифра не названа. Все происходило, как в курятнике. Дети кудахтали и кудахтали: одни удивлялись, другие выражали возмущение. Это продолжалось целый час. Даже ребята, которые поначалу отнеслись к новостям с полным равнодушием, в конце концов, начали отыскивать глубокие и тайные причины стремительного взлета. Все пытались выяснить мотивы поступков, вызвавших брак, и еще чёрт его знает чего.

Во-вторых, во время разговора Викины подружки незаметно бросали на него столь красноречивые взгляды, что он ощущал себя живым товаром. Ну, или, по меньшей мере, Курилами, оккупированными японцами. Вика на это никак не реагировала, она спокойно сидела, вложив свои пальцы в его ладонь, время от времени подкидывая в разговор сплетников вопросы, от которых споры разгорались еще жарче.

Третьим неудобством вечера была чертова эрекция. Как будто ему было пятнадцать, и он накануне переборщил с порнухой. Перед глазами то и дело всплывала Вика в халате, её стройное дрожащее тело и умопомрачительные ноги. Словно бы в болезненной дреме он представлял тонкие руки, которые снова и снова смыкались на его шее, увлекая на мягкое ложе. Близость девушки, её легкие касания, открытая ложбинка у основания шеи только усугубляли ситуацию.

Ярослав постарался отвлечься и взглянул на Ольгу. Она почти не участвовала в разговоре. На ней было бледно-серое платье из трикотажа. Розового оттенка волосы, собранные в замысловатую причёску, делали её старше своих лет. Взгляд холодно-пытливых голубых глаз, сверкающих так, что даже в темноте не оставалось сомнения в их цвете, действовал на него ободряюще. Он напоминал, что перед ним девушка, от мнения которой зависело и мнение Вики. У неё был маленький нос, полные губы и несколько пухлый подбородок – очаровательное лицо, лукавое и прелестное. Одно из тех женских лиц, на которые падки мужчины, в которых каждая черта полна обаяния и детской незащитности, так и просящейся быть пригретой. Она пользовалась успехом у присутствующих лиц мужского пола и вместо того, чтобы тратить время на болтовню, беззастенчиво флиртowała.

Она самая первая бросила скучный разговор, вышла танцевать и стреляла глазками в парней с плохо скрываемым желанием нравиться всем. Это у нее неплохо получалось, и вскоре она уже нежилась в объятиях мускулистого переростка. А еще через полчаса, выходя из зала, Ярослав случайно наткнулся на неё, тесно сплетенную в поцелуе с крашеным блондином. Этот, насколько Ярослав помнил, пришел на вечеринку с шатенкой в кожаном топе.

Когда он уже перестал считать всё, что раздражало его сегодняшним вечером, начался самый кошмар.

Мужской стриптиз. Почему, чёрт подери, мужской?

Девчонки во главе с Ольгой принялись дружно орать: «Вау! Мальчишки!» Невольно Ярослав задал себе вопрос: «Не будь здесь его, Вика делала бы то же самое? Поэтому она не хотела его приглашать?» Он поднялся и вышел на улицу, стремясь вдохнуть чистый воздух и охладиться. Может быть, она была права, что не желала ему показывать ровесников? В самом деле, зачем ему надо было знать об этой стороне ее жизни, да еще и участвовать в ней?

Ярослав свернул за угол и бесцельно двинулся вдоль ночной дороги. Машин почти не было. Парковочные места пустовали. Неоновые вывески освещали тротуар. Над маленьким тёмным окошком мигала надпись «Цветы». Выше светились жёлтые квадраты чьих-то квартир. Сзади раздались осторожные шаги, и он обернулся. Вика догоняла его, на её лице отражалось сожаление. «Я же предупреждала», – словно бы говорила улыбка. Она молча обняла его за пояс, и они не торопясь пошли вперед.

– Твоя подружка – просто ураган. По-моему, она..., – он запнулся, подбирая слово, – перетанцевала со всеми ребятами в клубе.

Вика не подняла головы.

– Перелапала, ты хотел сказать. Мог бы назвать вещи своими именами.

– Это грубо.

– Но недалеко от истины.

– Рубишь правду-матку.

Они помолчали, и он уже пожалел, что завел этот разговор.

– У неё невеселая любовная история, – заметила Вика.

– Да ну? – он не сдержал иронии.

– Она с одним парнем встречалась с тринадцати лет, – сказала Вика и задумалась, – за одной партой в пятом классе сидели. Знаешь, у нашей классной, Карины Платоновны, был бзик. Она нас вообще всегда старалась сплотить, возилась с нами как с неразумными, и она своего добила: мы в школе были одной командой. Так вот: у нее имелся принцип. Сажать двоечников с отличниками. Нам, хорошистам, она вечно начитывала: «Написал свое сочинение, ошибки нашел, загляни в тетрадь к соседу – проверь у него. Ты, Щеглов, будь посмышлёнее, загляни к Беловой в тетрадь-то. Вика, ты от него не закрывайся!» Да мы и не закрывались, но Леха Щеглов, что со мной сидел, он такой тупой был. Просто ужас! Он даже не подсматривал ко мне. Я ему говорю: «Проверяй!», он уставится на меня как баран на новые ворота: «Зачем?» Ну, Щеглов мой был – посмотреть не на что, а Ольгу Карина посадила с Вадимом Зотовым. Вот это не парень, а идеал, – Вика мечтательно вздохнула, – крепкий, пластичный, юморной. Двоечник непролазный был. Таких днем с огнем не сыщешь. На второй год оставался, не знаю сколько раз. А Олька ведь не понравиться не может. Сам видел, какая она красивая. Она еще раньше скромницей была ого-го. Сначала они дружили, потом влюбились. Все над ними измывались за отношения. Ей учителя при каждом удобном случае тыкали. Мол, с кем связалась? – отупеешь скоро. Родители давили сильно. Отец у нее строгий – офицер в отставке. И видется не разрешал им, и Вадима старался не подпускать к семье. Родня давила, а Ольга домашней до этого росла. Нелегко им пришлось.

Они дошли до конца переулка, не сговариваясь, развернулись и стали возвращаться к клубу.

– А ты?

– Я?

– Тебе он тоже не нравился?

– У меня своих проблем было полно тогда, – в голосе Вики послышался хрип. – Я как в тумане жила. Мне самой помощь была нужна. Но, в общем-то, ты прав. Дружеской поддержки я им тогда не особо много оказала. Помню рыдания Ольги за школой, когда отец с Вадимом, что называется «по-мужски» поговорил, и тот четыре дня делал вид, что не замечает её. Я только

тогда поняла, что у них не шуточно всё. Четыре года встречались. Несмотря на все тычки и подначивания, светились оба. Сначала, когда всё начиналось, никто серьёзно не воспринимал. Какая любовь в тринадцать лет? А потом наоборот, по-отдельности не желали видеть. Я тогда Ольге даже завидовала. Так, по-хорошему. Он её и на руках не боялся носить, целовал при всех. Письма писал, когда она к бабушке отправлялась на лето. Приезжал на электричках. Даже замуж предлагал выходить.

Вика примолкла и задумалась. Они оба непроизвольно замедлили шаг.

– Что же случилось? – не выдержал он.

– Все банально: Вадим просто бросил ее. Ещё экзамены в школе были. Надо отдать ему должное, он честно это сказал. Только объяснений никаких не дал. Закрутил с девчонкой из соседнего двора. Я до сих пор удивляюсь, как Ольга медаль получила? Она тогда зубы сцепила и ради родителей всё сделала по высшему разряду. В институт поступила, в какой и планировала. Думаю, я одна знаю её боль. Хотя, скорее всего, даже не догадываюсь о том, какая сильная она у неё была. Сначала, она была так ошарашена, что ничего не понимала. Продолжала действовать как заведенная. Может, хотела показать ему, что он не центр вселенной – не знаю. Я не сразу заметила, что она изменилась. Она перестала быть человеком, который верит в сказку. Вернее, нет! Она в каждом парне видела принца. Хотела видеть. Есть такая штука, называется феномен Зейгарник. Знаешь?

Ярослав порылся в памяти.

– Феномен незавершенного действия?

– Да. Вот у неё: то самое. Он её оставил, она не смогла долюбить. Теперь она будет бесконечно возвращаться к этой задаче и решать её. Я теперь понимаю, что это оттуда, из той оперы, только что сделать – не знаю. Раньше надеялась: новая любовь победит старую. Но нет никакой новой любви. Ты скажешь, жизнь длинная – она у неё вся впереди. Может быть. Мне и самой больно смотреть, как она растрчивает себя на негодяев.

– Ты говорила, она влюбится в Андрея, – усмехнулся Ярослав, – теперь я понимаю, почему.

– Я не говорила влюбиться, – протестующе воскликнула Вика, – я говорила: «Он ей понравится»!

– Конечно! Ей все мужчины нравятся!

– А он такой неотразимый! – съязвила она.

Завибрировал телефон: мачеха. Он так внезапно и без всяких объяснений уехал от неё, что она, наверное, волновалась. Хотел скинуть – перезвонить позже, но Вика, сделав пальцами шажки в воздухе, показала, что возвращается. Он кивнул, чмокнул её и, проследив, как она удалилась, поговорил. Когда подходил к клубу, услышал обрывки разговора.

– Ярослав не захочет этого делать, – смеялась «его девушка», и он замер за углом. Не то, что бы он пытался подслушивать, но «что» он не захочет?

– Он классный у тебя, – кажется, говорила та кокетка в розовой юбке, – рыженький!

– Угу, – это была Вика.

– Вы спали уже? – Ярослав возмутился. Какого черта она лезла, куда не следует? Одно дело – слушать сплетни, другое – оказаться их объектом. До него донесся еле слышный ответ Вики: – Угу. – Что? Что она-то несла?

– И как он? – повисла пауза, Ярослав весь превратился в слуховой аппарат, но Вика молчала. Как жаль, что он не мог её лицезреть!

– Ничего особенного, – наконец, услышал Ярослав. Голос у Вики был скучающий, и он прямо увидел, как она пожала плечами. Вот черт! Сказать, что его мужское самолюбие было задето – ничего не сказать. Она вообще когда-нибудь думала о нем хорошо?

Он почти не помнил, как пошел и обнял её.

Когда они вернулись за столик, из сумочки Вики вывалилось штук десять презервативов. Накопленная желчь постепенно взяла своё, он не смог сдержать раздраженного удивления: «Ого, сколько их тут!» – «Не ого, а всего лишь несколько!» – как ни в чем не бывало, заметила она. На лице её не отразилось абсолютно ничего: ни смущения, ни тревоги. «Зачем они ей, – спросил себя Ярослав, – если не для того, чтобы быть использованными?» Он припомнил, как она отворачивалась от поцелуя и не торопилась признать себя его девушкой. Она и не собиралась приглашать его сюда. Да она самая настоящая шалава! Ярослав брезгливо поморщился. О чем раньше думал? Он знал, что в её жизни были парни. Насколько он помнил, редко кто из них оставался ночевать в её доме. Хотя разве для этого дела необходима собственная кровать?

Он взглянул на Вику и её молоденьких подружек. Эти девчонки спали с парнями лет с пятнадцати? С тринадцати? «Успокойся, – приказал он себе. – Вдохни глубже. Ты не ханжа. Даже если б Белова была той женщиной, которая тебя действительно интересовала, она имела бы право спать с кем угодно до встречи с тобой. А на эту суку тебе вообще должно быть наплевать, хоть она перетрахала весь город. Тебе она нужна для другого. Не важно, как она ведет себя с остальными. С тобой всё будет красиво. У неё должны остаться только прекрасные воспоминания. Ужин при свечах. Нежность. Пусть не сегодня, но когда-нибудь – обязательно!»

И все равно в этот вечер хотелось поступить с ней как с дешевкой. Для кого это обрисовывающее фигуру платье, и туфли на шпильке, делающие ноги невообразимо длинными, так что только и хочется раздвинуть их? Для него? Или для кого-то из этих молокососов?

Ярость шипела раскаленным железом, брошенным в воду. Ему захотелось отчитать её за то, что она дарила себя кому-то, что игриво водила головой и умела соблазнять, не улыбаясь. Ярослав сохранял бесстрастное лицо, адреналин стучал в висках. Он скользнул рукой по тонкой талии. Мимолетно коснулся полной груди и потянул Вику на танцпол.

Сжигающее желание закружило его, не оставляя в сознании ни вчера ни завтра. Только сегодня, только сейчас. Ди-джей, чередующий быстрые и медленные мелодии, вводящие в экстаз, будто бы дразнил. Её микроскопическое одеяние, выставляющее напоказ каждое движение молодых мышц, – аналогично. Громкая музыка, стучащая в такт сердца. Горячие тела вокруг, наводящие на мысли о скрытом от чужих глаз уголке, где можно позволить себе всё. Пляска света и тьмы, выхватывающая самые соблазнительные части тела. Возбуждение. Мимолетные поцелуи, дающие почувствовать желанным именно себя. Длинные волосы, рассыпавшиеся водопадом и просачивающиеся шелковой волной сквозь его пальцы. Случайные прикосновения, подобные вспышкам молнии в темном грозовом небе и обещающие чудо и свежесть дождя. Блестящая кожа, которую хотелось исследовать пальцами, губами, языком. Тяжелое, глубокое дыхание. Жаркие взгляды, пронзающие нутро. Губы – гладкие и влажные. Он касался её ресниц, и яростная мощь, пульсируя, билась в нем, всё прибывая и прибывая, с каждым прибоем продвигаясь все дальше – к опасной черте. Нетерпение в машине стало невыносимым.

В квартире он прижал её к стене, впиваясь пальцами в упругую попку и решив плюнуть на Моцарта и розы. Она завладела его губами. Он вверился жаркому влажному предчувствию, звукам и запахам. Он забыл о ярости. И о нежности.

Она охнула и облизнула его нижнюю губу. Он застонал, проник еще глубже, и они отдались на волю страсти. Она, кажется, влюблялась в него. И это было хорошо. Когда он наполнял ее собой, он подумал об этом.

Она была девственницей. Чёрт! Почему никто ему этого не сказал?

Глава 5. Дима.

*Все приняло в оправе круглой
нелицемерное стекло:
ресницы, слепленные вьюгой,*

волос намокшее крыло.

В. М. Тушинова

В окне разгоралась заря. Начинающийся день застал Вику перед зеркалом. В утренних сумерках она стояла в нижнем белье цвета фуксии перед большим зеркалом, смотрела рассеянно на туманное отражение, но перед глазами маячил образ Ярослава. Она вспоминала толчки его сердца, колотящиеся у неё на груди, железные мускулы, сжимающие в кольцо, глаза цвета охры, проникающие вглубь сознания и не оставляющие шанса помыслить о свободе.

Всю последнюю неделю она ходила как сомнамбула, думая об одном. Вот она и переспала с мужчиной! Сама от себя не ожидала. Сколько было переживаний! Не то, чтобы береглась. Но и к такому не готовилась. Всегда думала, что это будет с любимым или с парнем, который хотя бы признается в любви. Не с этим повелителем сердец, от которого веяло опасностью, как от дождя – свежей бурной влагой. Он вроде бы и был нормальным, но в глубине чересчур спокойных глаз застыло вечное напряжение. Оно не вязалось с его невероятной самонадеянностью. Ярослав ходил с высоко поднятой головой, словно никогда в жизни ничего не боялся. Он мог все что угодно делать не испытывая при этом беспокойства, колебания или стыда. Как она убедилась неделю назад, это распространялось и на постель. Никогда прежде ей не приходилось общаться с таким человеком. Часто, находясь близко от него, в ресторане, на улице, когда они смеялись вместе или она разглядывала морщинки вокруг его глаз или когда прикасалась к его горячим ладоням, она ощущала, как переливается в неё его бескрайняя уверенность.

Только Ярослав был, похоже, удивлен, что она девственница. Что было в его лице? Изумление? Невяжущаяся с его образом растерянность?

А кем он её себе нарисовал?

– Почему ты мне не сказала?

Ну что за идиотский вопрос? Она и так испытывала неловкость, не знала, как ведут себя, и что говорят в таких случаях, а тут еще и упреки.

– Как ты себе это представлял? – взвилась она, пытаясь защититься. – В тот момент, когда ты поцарапал мою машину? Когда мы гуляли? Или на вечеринке? Может быть в тот момент, когда ты стянул мои трусики? – она намеренно была грубой. Ему это не нравилось. А она не хотела ему нравиться. Она хотела, чтобы он сказал, что любит её.

Как это при всей бросающейся в глаза увлеченности, он забыл про волшебные слова? Это пугало. Впрочем, и признание не исправило бы ситуацию.

Вика привыкла быть с мужчинами настороже. Жизнь научила. Парни ей попадались сплошь и рядом притворщики. Один, казалось, её очень любил, они встречались полтора года. Лёшка Крестовский: высокий и крепкий, весь такой положительный. Холил, лелеял. Но на одном из празднеств своей многочисленной родни, когда они поссорились, не решился подойти первым: Вика не понравилась родственникам. И ссора-то вспыхнула потому, что она уже не могла впихнуть себя ни кусочка. Она спиной чувствовала шёпот тетюшек: «Обиделась она, какая краля!» Леша тоже слышал, но не заступился. А ведь он любил её, дорожил: Вика была в этом уверена. Ну и зачем ей парень, который не мог сказать слово в защиту любимой?

Другой, однокурсник, когда они только начали встречаться, и отношения были хрупкими, ляпнул: «Я на тебе женюсь, но у себя не пропишу!» Вика уже не помнила, к чему был тот разговор. Да она сама могла прописать его в пяти квартирах! Любовь зачахла, не успев раскрыть лепестки.

Еще один, от имени которого по телу бежала дрожь, Саша Громов, был настолько ловок, что несколько недель жил за её счет: ел, пил, одевался. Их познакомили общие друзья на вечеринке по случаю окончания первого семестра. Он даже в постель её не тащил! Всегда оставался заботливым, нежным. Вика не сразу разглядела хитроумные уловки альфонса. Когда заметила, долго не верила: уже влюбилась по уши. Отдирала мерзкую тварь от души с обжигающей болью. Вику передернуло от воспоминания. Сколько она тогда мучилась, тосковала, а

он взял деньги и насмешливо откланялся. Хоть наличными откупились, а не повесила на шею «вечную любовь». До сих пор стыдно вспоминать. Какое счастье, что вовремя опомнилась!

Конечно, у неё были и нормальные парни. Да, были! Димка Седов. Вика задумчиво подняла глаза к потолку, машинально отметив в углу над дверью еле заметную ниточку паутины. Ну, может он один и был «ничего»: приглашал в кино, целовал на крышах, покупал шоколадки. Она сама с ним рассталась – боялась помереть от скуки, да и любви никакой не испытывала.

В общем, жизнь научила Вику не зевать, хотя ей хотелось быть скромной. И милой и доброй. Такой, какой её мечтали видеть родители. Беда заключалась в том, что, оставаясь неприметной, честной, справедливой, любящей и готовой на самопожертвование, она опасалась быть втопанной в грязь, словно придорожный цветок.

Она знала, стоит дать слабину: люди воспользуются тобой: будут брать время, занимать деньги, воровать знания, принимать добро как должное и не считаться с твоими желаниями. То, что она подспудно чувствовала, идя из детства к взрослой жизни, в полной мере подтвердилось в самые первые месяцы после смерти деда. Десятки людей устремились в её окружение, в надежде урвать кусок пирога, оставленного предком. Какие-то его давние коллеги, якобы друзья родителей, дальние родственники, канувшие в лету приятели – все как черти из табакерки, стали прыгать в её квартиру. Кому-то срочно требовались деньги, у кого-то болели дети, матери, необходимы были срочные операции, кто-то делал вид, что приехал именно из-за неё, бедной сиротки. Жизнь в тот момент стала похожа на карусель, на которую садился каждый, кому не лень. Это продолжалось несколько месяцев, пока Вика не решилась и не взяла рычаг управления в свои руки. Она долго мучилась и, наконец, нашла универсальное оружие, которое спасло её от мелких и крупных прихлебателей.

Высокомерие.

К тому моменту жизнь превратилась в такой кошмар, что она достигла успехов в использовании «презрения» буквально за несколько недель. Надменный взгляд, равнодушное молчание, закрытые перед любопытными взорами двери, неотвеченные телефонные звонки – в её арсенале с каждым днем прибавлялось и прибавлялось новейшее снаряжение. Именно тогда она стала очень осторожна: сходилась только со старыми знакомыми, а дружила исключительно с Олькой.

Ярослав Выгорский за долгое время был, наверное, первым посторонним человеком, которого она пустила в свою жизнь. Он ей понравился. Он настораживал и очаровывал одновременно. Поражала его уверенность, мужская ответственность, непоколебимость. Она прижималась лбом к его груди, утопая в желании, и мечтая спрятаться за могучим телом. Его сила, которую она словно могла бы свободно вдыхать, прикасаясь виском к ткани одежды, пьянили её. Ей так хотелось быть ближе к нему, однако, она прекрасно понимала, что пары из них не выйдет: она не ровня ему. Она ощущала себя неуклюжим ребенком, старающимся поспеть за чемпионом мира по бегу. Пыталась не пускать слюни в его присутствии и хотя бы создать видимость некоего равнодушия, сохранить дистанцию.

Что на них нашло в этом клубе? Они как магниты притягивались. В его глазах, не оставляющих её ни на секунду, плясали бесенята. Она всем телом и каждой клеточкой чувствовала его желание, от взглядов пересыхало во рту. Губы его дарили неведомые ощущения. Он прекрасно танцевал, чего она не ожидала от человека его телосложения и «возраста». Вика улыбнулась, вспомнив изумленно-вытянутые лица друзей. Девчата так и обомлели: где она достала такой восхитительный экземпляр? Мужчину, который не наливался пивом, а галантно приглашал ее на медляки, держал за руку, кружил в быстрых ритмах? Красивого, высокого, обаятельного, крепкого? Но это сначала. Потом Вика ничего не помнила кроме страстного красного шелка, взявшего её в плен нетерпения.

Она, конечно, догадывалась о его сексуальных победах, и, не желая, чтобы он счел её наивной и скудной, нарочно покрутила перед ним попкой, в надежде разжечь его страсть. Сама

проявила инициативу. Пробежалась пальцами по шее, плечам, облизнула губы, почувствовала тугие мышцы под джинсами. Она хотела только поиграть, пофлиртовать, как сотню раз делала это с другими. Приблизиться и отступить.

С Ярославом это не прошло.

За столиком он закинул свою руку на спинку дивана, чуть приобняв её, затем сонно запустил большой палец за ворот её платья и прошелся по ключице. Кончики её груди словно превратились в центр вселенной, они мгновенно увеличились в объеме, и она испугалась, что это будет заметно. Вся она сосредоточилась на его руке, еле касающейся её кожи в то время, когда он непринужденно болтал. Господи, её сознание было ограничено маленьким клочком плоти, доступном его прикосновениям, а он словно бы и не замечал её! Ей безумно захотелось, чтобы он прошелся рукой по кромке выреза платья, и она ненавидела всех людей, сидящих рядом с ними. Что с ней происходило?

Жар расплывался по телу, сметая всё на своем пути, превращая кости в спички. Каждое прикосновение – к бедру, локтю, плечу – отдавалось острыми вспышками предчувствия. Она совсем ничего в ту ночь не пила. Да и он за рулем был. Почему же его губы звали, словно были источником воды в знойной пустыне? Почему танцы до упаду не лишали сил, а только подливали масла в огонь? Почему она не сомневаясь, пошла к нему и была счастлива почувствовать его тяжелое тело? Даже сейчас она испытывала этот восторг: он внутри, и они единое целое!

Ночью незнакомый вихрь закружил её, чувства смешались: радость, страх, волнение, безумие, желание раствориться под сильными пальцами, под испепеляющими поцелуями, отдаться судьбе, не думая о последствиях. Она не узнавала своих рук, обвивающих его шею, губ, трепещущих под его губами. Багряный воздух, кружащий голову, обволакивающий и дурманящий, поглотил её и унес в иной мир.

Рано утром Ярослав улетел в Лондон. По работе его направили на учебу. Так он ей объяснил, по крайней мере. Вика нахмурила лоб. И тогда и сейчас это казалось побегом. Не от неё ли он скрывался? Получил, что хотел, и был таков. Пусть такие сомнения кому-то показались бы смешными, но её не покидали. Да, он звонил регулярно, тратил, наверное, кучу денег на телефон, но оставалась в отношениях какая-то недосказанность.

Когда они прощались, Ярослав шутливо попросил её не выходить замуж до его возвращения, поцеловал нежно и вместе с тем властно. Но верила ли она ему безоглядно? Нет! Где эта радость полного взаимного доверия, единения душ, невозможности оторвать взгляд друг от друга? Где беспечность? И опять же: где признание в любви? Как её угораздило переспать с парнем, который не сказал, что любит!? Вот дура!

Что он мог в ней найти? Вика серьезно посмотрела на отражение, подняла руки и взъерошила шевелюру. Это сейчас волосы ровные и блестящие, закрученные в тугие кудри, а еще совсем недавно доставляли ей одно только огорчение. Сколько пришлось с ними помучиться! В детстве, насколько Вика помнила, колечки на ее голове вызывали умиление у взрослых. Каждый старался их погладить, растрепать или поправить. В младшей школе ее считали самой красивой девочкой в классе именно из-за кудряшек. В подростковом же возрасте Вика волосы возненавидела. Мало того, что они вечно путались и торчали в разные стороны, так еще и невозможно было сделать нормальную прическу. Каре превращало ее в пуделя, короткая стрижка делала похожей на юного еврея. С тринадцати до шестнадцати Вика носила исключительно хвостик, гладко зачесывая копну назад, иногда завязывала старушечий пучок. И все равно ее порой дразнили шваброй.

Только лет в семнадцать она нашла, наконец, управу на вихры. Тогда в салон на Никитском, который Вика посещала регулярно, пришла новый стилист, Юлька. Она и помогла ей. Вика стала пользоваться разными пенками, восками, гелями. Теперь волосы спускались ниже лопаток, лежали красивыми спиралевидными прядками, крупными или мелкими, в зависимо-

сти от способа, которым были уложены. Иногда Юля вытягивала их, распрямляя до гладких локонов, но такое у Вики удерживалось недолго.

Да, она часто слышала комплименты в адрес прически, но все остальное было у нее стандартным. Обычный нос, не запредельно длинные ресницы, не самые пухлые губы. Да, слава Создателю, яркие глаза, изящные от природы брови и чистая кожа, но... разве достаточно этого?

Вика отошла от зеркала чуть дальше: фигура тоже была не выдающейся. Если б не безумная любовь к сладостям, могла бы соответствовать современным идеалам красоты. А так – увы и ах! Вика посмотрела на грудь: чересчур пышная, она делала фигуру немного грузной. «Девушки – обладательницы маленькой груди не понимают своего счастья, – в который раз за последние пять лет подумала она, – ты можешь иметь идеальные пропорции, но пышный бюст в два счета превратит тебя в пампушку». К тому же, одежда стандартных размеров Вике не подходила: если была хороша в талии, то натягивалась выше как на бочке, если бывала хороша в груди – пиши пропало – висела мешком в остальных местах. Вика давно шила наряды на заказ: начиная с нижнего белья и заканчивая шубками. Хорошо хоть она себе это позволить могла. А если б денег не было?

Повернулась и посмотрела на бедра и попку. Вспомнила разговор с Ольгой, когда жаловалась подруге на апельсиновую корку. Им тогда было лет по пятнадцать?

– Оль, посмотри, у меня целлюлит на икрах?

– Что?

– Целлюлит!

– Где? – брови Ольги домиком сошлись над переносицей.

– На икрах! – возмущенно вопила Вика.

– Хочу уточнить, – Ольга склонилась, сиюсья рассмотреть хоть что-то, – ты знаешь, что икра – это часть ноги между коленом и щиколоткой?

– Конечно! Там целлюлит?

– Ты с ума сошла? – подруга строго покрутила пальцем у виска.

Надо сказать, Оля имела абсолютно здоровое отношение к себе и своей внешности, а ведь она была очень красивой! Голубые глаза, напоминающие то воду в солнечном бассейне, то россыпь хрусталиков льда, завораживали. Она страстно любила менять прически и цвет волос. Ей шел и зеленый оттенок, как у кикиморы, и золотистый, как у Барби. Огромные очи подстраивались под выбранный цвет и превращали Ольгу в загадку. Вике давешний разговор она не забыла и при любой жалобе на внешность выдавала: «Только попробуй мне сказать про целлюлит на икрах!»

Подруга была для Вики благословением небес. Во всем мире не было человека ближе и роднее. Они вместе учились с первого класса, когда худенькая синеглазая девочка с цветными резиночками, в конце второй четверти впервые появилась за Викиной партой. (Ольгина семья переезжала с места на место вслед за отцом до той самой поры, пока дочка не пошла в школу). С тех пор они почти не расставались. Играли в куклы каждый день, ночевали друг у друга, шушукались под партами и читали одни и те же книжки. В общем, делились любимыми радостями и горестями и секретов друг от друга не заводили.

Когда родителей Вики не стало, Ольга превратилась в настоящую сестру. Она день и ночь слушала Викины стоны, не обижалась, если та внезапно замолкала, помогала с учёбой, прикрывала от любопытных. Сочувствие стало её вторым «Я». Ольга даже потянулась за Викой в художественную школу, но, увы, промучившись там пару месяцев, сдалась. Ольга была прирожденной отличницей, у неё по всем предметам были пятёрки, золотая медаль за окончание школы и трудности выбора института. Куда пойти, если все предметы одинаково хороши и успешны? Ей было так сложно понять, что самое интересное, что Вика диву давалось. Ольга

поступила на экономический факультет университета управления, навсегда приобретя склонность к восхищению людьми, определившимися с профессией в детстве.

В семье у Ольги было особое отношение к деньгам. Строгие правила, установленные отцом подруги на все сферы жизни, распространялись и на кошелек. Ольга никогда не заглядывала в чужие карманы, не завидовала состоятельности окружающих, не имела привычку считать чьи-то доходы. Видя, какое наследство свалилось на Вику, ни разу не попросила займы, хотя как никто могла бы сделать это. Вика это ценила. «Господи, – думала она, – спасибо за щедроты твои, пославшие мне такого щепетильно-благородного человека». Взрослея в семье среднего достатка, Ольга порой с тоской смотрела на понравившееся платье, классные сапоги. Но если родители не могли ей этого позволить, она проходила мимо, смело утешая себя, что как только пойдет работать, сможет купить. Конечно, Вика была рада доставить подружке удовольствие, преподнося желанные подарки. Но она прекрасно знала, что Ольга их не ждала, не ради этого с ней дружила. Не ради этого забегала на минутку утром и позировала часами по вечерам, болтала до ночи и хохотала до упаду.

Как-то раз Нинка Шустрова, самая высокая девчонка в их классе, рассказывала о выигрыше, который свалился на её отца. То ли это было «Спортлото», то ли «Бинго», сейчас Вика уже не помнила. Нинкины родители купили машину, а ей подарили мобильный телефон (тогда в школе ещё ни у кого не было). Вика как в открытой книге читала на лицах ребят жадные взгляды, расчеты, куда бы они потратили бумажки, свались они на них. Сама она с двенадцати лет привыкла иметь дело с немаленькими финансами – дед ее почему-то в средствах не ограничивал. Может быть, не хотел, чтобы она чувствовала отсутствие родителей, может, планировал приучить к самостоятельности – понимал, что не вечен? Вика без его помощи платила по счетам: за свет, за газ, за квартиру. Решала, что купить сейчас, на что отложить.

Она не завидовала Нинкиным родителям. Её не впечатляли выигрыши. Её впечатляло умение работать и зарабатывать, вести бизнес или разумно тратить.

Так вот, когда весь класс завистливо смотрел на Шустрову, Ольку новость даже не интересовала. «Ну, выиграл и выиграл, – пожалала она плечами, глянув сначала на новенький мобильник, а потом на Вику, – пошли биологию делать».

Только в одном Вика Ольгу не одобряла: в стремлении вешаться на парней и прыгать из кровати в кровать. Хотя, впрочем, она этого не понимала не только в Ольге, но и в других девчонках. Им казалось скучным не кружить головы и не хихикать с пацанами. Они курили, пробовали наркотики, заводили и бросали знакомства, хвалились связями. На нее, девственницу, смотрели косо до тех пор, пока Вике не надоело, и она не соврала, что рассталась с «атрибутом юности». Ольга знала правду, но в её надежности Вика была уверена непоколебимо. Иногда подруга, правда, подначивала:

– Как тебя угораздило остаться нетронутой в девятнадцать? – спрашивала она, и Вика заводилась, несмотря на то, что каждый раз обещала себе больше этого не делать. Она не считала девственность молочным зубом, от которого необходимо было избавиться во что бы то ни стало.

– Потому что я живу не в тумане, а думаю головой, – сердилась она, – хороша бы я была, если б переспала с Крестовским! Я привыкла отвечать за свою жизнь, а не расставаться с невинностью в отместку родителям! – однажды выпалила она, вспомнив рассказы девчонок, и тут же спохватилась, – извини, я не тебя имела в виду.

– А что? Ты права, – хмыкнула тогда Ольга, словно бы заглядывая в себя. – Я бы с Зотовым спать не стала, если б не папаша. Он меня бесил своим желанием растащить нас.

Вика снова расстроилась, вспоминая это. Ох, как она была зла на всех мужчин в своей жизни и жизни подружки. Они не умели ценить девушек. Порой ей хотелось крикнуть Ольге: «Он не для тебя!», но она сдерживалась, зная, что это не приведет ни к чему хорошему.

Вика надела красную юбку-шотландку, темные чулки чуть выше колен и стильную рубашку. Покружилась перед зеркалом. Интересно, такой наряд понравился бы Выгорскому? Она представила, как его длинный палец скользит по бедру. Стоп! Не надо об этом мечтать!

Она и так слишком часто мысленно улетала к нему, принималась думать о будущем, представляя себе кудрявых рыженьких дочек и дом, наполненный смехом. Разве это так уж невозможно? Ведь он тоже человек и, значит, мог чувствовать то же самое, что и она. Она одернула себя. Сколько раз, с каждым новым парнем, она мечта о семейном счастье? Ничего в жизни Вика так не хотела, как тёплого очага, любимого мужчины рядом, детей. Она не призналась бы никому, но один из самых больших страхов её – это замужество подружки. Когда Ольга найдет близкого человека и пойдет к алтарю, Вика останется совсем одна.

Начиная любые отношения, встречаясь с молодыми людьми, Вика спрашивала себя: «Возможно ли такое, что в будущем её ждет нечто большее, чем сожаления о непродолжительной связи»? Но чем чаще Вика задавала себе этот вопрос, тем чаще получала отрицательный ответ. Её чересчур много бросали, предавали, пользовались. Накапливая горький опыт, она с каждым разом всё больше боялась выглядеть излишне влюбленной, страшилась выражать стремление понравиться мужчине. Улыбаться, бросаться на шею, нервно хихикать, суетиться, пытаясь попасть в поле зрения любого ухажера, навязываться – от одного вида подобного поведения её пробивала дрожь. Страх сделаться посмешищем удерживал от бурного выражения симпатии. Она смотрела на девушек, прыгающих из кровати в кровать, и ужасалась.

Вика закрыла дверь и направилась к лестнице: она принципиально не пользовалась лифтом, начиная с восьмого класса. На пятом этаже соседские ребята – братья Смекаловы – затаскивали огромный ковер в лифт. Они пыхтели и поругивались друг на друга. Вика услышала их «тащи» – «пихай» – «давай» будучи на пролет выше. Немного приостановилась, разглядывая худые фигуры и одинаковые, похожие на топорщица лица. Эту картину она видела регулярно. Мамаша Смекалова, повернутая на чистоте, пять раз в год заставляла ребят трясти паласы.

– Привет! – игриво поздоровалась Вика, – генеральная уборка?

Ребята приостановили потуги и закивали: – Ага! Привет!

– Как закончите, приходите ко мне! – протиснулась Вика мимо, стараясь не задеть стену.

– Нет, Вик, давай сначала ты к нам! – ответил младший и наградил зазевавшегося брата подзатыльником.

Вика рассмеялась, и каблочки её застучали вниз: цок-цок. Пробегая мимо квартиры Ярослава, вздохнула. Если по возвращении он не скажет, что любит – она не станет о нем думать. И точка. Замок щёлкнул, и её сердце ёкнуло: «Уже вернулся, но не предупредил!» Она замерла на месте. Из двери вышел молодой человек, которого она видела впервые. Не Ярослав. Высокий. Пшеничные волосы блестели как в рекламе. Светлая борода закрывала большую часть лица. Он был старше на год или два. Темно-серый взгляд уперся в её, видимо испуганные, глаза. Секунду они выжидали, явно решая, что делать дальше. Вика опустила ресницы. Сердце гулко стучало. Вор? Позвать Смекаловых? Она прислушалась: двери лифта гремели, наверху ещё возились.

– Виктория? – голос у незнакомца был громкий и певучий.

Он был в курсе, какое у неё имя!? Вика удивленно подняла брови, задавая немой вопрос: «Мы знакомы?»

Парень широко улыбнулся, обнаруживая за бородой ослепительный ряд белых зубов:

– Мы не встречались, но я слышал о Вас не раз, – он протянул руку. – Я – Дмитрий, личный психолог Ярослава.

– Психолог? – она смотрела настороженно, но ничего не оставалось, как пожать его пальцы.

– Да! И по счастливому совпадению, брат.

Вике на мгновение показалось, что она не расслышала.

– Брат!? – она не смогла (да и не пыталась!) скрыть изумления. Вика превратилась в безмолвную статую, внутренности которой раздирала боль предательства.

– Не говорите, что он Вам ничего не рассказывал, – явно желая понравиться, сказал он и добавил отрывисто: – обо мне.

– Ничего, – еле шевеля губами, пробормотала она.

– Отлично, – «брат» захлопнул дверь, повернул ключ и по-простому подхватил ее под руку, – сейчас самое время это исправить, – потянул на улицу, но так как Вика была одереvenелая, остановился: – хотите проверить, не утащил ли я чего? – в его глазах сверкали знакомые искры.

– Хочу проверить, брат ли Вы? – сомнение не покидало. Обида распускала противные теплые щупальца по телу.

– Поцелуемся по-братски? – светлый пушок ресниц искрился от смеха.

Вика скривилась, но стала спускаться.

– Ну, уж нет. Почему я про Вас ничего не слышала?

– Не знаю, – он пожал плечами, – может быть, я слишком обаятельный, а Ярославу слишком много лет?

– И скромный, – фыркнула она.

– Кстати, о скромности, – ничуть не смутился он, – не подкинете до центра, а то моя машина в ремонте. Может, будем на «ты»?

– Хорошо, – неуверенно пролепетала она.

– Хорошо, на «ты»? Или хорошо, подкину?

– Хорошо: и то и другое, – они вышли из подъезда, сели в ауди, и Вика, покривив губы, спросила: – И что же с тачкой? – она готова была спрашивать хоть о Бабе-Яге, лишь бы иметь время собраться с мыслями. Почему Ярослав никогда не говорил о брате?

Дима не обманул её ожиданий. Он подробно рассказал, как ехал по маленькой улочке с односторонним движением, не разъехался с каким-то несговорчивым верзилой. Тот чуть не побил его, пришлось заплатить за ремонт обеих машин, иначе лишили бы прав и ля-ля-ля. Он распинался, даже не останавливаясь, чтобы перевести дыхание.

Вика не особо поверила этой истории. Она с сомнением смотрела на попутчика, чувствуя какое-то подобие жалости. Он болтал, она изо всех сил старалась сосредоточиться на его словах, но думала о Ярославе.

Помаленьку реальность становилась прозрачной, осознанной. Первой реакцией был безудержный гнев. Негодяй! Крутился вокруг неё, как змей! Трали-вали! И вот вам, пожалуйста, мороженное. И будьте добры присаживайтесь, я буду Вашим водителем! Красивей девушки я не встречал! Я покорен! Кино! Ночные прогулки! Рестораны!

Как получилось, что он не рассказал ей о брате? Имела ли она право на знание этой стороны его жизни? Вика чувствовала, что готова разрыдаться. Силы потихоньку покинули её. Выгорский был темной лошадкой. А кем для него была она – вообще загадка.

Наконец-то, Вика вставила в бесконечный монолог:

– Вы не очень-то похожи с Ярославом.

– Да, все так говорят. У нас отец один, а матери разные.

Это сходилось с версией Выгорского старшего. Хоть в чём-то не обманул. Мать умерла, когда ему было около двух. Отец женился заново. После его смерти, Ярослав отношения с мачехой не поддерживал. Но брат – это совсем другое дело. Как можно промолчать про брата? Если бы у неё был брат... или сестра... Впрочем, Вика давно уже запретила себе мечтать об этом. У неё была Ольга. А Ольга – лучше, чем сестра.

– А занимаешься ты чем?

– Я доктор.

Вот это да! Глаза сами собой вылезли из орбит. Она с сомнением посмотрела на пассажира. В умении впечатлять ему не было равных. Доктор? Этот пустомеля? Она прокашлялась:

– Ты правда психолог?

– Да, вижу, удивил тебя. Не очень-то это вежливо так тарачиться. Но можешь быть спокойна, я не шринк. Я стоматолог. Еще полгода ординатуры, между прочим, и буду задорого лечить твои зубы.

– Спасибо!

– Обращайся. А ты, насколько знаю, художник.

– Угу.

– Ну что ж. Можно по бартеру. Ты меня рисуешь – я тебе пломбы вставляю.

– Договорились.

– Вот и лады. Не выбросишь меня здесь, у Белорусского?

– Хорошо, – она свернула за мостом направо и остановилась, радуясь скорому избавлению.

Дима проворно выскочил из машины.

– Приятно было познакомиться. Увидимся! – Махнул рукой и хлопнул дверцей.

Вика тронулась. За словом он в карман не лез! Что за причина у Ярослава прятать его? Она закусила губу, пытаясь найти оправдание мужчине, бывшим у неё первым, но не нашла. В пробке на Тверской схватила телефон и написала смс: «Познакомилась с твоим братом. Интересный». Подождала. Телефон был словно мертвый. Почему он молчал? Ясное дело, что недоговаривал именно ей. Брательнику-то о ней рассказал. Неприятное чувство сосало под ложечной. Она ощущала странную пустоту в голове, все мысли куда-то исчезли, и лишь одна, о глупом предательстве глубже проникала в сознание. Она была как ледяные капли мартовского дождя, падающие на снег её надежд и растворяющие его.

Ответ Вика получила уже будучи в институте, заходя в аудиторию. С разочарованием прочитала: «С каким?» Вот епрст! Она почувствовала прилив сил, питаемый боевым духом. Ну, он у неё попляшет! Больше никогда (никогда!) она не посмотрит в его сторону.

«Их много?»

«Нет»

Где-то в глубине её души медленно разгоралось пламя гнева, затемняя другие чувства.

«Сколько?»

Пока она ждала ответ, пришел преподаватель основ анатомии и затянул совершенно неинтересную в настоящий момент лекцию. Его очки имели настолько толстые стекла, что глаза превращались в рыбок, скользящих в аквариуме. Вика открыла тетрадь, но сама только и поглядывала на телефон. Он молчал, заставляя её обиду пылать с утроенной силой. В него вливалась и вливалась бензиновая река уязвленной гордости и самолюбия. Она вешалась Выгорскому на шею, а он знать её не хотел! Ах, почему она потащилась с ним в кино и слушала его сладкие басни? Он держал её за дурочку! Она не должна была выказывать чувств!

«Один».

Забросив писать, трясясь от ярости, набрала: «Тогда к чему вопрос, с каким? Именно с этим». Зачем она писала ему? Лучше бы он никогда-никогда не узнал, что интересуется её!

«Похоже, ты сердисься».

«Похоже, тебе есть, что скрывать».

Вика не на шутку разозлилась. Больше ни в жизни она не будет спать с этим мужчиной! И ни с каким другим, пока не получит как минимум предложение руки и сердца.

«Есть».

Она не знала, как реагировать. Просто пыталась унять бешенство. Что тут можно написать? Иди к чёрту со своими тайнами? Телефон прочиркал: «Тебя».

Горячая волна окатила внутренности, снова окрасив небо над головой в солнечно-лазоре-вый цвет.

Но Вика не позволила радости поднять голову. Боже, она, кажется, втрескалась в Выгорского! Какая дура! С досады стукнула кулаком по парте, ребята оглянулись, преподаватель сверкнул из аквариума сердитым взглядом. Вика промямлила «Извините!» и сползла под стол. Там уже себя как следует отругала. Что за нужда была втюриться в богоподобного? Она-то, может, и любила, а вот он? Что делал он с ней? Играл или восхищался? Пользовался или любил? Как проверить, каковы чувства мужчины? Искренни ли они?

Почему до сих пор не изобрели специальных тестов на любовь? Это же золотое дно.

Глава 6. Предложение.

Что опыт? Вздор! Нет опыта любви.

Любовь и есть отсутствие былого.

Б. А. Ахмадулина

Она решила послать его куда подальше. Все плохие признаки были налицо. Разве нет? Началось знакомство с разбитой машины. Как глупая авария случилась у Выгорского, человека предусмотрительного и аккуратного, – непонятно. Первое свидание – вспомнить страшно. Секс без признания в любви – вообще труба. А уж молчанка про Димку – задушить его мало. Вечером, на следующий день после случайной встречи с новоявленным братцем, когда Вика смиловилась и подняла трубку, в телефонном разговоре Ярослав, конечно, объяснил, почему не сказал ей о брате. По его словам, он намеренно сделал это: «Не смотри, что он вроде как раздолбай. Мозги у него отлично варят. С девчонками проблем нет. Я не хотел бы жалеть, что познакомил вас. Извини. Дай мне время». Вика промолчала. Что ж, она даст ему время. Сколько угодно времени!

Права Ольга, разрывая связи раньше, чем парни задумывали бросить её. Это самая правильная практика, которую следовало перенять. «А собственные чувства? – спросила Вика себя, и сама ответила: – Ты такие чувства испытывала к каждому встречному – поперечному, начиная с мальчишек в детском саду и заканчивая президентом».

Несмотря на восторги, которые он ей внушал, внутри поселилась обида, перемешанная с недоверием. Если он опасался собственного родственника, мог бы их и не представлять их друг другу, но зачем делать вид, что брата вовсе нет? Он скрывал что-то и внушал опасение. Может быть тем, что не был похож на других мужчин? Или потому, что она чувствовала себя перед ним слабой? Неуверенной? Боялась, что он возьмет власть над ней? Не странно ли, быть влюбленной и настороженной одновременно? Она таяла в его присутствии, и от этого сильнее злилась.

Она и так все эти бесцветные бесконечные дни ожидания заставляла себя проявлять стойкость при каждой смс: не пускать слюни и не вилять хвостом, словно дворняга. Убеждала не отвечать на все подряд звонки, не снимать трубку после первого гудка, не бросаться к телефону, как к больному младенцу. «Имей хоть каплю достоинства, – твердила Вика, – не будь подобострастной!»! Пыталась коротать дни за мольбертом и книгами, но большей частью безразлично листала глупые журналы и лупилась в интернет, мечтая то о самом Ярославе, то о том, как все выскажет ему.

«В отношениях мужчины и женщины всегда один любит, другой позволяет любить». Эту формулу Вика сто лет назад подсмотрела в глянцево-девчачьем журнале. Несмотря на кажущееся упрощение, она работала. Например, родители. Папа любил маму, а она позволяла себя любить. Ольга с Вадимом. Она любила, он – позволял. Сама Вика и Лешка Крестовский. Он любил, она позволяла. А вот с Выгорским было наоборот. Она любила, а он позволял. Так Вика не хотела: уже имела печальный опыт любить самой. С Грозовым. Да и подружке искренние

чувства не очень-то много счастья принесли. Поэтому, когда Ярослав так чудно распинался про брата, Вика предложила встретиться его по прилету, твердо решив объявить о расставании. Она хотела возвести барьер между своими надеждами и отчаянием, вызванным его ложью. Да, она скажет ему в лицо, всё, что о нем думает, развернется и уйдет.

«Может быть, не стоило ехать в аэропорт?» – стоя в зоне встречи прибывающих, подумала она и приняла расслабленную позу, хотя глаза жадно бегали по толпе, выискивая его. Приземлилось несколько самолетов подряд: из Лондона, Сингапура и еще откуда-то. В зале царил толкотня. Люди торопились в разных направлениях, катили тележки, несли сумочки и тащили чемоданы. Ноги так и норовили плясать от шальной неуместной радости: сейчас она увидит его! Сердце не унималось, как Вика не уговаривала: оно трепыхалось в груди, стучалось о ребра, как мячик-попрыгунчик в тесной коробке. «Господи, прекрати быть такой податливой и теплой!» – в сотый раз приказала она себе.

Выгорский вышел со своего рейса одним из первых. Рыжая шевелюра и могучие плечи бросились в глаза. Элегантный шарф придавал статус непоколебимого властелина мира. Он двигался к ней, среди густеющей толпы, неотрывно глядя в лицо. Господи, до чего же хорош он был! Светлый ультрамодный пиджак и брюки подчеркивали статную фигуру. Даже бы и в дешевом, купленном в секонд-хенде спортивном костюме, он выглядел бы бесподобно, а от такого впору грохнуться в обморок! Высокий рост, стройный торс, волнистые золотые волосы, буравящие насквозь глаза – все в нем напоминало короля. Вика не могла отвести взгляда. Ярослав как обычно не торопился: мягкая походка лениво приближала его как в волшебном кино. Рокот суетливого народа исчез, впрочем, как и зал прилета. Она стояла на опушке сказочной дубравы, бабочки порхали над цветами, голосили сойки и щеглы, дятел стучал где-то далеко. Солнечные лучи тянулись через ветви и нежные листочки. Она не была Викой Беловой, она превратилась в бесплотное создание, забывшее о существовании воли.

«Стой на месте!» – приказала Вика себе, стяхнув наваждение, и осторожно облизнула губы, когда он остановился в шаге от нее.

– Здравствуй! – постаралась сказать как можно равнодушнее. Хотелось броситься в объятия, но Вика сдержалась. Сфабриковала мнимое спокойствие, хотя дрожь охватила все тело. Какой он красивый!

– Привет, – прошуршал он в волосы, притянув Вику, – не думал, что буду так скучать по тебе.

Она не могла вымолвить ни слова, задышавшись, уткнулась в пиджак и вдруг остро почувствовала, что полторы недели тянулись бесконечно: еще немного, и она увяла бы от тоски.

– Ты еще не замужем? – Ярослав наклонился к самому ее лицу. Подняв взор, она решила чуть отложить объявление о разрыве. Сейчас она поболтает с ним о поездке, может быть, подкинет до дома, может быть, переспит ещё раз, а потом объявит о своём решении. Позже. Не сейчас.

Сразу стало легче, напряжение отпустило.

– Нет, – Вика улыбнулась и вдохнула апельсиновый запах.

– Хорошо, – он взял ледяную ладонь и потянул ее к выходу, – я привез тебе кое-что.

Вот это да! Как давно она не получала подарков! Лет сто, а то и двести. Что это могло быть? Магнит с Тауэрским мостом? Биг Бен на брелоке? Футболка с красным автобусом? Детское любопытство затопило. Если так будет продолжаться, её ждет кислородное голодание. Что с ней делал этот железный мужчина? Дрожь не унималась.

– За то, что я не вышла замуж? – подразнила она.

– И за это тоже, – проорчал Выгорский, увлекая ее за собой сквозь металлоискатель и стеклянные двери, через площадку, парковку такси. Как только они оказались на стоянке у машины, Ярослав опустил руку в карман, вытащил едва распустившуюся розу на коротенькой ножке. Протянул со словами: – Это только футляр. Сам подарок внутри.

Вика взяла, нахмурилась. Руки не слушались. Она медленно расправляла лепестки, не будучи уверенной, что правильно делает. Подняла тревожный взгляд, Ярослав напряженно улыбнулся, не произнеся ни слова, лишь кивнул, подбадривая. Наконец, она увидела. В цветке он спрятал кольцо. Тонкое, с небольшим темно-синим камнем, оно сверкнуло в сердце розы: там, где за кремовыми лепестками скрываются желтые ворсинки.

Вот этого Вика никак не ожидала. Кольцо?! Он с ума сошел?

Какая-нибудь безделица, керамическая кружка, варежки, английский альбом, ну пусть даже ювелирное украшение – сережки, браслет – если ему так хотелось поразить ее, но это круглое изделие? Он вообще понимал, что девушка может подумать? Мужчины – странные создания. Вика замерла.

– Это мне? – она сама не понимала, почему так спросила. Была слишком ошарашена?

Ярослав притворился растерянным, смешно похлопал по карманам:

– Ой, кажется, для тебя был желтый цветок. А этот для другой подружки. – Он продолжал ощупывать полы пиджака. – Где же твой?

Его движения выглядели так комично, что Вика, всё ещё огоршенная, нервно рассмеялась.

– Конечно тебе, – в рыжих глазах плясали чертики, – хочу, чтобы ты стала моей женой.

Она замерла, ошеломленная. Улыбка сошла с лица. Она прямо почувствовала, как мышцы ослабли, и уголки губ опустились. Он что, серьезно предлагал ей выйти за него замуж? Сколько они знакомы? В голове помимо воли промелькнуло белое платье, цветы. Маленький домик у моря, распахнутые окна и трепещущие занавески, гамак во дворе, двухлетний мальчик с черепашкой, коляска. Утренний кофе в солнечной кухне.

Этот великолепный мужчина предлагал ей, обычной девчонке, влюбленной без памяти, выйти за него замуж? Вика открыла рот, но не могла вымолвить и слова. В глазах Ярослава мелькнуло беспокойство. Потом они наполнились весельем и он сказал:

– Здесь ты просто должна ответить «да».

Вика потеряла безмянный палец и, на всякий случай, уточнила:

– Ты предлагаешь мне выйти за тебя замуж? – она сощурила глаза, пытаясь проникнуть вглубь его сознания.

– Да, – улыбка была столь очаровательной, что дневной свет померк, оставив её один на один с королевским обаяшкой.

– Когда?

Он рассмеялся раскатисто и громко, хотя глаза не покидало волнение, потом прокашлялся:

– Вика, скажи, что ты согласна, и мы сразу обсудим детали, – Ярослав продолжал посмеиваться, настороженно смотря в ее лицо. Она всё ещё не могла поверить, что он это серьезно. Вот сейчас, стоит ей только ответить «да», он обратит все в шутку. Она взволнованно облизнула губу. Что ей делать?

Лицо Ярослава стало абсолютно непроницаемым:

– Я сяду за руль, – он открыл ей пассажирскую дверцу, но она не шелохнулась, – если ты не готова дать ответ, я не тороплю. У тебя столько времени, сколько пожелаешь, ... – он вдруг умолк и задумался, желваки ходили под кожей, – нет, сколько угодно у меня сердце не выдержит, – в голосе звучало волнение, – месяц! И ни днем больше.

Вика не шелохнулась, она поймала себя на том, что её рот до сих пор открыт. Она даже ответить не смогла. Ярослав продолжал внимательно вглядываться в неё. Низко опустив голову, она судорожно сглотнула. Замешательство никак не покидало. Он что, любит её? Неужели это возможно? Какие ещё могут быть причины позвать её в супруги? Крылья радости приподняли Вику над землей и упруго закачали в воздухе. Она перевела взор на пальцы Ярослава, застывшие на стекле машины. Розовые ногти, словно созданные волшебной палочкой

ценителя красоты, матово поблескивали на солнце. Как и прежде, они манили к себе. Никогда еще он не походил так на юного мальчишку – неуверенный, с напряженным телом, с насмешливым взглядом из-под упавших на гладкий лоб прядей спутанных волос. Она увидела каждую маленькую щетинку, отражавшую едва проглядывающее в облаках солнце. Вика вспомнила горячие лихорадочные прикосновения рук, мимолетные и грешные. Как он ласкал её кудри, рассыпал их по плечам, услышала его приглушенный голос, шепот в ту ночь. Чем больше она сомневалась, тем больше ей самой становилось понятно, насколько сильно она верила ему. Что же ей делать? Должна ли она испытать его чувства? Почему он не говорил, что любит? Вопросы туманили разум. Меж тем что-то поднимало её все выше над землей, и она чувствовала разрастающуюся внутри радость. Почему бы ей не отдаться своим чувствам, вместо того, чтобы оглядываться на печальное прошлое?

Да, она мечтала делить с ним жизнь, заботы, мечты, радость! Быть в его тени и в его объятиях. Улыбаться только ему, танцевать для него! Родить кучу детишек и вести хозяйство. Забыть и боль, и страх, и предательства прежних дней. Разве не было у неё права на счастье?

– Я согласна, – Вика перестала дрожать, но ответ ей дался с трудом. Ещё час назад решившая порвать с ним, теперь она хотела петь, смотреть не отрываясь, слушать.

Ярослав по-юношески рассмеялся, как будто бы с облегчением. Это было так трогательно.

– Я уж думал, что мы сегодня не договоримся, – он наклонился и поцеловал её. Губы были требовательными, горячими. Обнял ее нежно, прижал к себе. Трепетно забилось сердце, тепло его рук и груди осветили её. Вика почувствовала его сдержанность, сливающуюся с её упоением, и внутренности, сначала расслабились, а потом взорвались восторгом. Она взяла бутон в кулачок и обвила его шею, почувствовав теплые руки на талии. Какое это счастье – любить! Ярослав стиснул её и, оторвав от земли, закружил. Замелькали машины, столбы, надписи, лестницы. Вика, зажмурилась, брызгая игристой радостью. Ярослав! Она без памяти влюблена! Глупышка! Вика тихонечко рассмеялась. Счастье переполняло сердце. Хотелось петь и куда-то бежать. Она вновь переживала их знакомство, каждый жест Ярослава, каждое сказанное слово, улыбку.

Ах, милый, сделай так, чтобы в твоих объятиях я больше не была покрыта кожей! Люби меня и позволь мне любить тебя. Заставь забыть о формулах и горечи, будь со мной! Сделай меня беспечной!

Ярослав аккуратно поставил её на землю, коснулся губами щеки, уголков рта. Поцеловал, вливая в губы Вики нежность. Потом ещё и ещё. Снова закружил в самых надежных объятиях в мире и снова вернул на землю. Заглянул в ничего не видящие глаза, взял розу из дрожащих пальцев, достал кольцо. Оно сверкало малюсенькими звездочками, заключающими в себе Викино счастье. Надел на безымянный палец и поцеловал каждую фалангу, не выпуская рук из больших ладоней.

Нет причин сомневаться – она любима! Пусть Ярослав не произнес этих слов вслух, она знала: так оно и было. Он не из тех мужчин, которые повторяли признания каждые пять минут. Ему не шестнадцать. Но его рыжие глаза, наливаясь сладким медом, говорили ей о чувствах, нежные пальцы повторяли, жадные губы убеждали. Почему она сомневалась? Отчего не верила? Глупышка! Ничего, пройдет время, и он признается. Какая она счастливая! Каждая струнка души звенела!

Поскорей бы оказаться в тишине квартиры, задернуть шторы, выключить телефоны и любить. Нежный ветерок шевелил золотые пряди и улетал играть с другими людьми. В вышине неба слышался гул близких самолетов. Теперь, после его предложения, жизненная сила пробудилась в ней и расправила крылья. Она чувствовала их трепет и стремление попробовать себя. Она чувствовала прилив энергии, грудь наполнилась воздухом. Все страхи, которые пожирали её, отступили за горизонт. Какое ей дело до брата-свата?

Небо было чистым, воздух прозрачным. Она вдруг вспомнила, что на дворе весна, снег давно растаял и вот-вот начнется лето. Деревья покроются зеленым пушком, березы покажут первые восковые листочки, зашумят южные ветры. Жизнь! Она прижалась лбом к его груди, вдохнула, коснулась губами ребристой ткани. По его телу пробежала дрожь. Он наклонился к ней, бессвязно бормоча что-то в шею. Её руки скользнули к широким плечам, молчаливо призывая неровным дыханием. Прижимаясь к нему, уступая охватившему желанию, она отвечала на нетерпеливые ласки легкими движениями своего напряженного тела, нерешительная, но уже покорная.

В следующую минуту Ярослав застыл, и Вика услышала ругательство. Он во второй раз открыл ей дверцу, взглядом приказав ничего не говорить. Вика не удержалась и хихикнула. Она села, он втиснулся на сиденье водителя, завел машину, и они тронулись. Задохнувшись от счастья, Вика молчала. Она смотрела и смотрела на него, на строгое лицо, ровный нос, каштановые ресницы, мелкие складочки в уголках глаз и глубокие – у рта, на его уши, усыпанные веснушками, на маленькие волоски, завернувшиеся у шеи, на костяшки пальцев, голубые вены под кожей, еле шевелящиеся суставы кистей. Выше рассудка был её инстинкт, её любовь, которые вели сквозь страх, подобно дороге, проложенной в густом сумеречном лесу. Она не переставала спрашивать себя, в чем заключается могущество этого человека, который будто знал её слабое место и несколькими словами сумел завладеть её душой.

Потом она опомнилась и стала расспрашивать про поездку и полет. Ярослав, как по писаному, рассказал про лондонцев, учебу, достопримечательности, погоду и прочие наблюдения. С юмором отметил нравы, непривычные русским людям, поведал о домах, старинных зданиях, кафе и транспорте. Он сделал для нее несколько фотографий с элементами архитектуры, уличной живописи. Показывал, комментируя. Перемежал свое повествование поцелуями.

Они гнали по шоссе в левом ряду, потом свернули на кольцевую, на удивление не попали ни в одну пробку и болтали, болтали, болтали.

– Мне нравятся старинные дома. Дома, в которых есть история, – Вика смотрела снимки. – Не те, в которых архитектура стандартная. Вот тебе подъезд. И вот четыре квартиры на этаже. Не люблю, когда парадные входы закрыты. Как помнишь, в «Собачьем сердце» профессор Преображенский жаловался? Люблю красивые лестницы, необычные окна. Я вообще старые вещи люблю. Вещи с историей. Приятно, наверное, жить в доме, которому лет сто. Где несколькими поколениями сделаны зарубки на дверных косяках, где лепнина на потолке, балюстрады, сводчатые проемы.

– В следующий раз поедем вместе, – предложил Ярослав. – Даже если я буду много работать или учиться – вечера будут наши. А это здорово.

– Угу. Ты так интересно говоришь. Очень хочется посмотреть. Я была в Лондоне, но очень давно, плохо помню, – Вика положила голову ему на плечо. – Я очень по тебе скучала, – поцеловала шею, – какое счастье, что ты вернулся. Еще немного и я начала бы выть не Луну.

Ярослав погладил её запястье:

– Думал о тебе все время.

Теплое золото, похожее на кромку восходящего солнца осветил её всю. Ярослав держал ладонь, посылая нежность в грудь, губы, низ живота, вены, в сердце. Миллион маленьких электрических импульсов разбежался по тонким цепочкам.

Когда они окажутся наедине, она накинется на него! Вика закусила губу. Ярослав переплел их пальцы и спросил:

– Ты не носишь колец. Это такая принципиальная позиция?

– Нет, – Вика еле качнула головой, – просто они всегда мешаются.

– Надеюсь, мое не будет, – поцеловал ногти.

Вика подняла руку, любуясь на колечко: оно выглядело сказочно на её пальце. Всё-таки она счастливая! Неширокая ладонь будто бы пропускала свет, отчего становилась ещё уже.

– У тебя изящные руки. Им очень идут украшения.

– Спасибо, – Вике казалось, что она лучится, – ты не первый, кто это говорит, – «Ой, зачем она это сказала?» – Вика смутилась и затараторила: – кольца мне постоянно мешают, руки от них как будто устают. А летом как в том анекдоте. Знаешь?

– Нет, – Ярослав медленно покачал головой, а сам хитрюще смотрел на нее, будто бы спрашивая: «Что, интересно, ты наплетешь мне, моя красавица?»

– Муж собирается на юг. Жена говорит: «Почему кольцо снял?» А он ей: «Дорогая, там такая жара!» Вот и я: летом в кольцах жарко, зимой – и без них руки мерзнут, то забудешь их в гостях, то в раковину упадут. – «Что она молола?» – Вика совсем смутилась. Ярослав растянул губы в улыбке:

– Я все понял. Кто же ещё примерял тебе кольца и делал комплименты?

Щеки Вики зарделись. Ну почему она с ним такая неуверенная?

– Никто, – она изо всех сил постаралась твердо посмотреть на «жениха».

– Никто, значит. Понятно.

Вид у него был недовольный. Они почти приехали: вот сейчас уйдут под стрелку на светофоре, пропустят у дома встречный поток, медленно проползут вдоль многоподъездного дома, припаркуются, бегом окажутся в квартире, и там уже она не будет нерешительной. Вика с нетерпением взялась за ручку, но Ярослав не повернул направо. Он резко перестроился в средний ряд и на перекрестке проехал прямо. Вика некоторое время смиряла любопытство, но, в конце концов, не выдержала:

– И куда же мы? – наклонила кокетливо голову. Ещё один сюрприз?

– В загс, – на лице Ярослава не отразилось ни веселье, ни радость – только озабоченность. Да что с ним?

– Так сразу? – Вика удивилась, и это наверняка опечталось на лице.

– Боишься? – он не удостоил её взглядом, смотря на дорогу.

– Нет, – протянула она вызывающе.

– В чем тогда дело? – правая бровь поднялась вверх.

У него был потешный вид и Вика рассмеялась. Если час назад она сомневалась в серьезности его намерений, а тремя часами ранее так и вообще думала порвать отношения, то теперь – окончательно расслабилась. Чем больше Ярослав нервничал, тем легче становилось ей. Она разомлела.

– Просто не ожидала.

– У тебя паспорт с собой?

– Да.

– Ты не передумала?

– Нет, – снова усмехнулась. С этим мужчиной за два месяца она смеялась больше, чем со всеми парнями за последние пять лет.

– Мы, и правда, в загс, – голос был холодным.

– Я тебе не верю, – играла она словами, потому что это заставляло его волноваться и выглядело забавно. Вика развернула весь корпус в его сторону и залюбовалась прекрасным профилем. Когда они останутся наедине, он проявит инициативу?

– Я не хочу, чтобы пока я работаю, кто-нибудь..., кто примерял на твои руки кольца, увел тебя. Сразу в загс, – голос Ярослава был категоричным.

– Хорошо, – беспечно пожала Вика плечами, – сейчас сразу женят или еще надо заявление подать?

– Можешь быть спокойна. Пока только заявление.

– Уф, – с наигранным облегчением выдохнула она, его кадык дернулся, и она поторопилась уверить: – Я спокойна. Просто любопытно, – и опять тихонечко рассмеялась.

В Ховринском загсе резко пахло духами, но в остальном было мило: светло, много зеркал и искусственных цветов. Женщина с аккуратными темными волосами спросила дату, на которую они хотели бы назначить свадьбу, дала им бланки заявлений. Вике было сложно поверить в реальность происходящего. Она смеялась, Ярослав оставался напряженным. Она чувствовала его нетерпение. «Давай скорее: напишем и поедem домой», – шептал он. Южное тепло наполняло её. Улыбка не сходила с лица. Она никак не могла сосредоточиться, чувствуя кожей его прикосновения, они заставляли её думать о наслаждении, которое он ей наверняка подарит. Мысли смешались, и она боялась, не торопятся ли они?

У Вики была только одна подружка, которая уже вышла замуж: Катя Крапова (теперь Муравьева). Вместе учились в художественной школе. Так вот: Вика помнила, сколько хлопот было со свадьбой. Молодые полгода носились как угорелые. Только и слышно было: “Не успеваем «то», не успеваем «се»”. Туфли Катка купила в самый последний момент, когда Володя ей сказал: «Босиком пойдешь!».

– Постой, мы не должны легкомысленно относиться к свадьбе, – поспешно вставила Вика, – надо выбрать красивую дату.

– Седьмое июня – прекрасное число, – подгонял он.

– Мы не успеем подготовиться, – волновалась она. Учтывая, что сегодня было двадцать девятое апреля – времени совсем не оставалось.

– Мы все сделаем по высшему разряду – поверь.

– Сомневаюсь, что платье успею сшить.

– Я дам тебе много денег: сошьют за одну ночь.

– Столько еще всего: босоножки, гости, приглашительные, торт, украшения, – голова у Вики шла кругом, – мы спешим писать заявление! – Вика пыталась придать голосу твердость, потому что внезапно отчетливо поняла, что они делают. Нет, её не пугало замужество: она уже любила его и мечтала прожить с ним всю жизнь. Но хорошая свадьба в пять недель не делалась! – Нам потребуется несколько месяцев, – пыталась переубедить она Ярослава.

– Нет, – глаза Выгорского метали молнии, – я все сделаю сам. Туфли, гости, торты, лимузин. Не позднее седьмого июня.

Блаженство, наверное, испарило её мозг. Он мечтал сделать её своей!

– Я не прошу, если всё не будет идеально, – она выкатила строгие глаза.

– Да, моя королева. Ставь подпись и бегом в машину, – он наклонился к самому её уху, – из машины бегом в кровать. Только потом я, может быть, если ты удовлетворишь меня, отвезу тебя в свадебное агентство, где позволю потратить все, что заработал за последний год, – Ярослав вытянул из её рук бумагу, подал работнице загса и уже громче добавил: – это будет идеально.

Вика в который раз глупо хихикнула. Женщина с аккуратной прической проверила бланки, кивнула. Они прыгнули в машину и помчались домой. Там, а алькове любви, сполна насладились друг другом.

Страсть, кипящая в её крови, была подобна лаве, вытекающей из жерла вулкана. Она перемещалась медленно, будто не торопилась, но сжигала всё на своем пути: ломала деревья, испепеляла траву, шипя, вливалась в океан неги. Теперь ничто не удерживало её, она могла следовать своим желаниям, предаваться опьянению той властью, которую он имел над ней. Она упивалась им, как весенняя трава упивается солнцем, ей было мало его гладкого тела, мало прикосновений жадных губ, мало шелка волос, мало ощущений опьяняющей силы груди под ладонями.

Неужели наконец-то она встретила человека, который не боялся ответственности? Который сам принимал решения и любил её? Человека, магнетизм которого был способен превратить её сердце в пластилин? Мамочки, как же она была счастлива!

В этот день время претерпело космические изменения: если вчера оно было растянуто в бесконечность, то сегодня сжалось в миллиметр. Накануне Вика поторапливала часы, умоляя стрелки двигаться быстрее, теперь же у неё не осталось ни секунды, чтобы даже оглянуться на хронометр. Со скоростью перемотанной пленки лопнули и раскрылись почки, выросли зеленые листья на березах и кленах. Трава покрыла все мало-мальски свободное место, цветы раскрасили клумбы, ветры приносили и уносили облака и дожди, опал липовый цвет.

Подготовка к свадьбе запомнилась Вике как сплошной клубок неотложных дел, нервов, спешки, вспышек обид, белого кружева, страсти и нежных чувств. Казалось, что клубок этот катится с высокой горы, оставляя за собой живую нить. Иногда он останавливал бег, и она видела невозмутимо-уверенного Ярослава, коротким движением кончика ручки решающего вселенские проблемы. Он спокойно брал её дрожащие пальцы и вытаскивал из суеты, напоминая о любви – самой главной причине суматохи этих дней. Они катались на велосипедах, гуляли, ели мороженное или ехали на шашлыки.

Только одно не давало Вике покоя. Нет-нет, да проскакивал вопрос: «Почему она? Почему Ярослав выбрал её?» Он ведь так и не сказал ей самого главного. Она требовала от себя отбросить сомнения и хвалила за правильный надёжный выбор, но перед тем как провалиться в глубокий сон на могучей груди, опуская ресницы, Вика беззвучно просила: «Скажи, что ты любишь меня, Ярослав. Скажи, что ты хотел бы жениться на мне, не будь я соседкой, не потому, что я возбуждаю тебя в постели, и не потому, что тебе настала пора взять кого-нибудь в жены, не потому, что ты хочешь, чтобы я стала матерью твоих детей. Мне так это нужно! Скажи, что ты просто любишь меня, и спаси меня от сомнений».

Глава 7. Андрей.

Я, как клавиши, трогаю чувства твои,

И я знаю,...

С. Я. Надсон

Ярослав должен был встретиться с Андреем: он вошел в ресторан и осмотрелся. Потер глаза и постарался стряхнуть оцепенение. Негромкая музыка перемешивалась с вечерними разговорами посетителей, дразнящими ароматами кухни, еле слышным стуком приборов и приглушенным светом.

За последние дни он устал как собака. Окрутить девчонку оказалось не таким простым делом. Он уже стал спрашивать себя: неужели растерял навыки героя-любownika: в последние годы женщины тянулись к нему, как металлические предметы к магниту. Завоевывать их не было необходимости. В отличие от Беловой.

Ярослав стиснул зубы. Даже этот чертов секс не дал стопроцентной уверенности. Да, он был её первым. И что? Его это, кажется, смутило гораздо больше, чем её. Кошечка даже накинулась на него, как это он посмел задавать вопросы. Но вообще-то хотелось бы знать. Конечно, догадывайся он о девственности, не стал бы делать это так спонтанно и внезапно. Всё-таки свечи были бы уместнее.

Память услужливо нарисовала податливое тело. Девичье, гибкое, без единого изъяна: гладкие руки, тугая грудь, умопомрачительно тонкая талия, стройные ноги, мягкий живот. Спина, шея, щиколотки – все возбуждало его. Прекрасная кожа: чуть смуглая, светящаяся, ровная, зовущая. Девушка была сладко-желанной, манящей, дарящий обещание за обещанием. Она оказалось безумно узкой, и вот уже пятую неделю он думал о сексе чаще, чем о еде.

Этот её запах. Свежий, весенний. На прошлой неделе он пригласил её в оперу. Вика, демонстрируя наряд: пурпурное платье с танцующей юбкой, покружилась, и Ярослава обдало чарующим ароматом. Он вдохнул глубже и наконец, задал вопрос, который давно интересовал его:

– Что – у тебя за духи? – поймал тонкое запястье, поднес руку к лицу, – приятно пахнет.

– Спасибо, – чёрные бездонные глаза светились, и губа облизнула подругу, – это не духи: я всё время забываю ими пользоваться. Куплю, а они стоят-стоят, пока не изменят аромат. Я уж и тратиться на них перестала. Может быть мыло? Или крем?

Он не поверил. Не пользуется духами? Мыло? Может ли этот нежно-свежий аромат быть её собственным? Вряд ли. Наверняка лгунья набивала себе цену. Только какой в этом смысл? Он и теперь не понимал, но знал, что едва уловимые нотки летнего луга появлялись вместе с ней. Запах исходил от кожи, волос, усиливался во время секса, и сводил с ума.

Похоже, Вика действовала на него сильнее, чем он на неё. Не зря он сомневался перед поездкой в Лондон, можно ли было оставлять ветреницу надолго? Спрашивал себя: «Не потушит ли разлука малюсенькую искорку любви в черных глазах»? С самого начала он знал, что переговоры с NIS займут не меньше десяти дней.

На протяжении всего этого времени звонил ей ежедневно. И что? Паршивка даже трубку не всегда брала! Приходилось прилагать титанические усилия, чтобы не рычать на неё. Он неизменно говорил мягко и вежливо, интересовался делами, не забывал улыбаться в телефон, хотя внутренности дрожали от возмущения: всё, что она говорила, то, как вздыхала, смеялась, казалось ложью и притворством. Всё, что он ненавидел в женщинах: заносчивость, чрезмерное увлечение модой, мечтательность, непредсказуемость, снисходительность к малознакомым людям – Ярослав видел в Вике. Даже легкость, с которой она воспринимала окружающий мир, вызвала негодование. Эта девчонка, только вчера променявшая пелёнки на учебу не знала цену настоящей жизни: ей не приходилось ни в чем отказывать себе, работать до седьмого пота, волноваться о куске хлеба. Что за ремесло она для себя выбрала? «Художник. От слова “худо”», – усмехнулся Ярослав.

Телефонные разговоры были вялыми, напряженными и утомительными. Но это были только цветочки. Вот когда она узнала, что он промолчал о брате – это была катастрофа! Вика вовсе перестала ему отвечать, уж не говоря о том, чтобы самой набрать или написать. А он так красиво придумал, что скрывал не Димку, а её от Димки.

Тот тоже хорош! Взбесил! Предупреждал же, чтоб не совался в Ховрино! Нет же, ему срочно понадобились ключи от дома на водохранилище. Экстренное дело у него! Знал он эти экстренные дела! Очередная пустоголовая девица! Подавай ему ключи и всё!

Брат был избалован женщинами, понимал, что нравился им без особых со своей стороны усилий и пользовался этим. Держал себя с красавицами и дурнушками одинаково обходительно и лениво, отдаляясь и приближаясь в нужный ему одному момент. Было забавно наблюдать за небрежностью и вкрадчивостью его флирта. Обычно Ярослав спокойно относился к подружкам и приключениям младшего: когда как не в молодости вкушать плоды, смело падающие в открытые ладони?

Но в этот раз Ярослав не хотел понимать причин его появления в Ховрино, уж тем более не мог простить безалаберности. Орал, не сдерживаясь: Димка же прекрасно был осведомлен, как важна для него афера с Беловой, как Ярослав не хотел вмешивать сюда членов семьи, как продумал детали романа. Места в нем брату не было. В середине длинной тирады, брызг слюной и неумолимых доводов, стоило Ярославу перевести дыхание, младший бросил «Я все понял» и нажал отбой. Лучше бы делом занялся!

Как бы там ни было, Вика ещё больше отдалилась, а он готов был бросить переговоры и мчаться в Москву: возмущение, которое он тогда испытывал, все-равно не давало возможности эффективно работать. На заднем плане сознания, словно надоедливая муха, кружил вопрос «Что делать с Беловой?» Он перебирал и перебирал варианты развития событий, прикидывал, как будет проще и быстрее, просчитывал и взвешивал. Пути было два. Первый: не торопясь вернуться и начать всё заново. Второй: вернуться немедленно, и удвоить усилия. Оба – отвратительные: долгие и нудные.

Вот тогда-то он и решил сделать предложение. Разве не гениально? Конечно, по сегодняшней жизни, многие пары предпочитали гражданские браки. Но девчонки-то, как и сто лет назад, мечтали о свадьбах! Он не видел ни одной, которая с детства не тешила бы себя мыслью о белом платье и фате. Конечно, с Беловой ни в чем нельзя было быть уверенным, но что-то подсказывало ему, что и она падка на свадебные шоу.

Что же касается штампа в паспорте и такого «серьезного» шага, как женитьба – это не пугало его. Чтобы расквитаться с Беловыми, он бы и не такое пошел. Заключение фиктивного брака – совсем маленькое зло. Когда он получит назад квартиру, их женитьба превратится всего-навсего в досадное воспоминание.

Наконец-то он смог расслабиться: перестал надоедать ей звонками, смс и тому подобной чушью. Урегулирование прошло превосходно. Он купил кольцо под стать глазам будущей невесты, попросил её встретить в аэропорту (подстраховав себя водителем), даже соригинальничал, спрятав кольцо в розу. Каково же было его удивление, когда Белова не запрыгала от радости. Даже не удивление, а злость! Более того, бешенство: она даже улыбки не выдавила! Руки так и чесались сломать упрямыце шею. Он сделал предложение, но черт подери, где благодарность? В тот миг перед глазами пронеслись все знакомые и незнакомые женщины, от брака с которыми ему удалось увернуться за последние три года.

Её сомнения вызывали остервенение! Когда она, наконец, выдавила из себя «да», он почувствовал, что ничем не отличался от сотен мужиков, замирающих в ожидании согласия. С каким наслаждением он разведется с ней!

Пришлось пойти ва-банк и в тот же день отвезти ее в загс: он не видел смысла задерживаться со свадьбой. Желание владеть девушкой, подобно пещерному человеку, подчинить себе – поглотило целиком. Да, девчонка непроста, изворотлива, но и он – парень не промах. Он тот, кто катит мир в нужном ему направлении. Она никуда не денется от господства супруга. Точка.

Ярослав кивнул владельцу кабака, и, наконец, увидел Андрея, вольготно расположившегося за столиком. Зуев прихлебывал из бокала, отдавая короткие распоряжения в трубку. Ярослав сел и успел пробежать по меню, пока друг заканчивал чеканить слова. Они сделали заказ, и, пока ждали, обсудили скользкие моменты предстоящих операций, сделку с собственностью банка, входящего в финансовую группу. Потом поужинали и переключились на менее срочные вопросы, обсудили ситуацию в Украине, реакцию правительства и возможные последствия для бизнеса. Андрей настаивал, что производство в Донецкой области пора выводить из региона. Наконец, Ярослав достал копию паспорта «нареченной» и с усмешкой протянул Андрею:

– Можешь поздравить меня, я женюсь.

Тот поднял удивленный взгляд, взял бумагу, несколько секунд смотрел на черно-белый листок.

– Ты это серьезно?

– Как никогда, – Ярослав откинулся на спинку кресла.

– Поздравляю, – радости в голосе друга не было, Андрей посмотрел исподлобья, – ты уверен, что обязательно делать это?

– Абсолютно, – Ярослав улыбнулся.

– Думаю, ты мог бы обойтись без регистрации брака.

– Я мог бы обойтись и вообще без этой девчонки, чтобы заполучить свою квартиру назад, – медленно произнес Ярослав: он сам слышал рычащие нотки в голосе, – я хочу законный брак.

– Да, ладно. Не зверей, – Андрей был не из пугливых. – Я тебе добра желаю. Зачем жениться? Она ведь наверняка уже стелется под тебя? – он насмешливо уставился на Ярослава.

Наступило молчание, пока Андрей с упором не повторил: – Стелется?

– Не особо, – Ярослав мотнул головой.

– Ну, так потерпи немного. Кому, как не тебе, очаровать девушку? – Андрей с восхищено-насмешливо показал на его фигуру. – Почему обязательно расписываться? Недостаточно интрижки? Думаешь, не сможешь окрутить её без штампа?

Ярослав не ответил сразу. Он почувствовал, как мышцы неудержимо наполняются готовностью действовать.

– Оформи доверенность. Генеральную. От неё на себя. На управление имуществом, в том числе всеми квартирами. На всякий случай подготовь брачный договор. Пропиши, что в случае развода по любым основаниям, я остаюсь собственником всего.

Андрей скептически покачал головой.

– Мы ведь это уже обсуждали. Очень велика вероятность признания такого договора ничтожным. Вернее, вероятность признания правомерным стремиться к нулю, – с упором закончил он.

– Знаю. Все-таки пришли мне оба документа. Хочу быть подстрахованным на все сто. Готовь контракт на куплю-продажу. Госрегистрация займет не меньше трёх дней. Мне придется всё время терпеть её.

– Я про это и говорю. Зачем тебе свадьба? – Андрей подался вперед.

Как Ярослав ни старался сохранить спокойствие, внутри всё горело, и по лицу пробежала судорога. Ему не хватало воздуха, как это бывало в минуты душевных потрясений. Как может Андрей не понимать?

– Зачем? – крадчиво спросил он, и его остекленевшие глаза замерли на поверхности стола, – ты забыл, как действовал Белов? Забыл, как Мирослава рыдала у тебя в гараже? Помнишь? Когда эти ублюдки чуть не надругались над ней? – он с силой вдохнул. – Как тебе приходилось таскаться провожать ее на другой конец города? Как она тряслась от каждого взгляда? А помнишь, как Димке выбили зубы палкой? Как разбили окна в машине? Помнишь? Как мы каждый раз спрашивали друг друга, до каких пор это будет продолжаться, и чего еще ожидать? – он постарался не сжимать кулаки, ровно дышать, – зачем? Затем, что много ли ты знаешь женщин, которые помнят парней, с которым встречались до замужества? Всех ли они помнят? Одного, двух. Но я не знаю ни одной, которая забыла бы мужа. Развод – это всегда больно. Даже, если благоверный не делает ничего. Развод – это рана! И клеймо. И штамп в паспорте, – напряженный, он привстал, – и я хочу оставить на ней это клеймо. Пусть она не будет помнить про свою квартиру. Тем более про мою. Выйдет потом за какого-нибудь папика. Она всегда будет помнить, кто её первый муж. Понимаешь? Она всегда будет знать, почему я им был, – закончил он резко и откинулся на спинку.

Подошел официант. Ярослав выровнял дыхание: – Просто подготовь документы, – повторил он негромко и добавил стариковским голосом: – Я просто её ненавижу. Ничего с собой поделать не могу. Я ненавижу её! – он сжал губы в тонкую стальную полоску, мечтая ударить кулаком по столу, но сдержался. – Я ненавижу её.

Это был один из тех редких случаев, когда Андрей видел Ярослава без маски: жесткое лицо дышало неподдельной злостью и болью.

– Хорошо, – Андрей вздохнул.

Они не в первый раз говорили об этом. Если Андрей и не был ярым сторонником действий Ярослава, то и противником не был. Являясь свидетелем, и в некоторой мере участником событий, он разделял чувства Выгорского. Изучив в свое время судебный процесс, понимал, что у Ярослава не было другого выхода. Он тоже помнил страшный стук собственного сердца, когда Мирослава прибежала к нему в разодранном платье. В те дни закалялась его смелость, чувство справедливости и отвращение к людям, имеющим власть и использующим её в личных целях. Однако Андрей не считал Викторию Белову виновницей пережитого ими ужаса, тем более не думал, что она заслуживает жестокого или варварского наказания. Да, восстановление справедливости – дело хорошее. Но за чей счет?

– Ты же знаешь, я ради нее даже регулярным рейсом воспользовался, – заметил Ярослав насмешливо.

– И когда счастливое событие? – сдался Андрей.

– Седьмого июня.

– Ого. Вижу, вам не терпится? – скабрзность, кажется, так и рвалась с языка.

– Не шути, – губы Ярослава стали белыми как снег, – да, мне не терпится! – Внезапно он по-мальчишески улыбнулся, – кстати, требуется свидетель – это ты.

– Ну, нет! – Андрей поднял левую ладонь с протестом.

– Только попробуй прокатить меня – уволю.

Андрей фыркнул и посмотрел исподлобья:

– Это будет стоить очень дорого.

– Как обычно: работа в выходной день – двойная оплата.

– Но здесь не просто работа. Я, наверное, должен буду много улыбаться, веселить дам, красиво одеться, ... что еще?

– Самое главное – не сболтни лишнего. Со стороны жениха будете только ты и Димка. Больше у меня ни родственников, ни друзей, ни коллег нет. Понял?

– Слушаюсь шеф, – Андрей отрапортовал, – ты познакомил её с Диманом?

– Нет! – Ярослав почти заорал, – но ты же знаешь этого любопытного стоматолога. Он сам наткнулся на неё, когда я был в Лондоне. Чуть мне все не испортил. Я ему вырву руки и ноги, как только он потеряет бдительность и попадет на глаза. В некотором смысле из-за него я вынужден был сделать предложение.

– Интересно.

– Что тут интересного? Конечно, она закатила скандал, когда узнала, что у меня есть брат, о котором я молчу. Звонить перестала. Я ведь сказал только про мачеху, наплел, что не общаюсь с ней. О Мирославе она не знает. Да больше ни ком! Только про Димку. – Ярослав сбавил тон. – Он обещал быть как мышь.

– Даже любопытно на это посмотреть.

– У тебя билеты в первом ряду.

Они разъехались затемно, когда силуэты деревьев, домов, троллейбусных проводов уже чернели на фоне последних зарниц неба. Осталась только одна серо-голубая полоска, которую Ярослав наблюдал в просветы городских строений, подходя к машине. Невзначай налетавший ветер шевелил молодые листья в сквере напротив, и они перешептывались сначала тихо, а потом все громче и громче, пока не утихали до нового порыва. С наслаждением Ярослав подумал о крепком сне, свежей постели и угодливой девушке, ожидающей его этой майской ночью.

Увы. Вика была не в настроении.

Точнее она была мегерой. Как же он ненавидел её! Каждое его слово наткалось на сарказм. Он все делал не так: ходил, говорил, трогал. Кажется, даже дышал неправильно. Необъяснимая досада пенилась в ней, выливаясь на Ярослава колкими словами и гневными взглядами. Поджатые весь вечер губы иногда кривились в отвратительной ядовитой усмешке. Ярослава это бесило. Но что он мог противопоставить? Спокойно терпел её беспричинную нарастающую раздражительность. Иногда разбавлял её шутками. После очередной принцесса выбежала из дома, хлопнув дверью.

На этом его терпение закончилось. Он понесся за ней, перепрыгивая через две ступеньки, наплевав на соседей, слышащих спор. Если сейчас он не сломит сучку, то каким образом будет добиваться возвращения семейного гнезда? Пытками?

Он догнал её в тот момент, когда она почти захлопнула дверь своей квартиры. Перехватил замок и прорычал: «Тыпустишь меня или тебе несдобровать!» Вика подчинилась, но постаралась ускользнуть в глубину комнат. Не тут-то было! Ярослав, словно зверь, одним прыжком очутился возле неё и крепко обхватил за талию. Она бешено боролась, пытаясь уку-

сильно его, лягнуть, дать выход своей непонятной ярости. Билась и извивалась в его железных руках. Он держал надежно, даже грубо. Лицо Вики покраснело. Ярослав приподнял её и прижал к груди. Запер дверь и прислонил злючку к стене.

Он чувствовал негодование даже внутри позвоночника.

– Какого черта ты бегаешь? – заорал он.

– Оставь меня в покое! – взвилась она, начиная дрожать всем телом.

– Да что с тобой? – Ярослав не собирался сдерживать голос.

– Оставь меня в покое!

– Нет! – выплюнул он. – Успокойся!

Тяжело дыша, они смотрели друг на друга несколько минут. Её ноздри трепетали, и ему вдруг нестерпимо захотелось взять её прямо здесь, на полу. Вот черт! Она его с ума сведет!

– Мне больно, – Вика снова попыталась вырваться, но он еще плотнее прижался к ней. Что ему делать?

Попытался поцеловать, но она стала вырываться как сумасшедшая.

– Отпусти меня! – она извивалась, но только распалила его еще больше, – пусти!

Все его тело превратилось в огонь. Он плохо соображал. Он чувствовал, как слабые Викины руки упирались ему в плечи, отталкивали его, но он только крепче стискивал её, не в силах отпустить, оторваться от неё. И хотя мысли её блуждали где-то далеко, тело было совсем рядом с его губами, и Ярослав не мог отказаться от её влекущей красоты. Пусть она отворачивалась и сжималась от поцелуев, пусть её отказ раздражал его, он в то же время разжигал в нем еще более страстное желание.

– Вика! Вика! – он должен подумать за них обоих. – Тихо! Стой! Я не сделаю тебе ничего плохого. Прошу тебя! Перестань! Что происходит? – он ослабил хватку. – Не убегай. Прошу. Давай поговорим. Что случилось? – Почему он должен успокаивать ее, когда мог просто завалить здесь?

– Ничего, – она не смотрела ему в глаза, но дергаться перестала.

– Ничего? Ты уверена? – «Она что, издевалась?»

– Да.

– Тогда почему ты бегаешь от меня?

– Не твоё дело. – Наконец-то хотя бы обиженные нотки в голосе, а не сумасбродная злость.

– Очень даже мое. Я что-то сделал не так? – «Эти сопли сведут его с ума!»

– Да. – «Ого!»

– Что? – он заискивающе глянул в глаза.

– Ничего, – она не поднимала ресниц. Хорошо хоть перестала рыпаться!

– Я должен сам догадаться? – Он был само смирение.

– Да, – голос ребенка.

– Нечаянно обидел твою подружку?

– Нет.

– Съел твой йогурт?

– Нет.

– Забыл поцеловать утром?

– Нет, – наконец-то подняла взор.

– Ты передумала выходить за меня замуж? – затаил дыхание.

– Нет. – Облегчение.

– Малыш, ты не хочешь помочь мне?

– Нет.

– Пожалуйста! Давай я буду предполагать, а ты говорить тепло или холодно.

Она посмотрела печально исподлобья:

– Ты ведь хочешь, чтобы я стала твоей женой?

– Да, – уверенно и даже страстно ответил он, и черт его дернул спросить: – ты хочешь ребенка?

Ее глаза расширились, он прочитал в них удивление и... предчувствие? Она сглотнула:

– Это да. Но расстроилась я не поэтому. – Вот черт! Не надо было говорить про детей! Ярослав мысленно ударил себя по лбу! Кто за язык тянул?

– Почему же? – вопросительно склонился к ней, как к несмышленишке.

– Почему ты хочешь, чтобы я была твоей женой?

– Почему? – Ярослав растерялся, сердце замерло, и тут же забилося чаще: что она узнала?

Кто мог проговориться? Димка? Он осознавал, что тень неизвестного накрывает его, подобно стремительно опускающимся сумеркам. Дальнейший ход событий зависел от того, что произошло и того, что он, Ярослав, сейчас скажет. Дом был тих, по углам затаилась темнота. Только из открытой двери комнаты проникал рассеянный уличный свет. Он отражался в зеркале прихожей и растекался в никуда.

– Да, почему? – настойчиво спрашивала Вика.

– Ну, – он лихорадочно соображал. Почему обычно люди женятся? – Потому что... люблю тебя..?

На бликах её лица отразилось облегчение, смешанное с обидой:

– Так почему же никогда не говоришь мне этого?

Действительно, как это он забыл? Вот идиот! Ярослав смутился, попав в плен оцепенения и какого-то глупого ступора. Все, что он мог, это только возмущенно произнести:

– Я говорил!

Она посмотрела взглядом Мери Поппинс.

– Поверь, я бы не пропустила!

Так вот в чем дело. Мы злимся на отсутствие признания в любви? Он почувствовал облегчение.

– Я люблю тебя, – не моргнув глазом, солгал он. Поцеловал. – Я люблю тебя. – Повторил поцелуй снова. Сжал в объятиях. – Господи, Вика, ты такая красивая, я схожу от тебя с ума. Я таких девушек не встречал, ты безумно вкусная и сладкая, – провел кончиками пальцев по голой коже бедра, – я думаю о тебе постоянно. Мы так мало времени знакомы, но ты словно частичка меня, моя рука, мое сердце, – погладил шею, заправил волосы за ухо, поцеловал. Долго. Мучительно для самого себя. – Я не понимаю, почему ты выбрала меня – разве я достоин? Твоей нежности? Любви? Мне так хорошо с тобой. Я каждый день боюсь, что ты передумаешь выходить за меня. Боюсь, что кто-то другой, молодой, успешный, завладеет твоим сердцем, твоими мыслями. Я люблю тебя. – Почувствовал её руки на своем животе. Поймал ртом воздух. Потянул её на пол и положил на себя. Не торопясь, поцеловал бесконечно медленно, пока желание не превратилось в адскую гиену. Тело налилось кровью, отдаваясь эхом нетерпения. Задрал её футболку, почувствовал под пальцами прохладную кожу, провел по талии, ощущая её непроизвольное сжатие, погладил гладкую, прекрасную спину и жемчужины позвоночника. Поднял вверх лифчик и втянул сосок в рот.

Вика перестала дышать, а потом грудной стон вырвался из её горла. Он чувствовал, как её кожа начинает гореть, вспыхивая под его пальцами. Она наклонилась над ним свои губы, похожие на губы древней африканской богини, и глаза, громадные и бездонные, как космос. Он ощущал легкость её тела на себе, мягкое прикосновение пальцев к плечам и испытывал восхитительную властность, когда прижал её к своей груди. Он не мог противостоять прикосновению её жаждущего тела, похожего на неисследованный материк, открывающийся за морским горизонтом. Слабая и зовущая, она обвила руки вокруг его шеи, это вернуло его от сна к реальности. У него не было презервативов. Вот черт! Не здесь. Надо успокоиться.

Ярослав прекратил ласки и попытался отстраниться. Вика не хотела: касалась губами плеч, скользила мягкими подушечками пальцев по груди, тянулась к губам.

– Вик, – позвал Ярослав тихонечко, – Вик.

– Прошу тебя, не уходи, – застонала она, прижимаясь плотнее и не думая останавливаться. Где это видано, чтобы он отказывал женщине?

– Послушай, я очень хочу тебя, пойдем в кровать. Не хочу сделать тебе больно, вдавливая в пол.

– Я буду сверху, – она целовала его шею.

– Нет.

– Нет? – в голосе появилось веселье, а в движениях большая настойчивость.

– Ты еще..., – он поискал слово, – недостаточно взрослая.

Вика замерла. В полутьме он разглядел, как в её глазах сверкнули бесовские звёзды.

– Недостаточно взрослая?

– Угу.

Она поднялась – на лице отражалось возмущение, смешанное с блаженством.

– Хорошо, я это запомню, – сказала она, одергивая одежду.

Ярослав мельком увидел полную грудь. Чёрт его дернул положить резинки в тумбочку? И почему он вынужден быть столь щепетильным?

Глава 8. Подготовка.

Я брошу солнцу, нагло ослабившись:

«На глади асфальта мне хорошо грассировать!»

В.В. Маяковский

Ярослав был поражен, насколько три слова смогли изменить девушку. Больше не было ужимок, холодности, противоречивых всплесков. Теперь Вика была пронизана счастьем, как мартовское небо пронизано солнцем. Нежность, радостную предсвадебную лихорадочность он видел в поворотах головы, движениях рук, цыганской походке, ласках. И всего-то из-за признания в любви? Женщины и вправду являлись дикарками – придавали огромное значение льстивым фразам, и даже не задумывались об их подоплеке.

Как бы там ни было, стало гораздо легче. «Признайся ты раньше, может быть и до свадьбы дело не дошло?» – иронизировал над собой Ярослав, и тут же отбрасывал неуместную мысль. И без того было над чем подумать. Он стремился приблизиться к задуманному, продираясь сквозь повседневную суету, как первопроходцы Австралии сквозь мангровые леса. Он весь превратился в осторожного охотника, цель которого – получить доверенность. Чёртовы приготовления к свадьбе отнимали так много времени, что основное его намерение постоянно норовило отодвинуться на задний план.

Единственным источником удовольствия в эти дни был секс. В этой области невеста его полностью «устраивала». Было приятно, даже азартно будить её чувственность. Вика не стеснялась своей женской сути: любила его страстно, заводила по телефону, смеялась во время ночных утех, получала наслаждение и не скрывала его, распахивая себя навстречу жадным ласкам. Задыхалась в экстазах и делила их с ним.

Иногда она вела себя как одержимая: задирала юбку по его требованию прямо в коридоре, пока подружки собирались в гостиной, или ночью не давала ему спать до рассвета. На следующее утро они делали это на кухне. В другой раз Вика заманивала его в свою квартиру, и он брал её на стареньком кресле посреди мольбертов и этюдов. Однажды ночью ему пришлось закрыть окно, потому что она поднимала слишком много шума. С каждым разом её чувственность нравилась ему всё больше. Даже когда она не хотела его – была озабочена подготовкой, ушла в учёбу, да мало ли что еще? – он заводился. Её сдержанность в такие секунды

и скрытая под кожей страсть действовали на него сильнее, чем откровенное поведение иных женщин. Вспышки раздражительности придавали особую остроту любви, давали ему почувствовать себя завоевателем и обещали, что занявшийся огонь спалит дотла.

Ночью, когда его собственная похоть переливалась через край, он прижимался к её лбу своим и прерывисто вздыхал, пытаясь взять себя в руки. Опасался он не за себя. «Мы с ума сошли», – шептал он. «Угу, – чертовка брала в рот его палец и сосала, не отрывая от него глаз, – если не сумеешь выдержать темп, я пойму», – дразнила она, Ярослав хищно рычал и входил в неё. О, как он любил эти медленные губы, смыкающиеся вокруг него! Её желание, казалось, «раскаляло» не только его половые органы, но и мозг.

Следующим вечером они отклоняли идею ужина в городе и опять занимались любовью. Ярослав обратил внимание, что если день проходил без сексуальных утех, разгорались ссоры из-за пустяков, тем более что он сам был постоянно на взводе. Думал и думал о необходимости стянуть генеральную доверенность, день и ночь строил планы, создавал и отвергал, ждал подходящего момента.

Андрей передал документы, но дело почти не двигалось: Вика даже не открыла, что имела в собственности. Казалось, забыла, а может и вообще не хотела ему говорить. «Официально» Ярослав знал о дедовой квартире в Петровском переулке и о той, в которой Вика жила. Была ещё его квартира, плюс одна на Соколе. Не мог же он сам спросить ее!? «Милая, как насчет награбленного?»

От молчания всё внутри кипело! Окружающий мир мерк, и день становился похожим на старые свернувшиеся фотографии, лежащие в скрипучем ящике стола. Ярослав не видел ничего: только серую пыль, снежными хлопьями оседающую на его жизнь. Эта девчонка была хуже змеи! Он её использовал или она его? Неужели она выйдет замуж, оставив его в неведении? Вероятно, она не собиралась доверять ему?

«Успокойся! – твердил он себе, – расслабься! Затаись, подожди: сейчас не время бежать впереди паровоза. Надо чаще бывать наедине с невестой, признаваться в любви (о, волшебное средство!), приглашать на романтические ужины». У него был целый арсенал задумок, нежных слов, таинственных приношений, только собственный разум чинил препятствия в виде невероятного напряжения. Стоило Ярославу на секунду перестать строить из себя Ромео, он превращался в деревянного Буратино.

Ближе к концу мая он велел Андрею пригласить их вместе с Викиной подружкой на дачу на небольшой пикник. Белову волоком пришлось тянуть из дома. Она вопила, что её курсовая не готова, торт не заказан, а платье не будет готово и к серебряной свадьбе. Ярослав молча выслушал истерику, проклиная всё на свете, и повторил назначенное приглашение.

Хмурым субботним днем, готовым разразиться мелким холодным дождем, Зуев заехал за ними, они забрали Ольгу и двинулись в путь. И, несмотря на опасения Ярослава, отлично провели время. Вика не дулась и не вредничала, не разразилась гроза, Ольга не вешалась на Андрея. Они ели жареное мясо, валялись на гамаках, а потом долго катались по извилистым тропинкам соснового бора.

Оглядываясь на Вику, неторопливо крутящую педали, Ярослав задумался. Теперь, когда так много связывало их, малютка Белова не казалась безмозглой дурой. Да, она бесила его, но он не был бы успешным человеком, если бы позволял чувству неприязни брать верх над фактами. Воспринимая Вику как достойного противника, Ярослав всматривался внимательнее. Девушка имела поверхностный взгляд на вещи физического мира. Политика была ей далека, экономика – неинтересна: казалось, эти ипостаси существовали вне её понимания. Порой суждения невесты о создавшейся в мире ситуации, о противостоянии на Украине вызывали у Ярослава снисходительную улыбку, подобную той, которую получают маленькие девочки в ответ на фразу: «Когда я вырасту, выйду замуж за папу». Она не понимала и не старалась понять.

Однако материи, касающиеся чувств, взаимоотношений, людей, её явно волновали. Вика тонко воспринимала настроение окружающих, меняла тему разговора, если видела, что собеседник смущен или грустен. Не спорила, если подозревала, что оппонент не разделяет её точку зрения. Переживала, если окружающие люди в ссоре или недружелюбны по отношению друг к другу. Несмотря на то, что сама являлась невестой и должна была требовать максимум внимания, часто действовала в угоду чужих интересов, и Ярослав со стороны это хорошо видел. Вика могла с утра пораньше поехать к подруге, случайно узнав, что у той ссора с бой-френдом, или внезапно пригласить на танец его делового партнера, бросив на ходу «его что-то беспокоит», а по возвращении объяснить, что всё дело в шенке, оставленном в одиночестве. И так постоянно. Женская проницательность настораживала: не потому ли девчонка вела себя пугливо, что чувствовала подвох?

Они колесили по усыпанным хвоей тропам, а Ярослав вспоминал, как они с Викой катались на велосипедах в городе, показывая друг другу любимые уголки района. Он открыл ей парк у Водного, пляж и тихие московские дворы. Она ему – граффити, нарисованные её друзьями-художниками. Вообще, изобразительное искусство Вика очень любила. Оно было её родной стихией. Стезёй, за выбор которой, Ярослав, против воли, уважал её. Так или иначе, она видела окружающий мир через призму художественного. Смотря в ночь, могла сказать: «Как у Куинджи», убирая прядь с его лба шептала: «Ты напоминаешь мне полотна Корина и Дейнеки одновременно». Он не всегда разумел, что это значит, но не мог оторвать взгляда, когда она писала свои контрольные работы. Если это была графика, рука Вики скользила по бумаге, являя свету невыразимую красоту линий, полутонов, теней и света. Ему, человеку, который рисовал только танчики на партах, это было сродни чуду.

Если работа была из области живописи, кисть оставляла на холсте настоящее буйство красок, дыхание вечности. Мазок ложился к мазку, закрывая бесцветно-коричневое основание и собираясь в удивительное творение, превосходившее по выразительности оригинал. Вика проводила за этим занятием часы, не оставляя себе времени на сон. Ярослав порой не понимал, как она может быть недовольна результатом, если изображение столь совершенно.

– Это не фотография, – сердилась невеста, – я пишу не натюрморт, я пишу свое отношение к нему. Понимаешь?

Нет, он не понимал. Просто следил, как она снимала краску и начинала заново. Наблюдал за процессом – тонкими запястьями, пальцами, деловито скользящими у холста, наклоном головы, поворотом изящной шеи, губами, шепчущими что-то непонятное, босыми ногами. Вика уходила в свой мир безоглядно, без сомнений, с интересом, жадной страстью и любовью.

В зарождающихся сумерках, пока девчонки болтали, закутавшись в пледы, Андрей взялся мыть машину, а Ярослав принялся за последнюю партию пашлыка, ловя Викины безмятежные взгляды и вслушиваясь в негромкий разговор. Ольга позвала приبلудную кошку, посадила её на колени и стала гладить. Садовый столик располагался слишком близко к лежанке, пушистая гостья скоро смекнула: «Чем быть обласканной, лучше подружиться с мужчиной, имеющим доступ к еде». Она покинула девичью компанию и принялась тереться у его ног. Ярослав старался не обращать на неё внимания: бродяг он не терпел. Минут десять ему удалось оставаться непреклонным.

– Ну, дай ей кусочек! – взмолилась Ольга, когда поняла, что он не собирался кормить полосатое создание.

Ярослав молча бросил под ноги комок жира, и попрошайка, обжигаясь, принялась за него. Ольга сверкнула голубыми глазами и глянула на руки.

– Она грязная, жуть, посмотри, – пожаловалась она, протягивая ладони Вике.

– Вон иди к Андрею, – предложила Вика, – скажи ему: «Помой меня!»

Ольга поднялась.

– Андрей, – позвала она, – Вика просит помыть ее.

Андрей высунул взъерошенную голову из-за капота: – Что? – непонимающе спросил он, но ему никто не ответил. Вика улыбнулась, Ярослав рассмеялся. Ольга что-то пробурчала, но дальнейшего разговора Ярослав уже не разобрал.

Потом он наблюдал за их перепалками, шушуканьем подружек, полосатой непрошенной гостьей, моющей лапы с видом королевы и поймал себя на мысли, что становится похожим на счастливого жениха.

Назавтра они выбрались на примерку свадебного платья. Она, кажется, должна была быть последней, и он вынужден был отвезти Викау самолично. Не успели они тронуться, раздался звонок. Вика ответила и почти десять минут слушала собеседника, хмурясь и изредка вставляя «угу» и «надо же», а едва положив трубку, завопила: «Как я это ненавижу!»

– Что? – не понял Ярослав.

– Все эти проблемы, квартиросъемщиков, сантехнику, которая ломается каждые пять дней, – лицо её перекошилось от гнева.

– Милая, успокойся!

– Не успокаивай меня! – огрызнулась она, тяжело дышала, и он вдоволь налюбовался полной грудью, неровно поднимающейся в вырезе рубашки. Что бы там ни произошло, его это мало беспокоило: гораздо меньше, чем её прелести.

– Что случилось?

– Парни, которые квартиру снимают, устроили драку в подъезде, звонила соседка, ругалась, требовала выселить их. Какое ей дело?! Ну, повздорили мужики, помахали кулаками. Сиди у себя – не высовывайся! Нет же! Все ей надо знать! Зачем она мне звонит? Я что – приеду разбираться? На всю голову больная? Да пусть хоть поубивают друг друга! Только платили бы вовремя. Ненавижу!

– Откуда у соседки твой телефон?

Вика посмотрела зло:

– Сама дала.

– Понятно. Надеюсь, она будет сообщать в случае проблем? – улыбнулся Ярослав.

– Что-то не пойму, на чьей ты стороне?

– На стороне чистого разума, – Ярослав сохранял внешнюю невозмутимость, хотя в душе ликовал: проблемы с квартирантами Вики – шаг на пути достижения его цели. Так и хотелось сказать: «Позволь мне решить все», но он сдержал этот порыв. Если он сейчас возьмет заботы на себя – Вика никогда не созреет переложить их на Зуева. А по генеральному плану это должен быть именно Андрей: если доверенность оформить на Ярослава – он не сможет заключить какой бы то ни было договор в свою пользу.

Вика молчала, надув губы.

– Не обижайся, милая. Я на твоей стороне, – погладил ее руку, – хочешь, съезжу в Петровский, поговорю с ними строго?

– Нет, – Вика надула губы.

– Отвезти тебя?

– Нет. Я вообще туда не поеду! Только разборки мне сейчас не хватало. У нас свадьба на носу, – выражение лица сменилось на воинственно-решительное, – я счастливая невеста. У меня примерка платья! И вообще, что она мне звонит? Пусть за своим сыночком следит!

Ярослав сбавил скорость: если он не проявит галантность, это будет подозрительно.

– То, как ты говоришь «счастливая невеста» настораживает меня. Думаю, я должен решить проблему с твоими жильцами.

Он прикинул, где развернуться, и притормозил. Если они приедут к швее на час позже – ничего не случится. Вика положила ладонь на его локоть: – Ты самый лучший! – она смотрела повлажневшими глазами. «О, нет! – беззвучно взмолился Ярослав, – только не слезливые признания!»

– Откуда ты знаешь? – с хитрецей уточнил он, торопясь сменить эмоциональную плоскость, – проводила сравнение? – постарался спросить весело, но получилось с издевкой. Вика, кажется, не заметила.

– Да, – в тон его веселью ответила она, – независимое статистическое исследование по выборочной совокупности из сорока семи человек мужского пола в возрасте от десяти до пятидесяти трех лет в четырех странах мира.

– Ого! – «Он что, должен быть польщен?»

Ярослав свернул в Козихинский переулок, рассчитывая проехать через Ордынку. Вика остановила его.

– Это не в дедушкиной квартире, не в центре, – сказала она.

– А где?

– На Соколе.

– Есть еще квартира на Соколе? – Ярослав мастерски изобразил удивление.

– Угу.

– Вот это да! – он сотворил испуганное лицо, – уж не богаче ли ты меня?

– Может быть, – кокетливо склонила она голову.

– Ты не просто мисс Скрудж, ты – настоящая британская королева, – попытался пошутить Ярослав, – куда ехать?

– Давай на примерку, не хочу я с жильцами разбираться. Да и тебе не позволю. Все там будет нормально. Ну, понервничает Ирина Федоровна пару дней, а потом успокоится, – про бурчала Вика и добавила веселее: – а до королевы мне далеко.

– Не знаю, – Ярослав снова повернул: теперь налево, – она, говорят, экономит. Ты нет.

– Я экономлю, – голос был возмущенным.

Он усмехнулся:

– Интересно, на чем?

Вика надолго задумалась. Видимо, перебирала в уме вещи, которые не могла себе позволить.

– Ну, я не покупаю драгоценности, – наконец выдавила она.

– Отлично, – Ярослав тихонечко рассмеялся, – тебе не так уж много времени потребовалось, чтобы вспомнить. И что ты делаешь со всеми этими квартирами? – спросил он поспешно, пока разговор не уплыл в другом направлении, и Вика не обиделась снова.

– Сдаю в аренду.

– Все?

– Да.

– И сколько их у тебя?

– Кроме той, в которой живу, – три.

– На Соколе, в Петровском переулке, еще где?

– В центре, на Кудринской площади.

Ярослав придал лицу всю беспечность, на которую только был способен.

– В высотке, – уточнила Вика.

– Ого! И каков же твой доход?

– Общий? – спросила она и, когда Ярослав кивнул, подняла глаза к потолку. – Ну..., на «Соколе» ребята платят сорок, – стала перечислять девушка, – в Петровском переулке холостяк живет, он платит восемьдесят четыре, на Кудринской – семья, двести.

В их доме живет чужая семья. Ярослав уставился в маленькую точку на стекле. Он всегда это знал. Он мог бы давно выяснить, кто они такие, но специально не делал этого. Не хотел рвать себе душу: она и так была в ключьях. Иногда он представлял, что в квартире живет сам Белов, его сын, невестка, внучка. С преогромным удовольствием он бы вышвырнул их, спустил с лестницы и запер бы дверь.

– Ярослав, – позвала Вика, и он очнулся.

– Ты налоги платишь? – спросил он, чтобы только она не сказала ещё что-нибудь. Не в силах бороться с охватившим его волнением, он превратил лицо в застывшую маску английской любезности, хотя внутри ревел разъяренный медведь.

– Конечно!

На круг у неё тысяч триста в месяц выходит. С таким капиталом можно подняться и жить припеваючи.

– Значит, не так уж и много остается.

– Вот и я говорю: еле концы с концами свожу. А ты – королева! – Вика хитро посмотрела на него. – Теперь твоя очередь рассказывать про доходы!

Ярослав нервно рассмеялся.

– Нет, милая. Я очень благодарен, что ты доверила мне такую интимную информацию, как твои финансы, но я этого делать не буду. Обещаю не брать у тебя ни копейки, только давать. Мои деньги останутся при мне. Я не из тех, кто позволяет жене совать нос в это дело. Извини, если звучит слишком грубо.

– И сколько же ты будешь мне давать? – Вику, похоже, его нелюбезность не задела.

– Не больше того, что ты сможешь истратить.

– Звучит не очень заманчиво.

– Неужели? Я думал, тебе на всё хватает.

– Да. Но так приятно получать ещё больше.

– Нет, самое приятное – отдавать, – он поцеловал её руку, чувствуя, что нервы отвратительно дребезжат. Вика хранила на лице радостно-загадочное выражение. Как он её ненавидел!

– Разве ты не хочешь составить брачный договор? – несмело спросила она.

«Вот это да!» – в уме Ярослав присвистнул. Терпение – истинная добродетель. Беда в том, что брачный договор в этой стране запросто можно аннулировать, признать ничтожным или как это там точно называлось? Нет, он не хотел: слишком ненадежно.

– А ты хочешь? – медленно спросил он.

– Ты разве не боишься за свои деньги? – Вика смотрела искоса.

Ярослав расплылся в улыбке. Он не боялся. Государство не смогло до них добраться. Где уж Красной шапочке.

– А ты боишься?

– Вообще-то, с тобой я ничего не боюсь. Ты первый человек, после смерти родителей, с которым я чувствую себя в безопасности, – тяжело вздохнув, она помолчала, – даже с Ольгой не так. А она мне как сестра. – Вика вложила свою руку в его, – спасибо, что ты предложил сегодня разобраться с ребятами на Соколе, это очень важно для меня: твоя поддержка, внимание. – Вика поднесла его ладонь к губам и поцеловала. – Ближе тебя у меня никого нет, – она весело глянула на него, открывая дверцу, – а про договор я просто так спросила: для тебя – ты же у нас финансовый гений.

Пока он ждал, удалось просмотреть почту. Директор по персоналу холдинга, Лена Крылова, просила связаться с ней, писала, что её вопрос не требует безотлагательного решения, однако может стоить компании очень дорого. Обычно она не была склонна к преувеличениям, поэтому Ярослав сразу же набрал ей. Он извинился, что беспокоил в выходной, но она была рада звонку и даже, кажется, испытывала облегчение.

Крылова подозревала, что один из его людей, коммерческий директор «Интергазификации», Сергей Ощепков, работал на два лагеря. По её сведениям, он сливал данные о сделках и ценах. Именно поэтому они не взяли тендер по «Промэнергоналадке» в прошлом месяце и упустили договор с госкомпанией в Красноярске.

Выслушав, Ярослав подумал, что сказанное, скорее не подозрение, а случившийся факт. Во-первых, Лена была не из тех, кто сеял панику понапрасну, во-вторых, даже за пятиминут-

ный разговор он прекрасно понял, что у неё собрано достаточно информации, чтобы выбросить наглеца за борт.

Ярослав поблагодарил и, пообещав принять решение до конца будущей недели, попрощался. Забарабанил пальцами по рулю. Проштрафившегося директора он в свое время зубами выгрыз у «Газпрома», где тот занимал должность специалиста финансирования капитальных вложений. Ярославу не потребовалось много времени, чтобы оценить хватку молодого таланта. Вместе они запустили два инвестиционных проекта, Ощепков изменил систему расчетов с контрагентами, поднял на новый уровень эффективность использования основных фондов. Сомнений в его ценности не возникало. Как и подозрений в предательстве.

Он тут же позвонил и поговорил с Гавриловым, дал соответствующее распоряжение на расследование ситуации. В его жизни было немало опрометчивых поступков, совершенных под действием гнева или недостатка времени. Хороших людей он терять не торопился.

Не успел он, закончив разговор, позвонить маме, вернулась невеста. Примерка платья, по-видимому, прошла прекрасно, по крайней мере, Вика выглядела довольной. Ярослав всё ещё раздумывал об Ощепкове, поэтому не сразу обратил внимание на Викину молчаливость. Впереди гасли закатные облака, поднимался город: трубы, окна, крыши. Машина шуршала мотором, рассекая гладь майского вечера. Вика повернула к нему лицо. Оранжевыми огоньками блеснуло в её глазах заходящее солнце.

– Ярослав, мне надо тебе что-то серьёзное сказать. Обещай не смеяться, – осторожно вымолвила она, будто чего-то опасаясь. На её тонком плече, под ключицей часто билась горячая жилка. Ярослав представил, как они вернуться и он припадет к ней губами. В последнее время, он не раз задумывался, что когда оставит девушку, её страстного тела ему будет не хватать.

– Обещаю, – улыбнулся он, переведя взгляд на глаза.

– С этого дня и до свадьбы я буду жить у себя, – сказала она быстро и замолчала.

Ярослав и вправду был готов рассмеяться. Вика переселилась к нему вскоре после подачи заявления в загс. Поначалу она сопротивлялась: корчила недовольные гримасы, придумывала бестолково-раздражающие отговорки или отмалчивалась. Однако, таскаться каждое утро по подъезду с зубной щеткой и джинсами оказалось не самым лучшим вариантом, и ему удалось убедить её жить вместе. Поразмыслив логично, решили, что в трёхкомнатной квартире обитать удобнее. После свадьбы предполагалось остаться здесь же, а Викино жильё оборудовать под художественную студию. Ярослав клятвенно обещал сделать в ней самое удобное место для творчества. В душе, конечно, скрестил пальцы.

Вика, хоть и перекочевала на его этаж, восторга не испытывала. Она возвращалась к теме проживания почти каждый день. И вот опять та же история! Он уже хотел сказать «хорошо», просто оттого, что ему надоело её убеждать, как Вика добавила: – И мы не будем заниматься сексом.

Вот этого он не ждал!

– Что? – он даже поперхнулся.

– Не притворяйся! Ты прекрасно слышал!

Да, он слышал! Но правильно ли понял?

– Почему?

– Что за вопрос? Мы вообще не должны были спать до свадьбы, – угольные изгибы бровей сошлись над переносицей, – жених обычно не забирает невесту из собственного дома. В идеале нам бы не видеться эти дни вовсе!

«Что за белиберда? – хотел крикнуть он. – Секс – единственная радость, которая осталась в эти сумасшедшие дни». Она что, думала свести его с ума?

– Черта с два! – выпалил он и уставился на дорогу. Он не собирался обсуждать это.

– С два или с три, но ты не станешь больше лезть мне под юбку! – звонко сказала она.

- И кто же мне запретит? – повернулся он резко и упулился в жгучие глаза.
- Ты как раз смотришь на нее! – Вика чуть наклонила голову и усмехнулась.
- Черта с два! – уже спокойнее повторил Ярослав.

И все же Вика вытянула из него обещание не притрагиваться к ней в дни, оставшиеся до свадьбы. Как ни кипел его разум, как ни напрягалось тело, понимая, что предстоит воздержаться либо довольствоваться кем-то другим, Ярославу пришлось пойти навстречу.

Он плохо понимал, как это произошло, зато сполна вкусил последствия.

Без секса дни напоминали одеяло из синтетики. Не грело, но искрило будь здоров! Напряжение нарастало, каждую минуту прорываясь электрическими вспышками. Вика нервничала по любому поводу, Ярослав втихаря посмеивался: она, а не он, лишила их обоих способа ослабить стресс.

К тому же, это она мечтала, чтобы всё было идеально. Хотела контролировать всё, хотя они заранее договорились, что разделятся и не будут мешать друг другу. Ярослав взял на себя помещение, машины, украшения. Вика занималась платьем, приглашениями, гостями и всякими мелочами. Самое тяжелое переложили на свадебное агентство, которое, согласно рекламному буклету, гарантировало высокий уровень организации свадьбы, обещало создать эксклюзивный сценарий и тщательно продумать детали. Свадьба должна была запомниться жениху, невесте и их друзьям как волшебный и яркий праздник.

Просто смешно! От всеобщего волнения и ожидания торжества Ярослава мутило. Его дом превратился в бедлам. Стало невозможно работать, обедать, бриться. Порой даже войти и выйти у него не получалось без повышенного внимания. Казалось, поминутно в дом забежала то одна, то другая подружка, украдкой с восхищением смотрела на него (отчего он чувствовал себя сказочным королем), хихикала и запиралась вместе с Викой в кухне. С момента доставки белого платья ему запрещалось входить в Викину квартиру, что Ярослав с радостью и исполнил.

Однако ему приходилось, стиснув зубы, слушать о подробностях взаимоотношений со свадебным менеджером, проблемах с тортом, украшениями и так далее до бесконечности. Иногда свободными ушами был не он, а Ольга, и тогда жалобы касались его самого, маникюрши, педикюрши ещё каких-то людей и снова свадебного менеджера.

«Сама задумала эту бестолковую тарабарщину, – бесился Ярослав, – а с меня спрашивает!» Деньги (ладно, на них плевать), внимание, помощь! И самое жуткое: любовь! Как можно проявлять нежность, когда в твоём доме постоянно крутятся незнакомые люди, когда у тебя нет возможности работать; не переставая, звонит телефон – даже два или три? Разве это можно вытерпеть? Застрелиться, да и только! Интересно, когда женятся по любви, приготовления тоже такие зверские? Или это только для него было ад, потому что он ненавидит невесту? Надо взять себе на заметку, никогда не устраивать подобного с любимой женщиной».

Каждый день, час и даже секунда мысли Ярослава были направлены на то, как подсунуть Вике документы и осуществить задуманное. Все остальное являло собой мишуру, закрывающую от него цель. Свадьба, подружки невесты, квартира, беготня, костюм, цветы – все это было препятствиями, на которые наткнулся взгляд Ярослава, когда он отрывал глаза от мести. Цель, цель, цель. Даже секс, как часто он ни думал о нем, был только развлечением и способом расслабиться. Никак не конечным намерением. Все поступки же, наблюдения, движения производились с одним расчетом – получить свое и отделаться от девчонки.

И все же, когда в день свадьбы он увидел её, его обдало жаром.

Глава 9. Свадьба.

*Как правая и левая рука –
Твоя душа моей душе близка.
М. И. Цветаева*

Церемония была организована в старинном загородном поместье. Идеальные газоны соперничали по яркости с небом. Светлый камень усадьбы вбирал тепло, как огромный рыжий кот, мурчащий на завалинке. Бабочки порхали над цветами и пахучим шиповником. Кружились пчелы. Золотистый свет поднимался от самой земли и озарял день. Гости прибывали и прибывали: девушки в платьях всевозможных расцветок и парни в белых рубашках. Они жали ему руку, называли имена, а потом собирались в маленькие группки или разбредались, пока не зазвучала торжественная музыка и не появилась невеста.

Сначала он увидел только её глаза. Мягкие, опущенные густыми ресницами, они протягивали к нему невидимые лучи. Она улыбалась, но как-то не так, как делала это всегда. Слишком задумчиво. Гости притихли.

Вика, конечно, была в белом. Тонкий шелк и кружево обрисовывали точёное тело. Гладкая юбка струилась по бедрам и касалась дорожки, по которой она шла ему навстречу.

Закрытые плечи, гладкие рукава и лиф, стягивающий талию. Не наряд красил Вику – Вика подчеркивала его изысканность. Он никогда не задумывался, какой она будет в день свадьбы, но она действительно была прелестной невестой. Умопомрачительной. Выглядела нежной, даже беззащитной.

«Нет! – одернул Ярослав себя. – Белое платье не изменило черной души!» Он ступил навстречу: видимо, она обула туфли на очень высоких каблуках, может быть на платформе – темные глаза были ближе к нему, чем обычно. Щеки Вики покрылись смущенным румянцем, и она, верная привычке, облизнула верхней губой нижнюю. Ярослав сглотнул. Да уж! Воздержание не пошло ему во благо!

– Что-то не так? – прошептала Вика, едва они поравнялись.

– Да! – его взгляд скользнул к обворожительным полукружьям груди, к ложбинке, поднялся к жилке на шее, подбородку и, наконец, глазам. Она не надела драгоценностей. Только свет сдержанной улыбки, блеск кожи, сияние очей украшали её.

– Что? – рука Вики испуганно дернулась к причёске: блестящим мягким прядям с маленькими белыми цветочками, названия которых Ярослав не знал. Причёска была идеальной. Вика, видимо, вспомнила это и, опустив руку, глубоко вдохнула, – ты напугал меня!

– Напомни мне больше никогда, ни-ког-да! не соглашаться с тобой, – подчеркивая каждое слово, протянул Ярослав ей в самое ухо, – особенно, когда дело касается секса.

Она нервно хихикнула, но плечи расслабились.

– Не будешь дарить мне букет? – голос почти утонул в пересмешках друзей.

– Извини, – Ярослав протянул еле раскрытые шарики пионов, перевязанные лентой. Они источали тонкий аромат. Вика поднесла их к лицу и щеки ещё сильнее порозовели. Она была прекрасна! Она была у него в руках!

Церемония началась. За неимением родственников, Вика пригласила институтских и школьных друзей: всего присутствовало около пятидесяти гостей, из которых только двое были с его стороны.

На свадьбах обычно встречаются два рода – род жениха и невесты – и происходит их объединение в лице молодой семьи. У каждого рода свои устои, обычаи, привычки, понятие о хорошем и плохом, в каждом могут быть непростые взаимоотношения. А уж когда они сходятся вместе, часто получается гремучая смесь, ибо в лице молодоженов они нахлестываются друг на друга. В некоторых случаях и жениху и невесте нужно понять, на чьей они стороне: родительской семьи или своей новой второй половинки. Зачастую, в силу возраста или природной толстокожести, молодые не в силах понять ничего, а уж тем более сгладить шероховатости. Ярослав бывал на таких мероприятиях не единожды.

У них ничего подобного не было: все прошло без сучка и задоринки. Её друзья, которые, видать, давно друг друга знали, веселились и хохмили. Праздник получился молодежным. Иногда Ярослав ловил на себе тревожные взгляды Андрея, но даже и тот, в конце концов, так

увлекся подружкой невесты, что забыл про жениха. Сначала он только останавливался на Ольге взгляд и следил за перемещениями, а потом Ярослав всё чаще видел, как Андрей приглашал её танцевать, шутил, был очень галантен. Она, в самом деле, была обворожительной в голубом платье, подчеркивающем сполох бирюзовых глаз. Волосы Ольга убрала в замысловатую косу, превращавшую её в княгиню. Неприкрытое кокетство и заливи́стый смех – разве могло это не очаровать молодого человека? Всё его лицо оживлялось, стоило только синеглазке появиться в поле его зрения.

Что уж говорить про Димку: с самого утра он волочился то за одной, то за другой студенткой, участвовал во всех конкурсах – был душой компании. Впрочем, как и всегда. Ярослав с напряжением следил за ним и грозными взглядами напоминал о необходимости держать язык за зубами.

Свою задачу он сам видел в том, чтобы больше улыбаться и смотреть на Вику. Это было несложно: кружил её в танце, следовал по пятам, подавал шампанское, касался волос, ловил взгляды и целовал. Когда её не было рядом, он наблюдал за ней. Весь вечер она свети́лась, улыбаясь друзьям. Они были во власти её чар, впрочем, как и он. Как она была хороша, черт побери! И внезапно его захлестнула волна гнева. Он сердился на неё за то, что она так соблазнительна внешне и так черна изнутри, за те благосклонные взгляды, которыми она одаривала окружающих, за пленительный смех, за то, что она кокетничала с его братом. Димка нравился ей, это не вызывало сомнений. Вика несколько раз танцевала с ним, смеялась, запрокинув голову, и отводила в сторонку пошептаться.

Она вела себя сегодня, словно выпила порошок счастья, разведенный в кристально-чистой воде. Да и Димка действовал свободно: он был на этом спектакле одним из посвященных, не верящих в искреннюю любовь жениха и невесты. Что ему было терять и чего опасаться? Не мук совести – это точно!

Но ночью Ярослав собирался напомнить Вике, что она принадлежала только ему. Он собирался стать её царем и господином, властелином тела и души.

Букет Вика бросила прямехонько в руки Ольги. Ярослав усмехнулся. Вечер подходил к концу. Он был вынужден признать, что результат труда свадебного агентства его удовлетворил. Свадебный кортеж. Выездная регистрация. Море цветов. Изысканные напитки. Огромные шатры для гостей. Подарки. Угощение. Миленький ведущий. Хрусталь на тонких ножках. Веселые тосты. Музыка к первому свадебному танцу. Торт, который не под силу съесть целому королевству. Не зря он потратил столько времени и приложил стараний. Оставалось ждать созревших плодов.

В качестве свадебного подарка он преподнес невесте новую машину. Внедорожник ауди, выкрашенный в ее любимый изумрудно-зеленый цвет. Вика визжала от восторга, позволив ему почувствовать себя волшебником, исполняющим желания. Что ж, вот они стали мужем и женой! Теперь она носила фамилию Выгорская, и никуда от него не могла деться.

По окончании банкета они направились в апартаменты отеля поместья. Персонал подготовил легкие напитки и лепестки роз на кровати. Несмотря на усталость, на Вику напал приступ болтливости, который Ярослав поборол поцелуями. Он слишком долго ждал и, скорее всего, у него осталось мало времени для наслаждения юной плотью.

Она играла с ним. Была искусительницей, потребовала права раздеть его, комментируя каждое действие и не позволяя шелохнуться. Легким толчком опрокинула на кровать. Воплощение совершенства. Истинная дочь Евы: очаровательная, женственная. Кончики её пальцев скользили по груди, бежали вдоль рук, трогали ладони, отправляя возбуждение во все части тела. Вика улеглась сверху, не подумав избавиться от платья. «Ты мне нравишься на вкус», – шептала она, целуя внутренний сгиб его локтя, и два чертенка выпрыгивали из темных глаз. Он сглотнул, чтобы сдержать стон. Как только она полностью раздела его (он ведь обещал не

сопротивляться до этого момента), он задрал белое платье и вошел в неё. Она была готова, ждала. Приняла с горячим вздохом и поглотила бесконечным космосом.

Потом они лежали на прохладных простынях, успокаивая дыхание.

– Я уже говорила, что голый ты просто великолепен? – промурлыкала она.

– Еще нет, – улыбнулся он, глядя в потолок, полный крылатых амуров. Он окинул её быстрым взглядом, и в который уже раз подумал, что она не похожа не на какую другую женщину и всё, что она делает, отмечено печатью её очарования. Счастье просвечивало в её взгляде. Он не испытывал к ней никаких глубоких чувств, но смотреть на неё было приятно: как на красивую картину или статую, идеальную в холоде своего мрамора. – А я говорил, что в свадебном платье с раскинутыми ногами тебе нет равных?

В эту ночь ему казалось, Вика принимала любовь с какой-то особой радостью, с чувством легкости, что напомнило ему, как она юна. По сияющей улыбке было видно, что нет оков, сдерживающих непосредственность её порывов.

Он ласкал её, сжимал в объятиях, и когда она, словно застывшая на гребне волны вдруг замирала, он любовался её гибким, изнеженным телом, распростертым под ним. Таким прекрасным и гладким. Полуприкрытые веки излучали загадочный блеск, порой отрешенно скользя по комнате. Это было как тихая смерть и новая жизнь одновременно. Он чувствовал это и торжествовал, что видел её такое глубокое потрясение, а вместе с тем и доверие. Настанет день и оно сыграет ему на руку.

К вечеру следующего дня они вернулись домой. Здесь всё было заставлено подарками. У него ни времени, ни желания разбирать дары не было. Вика же увлеченно распаковывала маленькие и большие коробочки и прибегала к нему с восторженными воплями.

Они заранее договорились отложить свадебное путешествие на июль, так как Вике предстояла сессия.

После свадьбы Вика стала ещё увереннее, если это требовалось этой девушке. Иногда она тихонечко напевала в спальне или кухне, готовя свои умопомрачительные пироги или рисуя учебные шедевры. Она открыто улыбалась ему, идя на очередной экзамен, и Ярослав понимал, что настало время серьезно надавить на неё.

Если она не успевала по всем своим делам, разрываясь между подружками, пленэром, сессией и хозяйством, просила его заехать к квартирному управляющему, он создавал видимость раздражения и советовал найти управляющего. Позже просил прощения, якобы раскаиваясь в непреднамеренной грубости, но продолжал мягко настаивать на необходимости нанять человека, которому можно доверить взаимодействие с арендаторами.

– Если тебе сложно найти такого специалиста, пусть это будет Зуев, – в конце концов, предложил Ярослав, – понимаю, что он не очень-то тебе нравится, но он надежный. Он шесть лет решает все мои маломальские проблемы. Уверен, он тебе не откажет.

Вика с сомнением посмотрела на него и промолчала.

– Если ты ему не доверяешь..., – Ярослав скорчил задумчивую мину.

– Нет, – Вика поспешно подняла ладонь, – дело не в доверии. Раз ты с ним работаешь – он подходит. Но как я могу его просить заниматься моими делами? Это выглядит... непрофессионально что ли.

Ярослав постарался улыбнуться нежно, взял ее руку:

– Так вот о чем ты беспокоишься, – коснулся пальцев губами. – Андрей работает на меня и со мной. А ты моя жена, не забыла? – проникновенно взглянул в глаза. – Твои интересы – это мои интересы. Ему и в голову не придет спрашивать, почему он должен заниматься твоими проблемами. Если уж на то пошло, он будет делать это не сам, а поручит ответственному человеку. Если уж тебе так неудобно, мы можем твои богатства (в уме он добавил: «наворованные») оформить на меня – ты будешь просто наслаждаться жизнью. Или продать все квартиры – пустить твои деньги в оборот. На самом деле, сдавать жильё в аренду – не самое лучшее

вложение средств. Или закроешь эти квартиры. Я могу обеспечить все твои прихоти. Кстати, тебе и учиться не обязательно.

Эмоции на лице Вики сменялись одна другой: благодарность затмило сомнение, а потом изумление.

– Нет, учиться мне нравится, – нахмурила она лоб, – ты же знаешь. Я буду самым продаваемым художником в мире, дай только устроить первую выставку, – не терпящим возражения голосом поведала она. – По поводу квартир – подумаю. Спасибо! Мне приятно, что ты заботишься обо мне. Я такого ни от кого не получала. Ты, тем более, делаешь все с нежностью. Я тебя люблю! – Она подставила губы для поцелуя. – Вот признавался бы в любви почаще – цены бы тебе не было, – добавила Вика жалостливым голосом и замолчала, будто бы ожидая его слов, а не дождавшись, соорудила просящую мину. – Тебе ведь не будет сложно поговорить с Андреем? Может он решать проблемы жильцов? Сантехника, электрика, ЖЭК? Сейчас я их выгонять не хочу. Это невежливо. Но может быть, когда они сами потихоньку съедут, сдавать больше не буду. Надо подумать. Без людей дома и квартиры хуже сохраняются – это факт. Андрей возьмет на себя мои заботы? За вознаграждение, конечно.

Ярослав возликовал. Губы сами растянулись в улыбке. Он готов был расхохотаться от радости. «Тише, – приказал себе, – ты еще не собственник».

– Давай, я поговорю с ним. Спрошу. Если да – оформим все как положено: доверенность и так далее. Если нет – подумаем, какие еще у нас есть варианты. Договорились?

– Договорились, – кивнула Вика. – Спасибо огромное. Ты просто супер! Скажи Андрею, что я буду очень благодарна, – жена соорудила ехидную рожицу, – и замолвлю за него словечко перед Ольгой.

– По-моему, их любовь существует только в твоём воображении, – закатил глаза Ярослав.

– По-моему, ты не замечаешь очевидного! – Ярослав хмыкнул, но Вика продолжала, как ни в чем не бывало: – Может быть, они и сами не догадываются. Но ты видел, как он не сводил с неё взгляда на нашей свадьбе, всё время старался быть поближе? Жаль, что у нее роман с Вовкой. Она так давно мечтала его заполучить.

Вика ударилась в подробности личной жизни Ольги – Ярослав не слушал. Каждая клеточка тела пела! Его победа близка! Рыбка еще не зажарена, но она уже на крючке!

Конечно, Андрей «согласился». Документы были давно готовы. Однако Ярослав терпеливо выждал несколько дней, пока Вика сама не завела разговор. Спросила, задавал ли он Андрею «её» вопрос.

– Ой, да, – Ярослав соорудил смущение, будто бы стыдился, что запомнил о её сложностях. – Он будет это делать без всяких проблем. Забыл тебе сказать. Надо поехать к нотариусу: оформить генеральную доверенность. Когда тебе будет удобно? – Еле скрыв ехидство, Ярослав отвернулся, притворившись, что ищет нужную бумагу.

– Завтра нормально. Ему подойдет?

– Сейчас наберу.

Он позвонил Зуеву, сделал вид, что договаривается о точном времени. Повернулся к ней:

– У тебя все документы в порядке?

– Вроде да, надо посмотреть.

Он предупредил Андрея, что завтра привезет бумаги и попросался, а Вике предложил:

– Давай так: завтра Андрей изучит то, что ты передашь, созвонится с нотариусом, попросит все подготовить. Как только будет возможно, вы вместе доедете до конторы, чтобы это не отняло много времени. Хорошо?

– Отлично. Спасибо, – на Викином лице отразилось облегчение, – я твоя должница.

– Я не прочь получить благодарность прямо сейчас, – Ярослав наклонился и коснулся губами губ.

То, как она отозвалась на его поцелуй, оказалось неожиданным для них обоих. Дыхание стало прерывистым, руки притянули голову, и пальцы мгновенно запутались в волосах. Горячая кровь наполнила его чресла, Ярослав жадно вдыхал пьянящий запах, и теплые пальцы скользили по прохладной коже, впитывая, восторгаясь каждым прикосновением. Он подхватил малышку на руки и отнес в спальню. Да, в кровати она была лакомым кусочком!

Когда днем позже они с Зуевым просматривали подготовленные документы, обоих охватила лихорадочная радость. «Неужели, – думал Ярослав, – после стольких мучительных лет, поисков выхода, метаний, он на финишной прямой»? Было, конечно и сомнение. Действия Зуева по генеральной доверенности можно было опротестовать. Как говорил Андрей, и Ярослав был с ним абсолютно согласен: «Оспорить в суде возможно все, что угодно».

Если год назад Ярослав готов был идти на риск, то после стольких ухищрений – нет.

– Моя квартира должна быть однозначно моей, – категорично заявлял он, шагая по темному ковру в кабинете. Полосы света прорывались в окно вместе со свежим воздухом утра. – Не хочу ещё пять лет судиться и опять потерять её, – какие ещё мысли?

– Ты знаешь, есть один вариант, – Андрей сохранял видимое спокойствие, – тебе потребуется получить подпись Вики не на доверенности. Тебе придется умастить её хорошенько, чтобы она подарила тебе квартиру твоего отца.

«Подарила квартиру отца!» Вместе с издевательским замечанием в мозг проникла желчь. Как ему надоело бороться за то, что он должен был получить совершенно свободно! Он помолчал немного, ровно столько, чтобы вызвать в памяти лицо деда, который работал день и ночь, чтобы получить квартиру и оставить её сыну. Вспомнил отца, который боролся десять лет, чтобы вернуть её! И отец, и он сам шли по этой дороге слишком долго.

Эта погоня, которую он вёл, требовала от него напряжения всех сил. Ему приходилось идти и днем, сопротивляясь ветру собственного неверия, и ночью, просыпаясь от пронзительного взгляда отца, и при сильном морозе, когда злоба обжигала, словно раскаленный металл, и доводила до удушья. И при ласковом солнце, когда мачеха, пронизывая всё кругом своей природной добротой, убеждала бросить незаконченное отцом дело. «Оно ведет тебя на погибель, – умоляюще сложив руки, говорила она, – если ты не повернешь или не сбавишь шага, тебе несдобровать». Она убеждала простить и оставить, но он видел перед собой крупную фигуру молодого ещё отца, неутомимо шагающего вперед, и забывал о сомнениях. Во время изнурительной гонки, которую он вел сначала с болезнью отца, потом строя планы на Белова, за все это время он почти не думал об усталости. Его волновало только, с какой быстротой он шёл. Яростное желание настичь обидчиков очень помогало, выводило на нужный темп.

Как и та, которую он преследовал, образ отца не покидал его. Он воодушевлял его в погоне, зажигал сердце, словно согревая в зимнем воздухе, или охлаждая в сухой пустыне. Мысли, что кружились в его голове, настолько поглощали его, что он не замечал пропастей, разверзающихся рядом с дорогой.

Гнев погрузил его в самые старые и жгучие источники прошлого, где его семья была предана, низвергнута и побеждена. Вина лежала на нем невероятной тяжестью, которая давила на его сердце и побуждала к действию.

– Договор дарения? – уточнил Ярослав: взгляд лег на белые костяшки пальцев.

– Да.

Вот задача. Рискнуть, провернуть все быстро через куплю-продажу? Или дожать её окончательно? Как сказал Андрей? Умилостивить на дарение? Что же лучше? Ярослав, раздумывая, старался сохранить хладнокровие. Сел. Схватил карандаш, постучал по столу. Доверенность манила легкостью и близостью. Ещё год лебезить? Коробило. Он вспомнил, как накануне, когда Вика беспечно рассказывала что-то за ужином, ему безумно захотелось выругаться, схватить ключи и, хлопнув дверью, уйти. Он хотел истерзать её, раздавить своим презрением,

растоптать. Карандаш хрустнул надвое. Ярослав оставил попытки сохранить невозмутимость и равнодушие, отшвырнул его.

Колесо судьбы крутится. Для него настало время отомстить. Теперь он может ответить на оскорбление, защитить слабых, вернуть полученные удары. Он выпрямился и невозмутимо посмотрел на Андрея.

– Хорошо. Я готов терпеть этот брак еще год. Где должна быть эта подпись?

– Договор готов, сейчас распечатаю. Ты уверен? – медленные движения Андрея выдавали обеспокоенность.

– Я придумал, как заполучить ее автограф. На все остальное мне наплевать.

Ярослав поднялся и принялся мерить комнату:

– После того, как побываете у нотариуса, не медли с куплей-продажей. Начинай сразу оформлять. Три квартиры. В Ховрино, в Петровском и на Соколе. Найди меня, где угодно, чтобы я подписал договоры. Заплати налоги от её имени. Начинай госрегистрацию. Моя квартира пока будет у неё. Ничего, постараюсь, чтобы это не заняло много времени.

Андрей кивал. Ярослав не останавливался:

– Насчет квартиры её родителей. Пусть у Вики будет возможность побороться за неё. Если в суде она докажет свое право, а у неё, думаю, это неплохо может выйти – она получит своё жильё назад.

Тем же вечером Ярослав приступил к осуществлению плана. Мрачная ярость поднялась в нем, помогая ещё сильнее возненавидеть женщину, которая жила рядом с ним, делила постель и еду. Она напустил на себя озабоченный вид. Старался не улыбаться, ни в коем случае не смеяться. Пришел домой и засел за работу. Ничего уже не могло удержать его сейчас, потому что в истоках борьбы была справедливость. И эта справедливость принадлежала ему по неотъемлемому праву, и именно он должен был защищать её неотступно и яростно.

Вика сразу заметила его плохое настроение. Спросила напрямую. Для порядка, он отнекивался, говорил, что её это не касается, пусть не берет в голову, что он не хочет напрягать её своими проблемами. Она настаивала, допытывалась. Для виду он помялся немного, но, в конце концов, «сдался» и рассказал, что ему нужна такая стоящая собственность (например, дорогая квартира в центре города), которая позволила бы брать беспроцентные займы для развития бизнеса. В противном случае, его дело начнет стагнировать и настанет день, когда оно покатится под откос. Он, якобы, не хотел её просить о таком подарке, но это действительно сильно бы помогло. Нет, квартиру в задаток он оставлять не будет, в сделках она участвовать не будет, ни в качестве залога, ни в качестве обеспечения. Рисковать собственностью жены он не намеревается. Попробует решить дело сам. Он ведь взрослый мужчина. Просто этот способ – самый простой, лежащий на поверхности. Вика не раздумывая, предложила принять квартиру в качестве свадебного подарка, но Ярослав настаивал на попытке решить свои проблемы самостоятельно.

На следующий день он намеренно задержался позже обычного, следующие три вечера – аналогично. Он чувствовал себя лисом, обходящим курятник. Адреналин наполнял каждую мышцу и пружинил походку.

Как бы там ни было, через три дня они оформили договор дарения. Ярослав не мог дышать от восторга. Настроение было просто потрясающим. Он выиграл! Он король этого мира! Через день Андрей подал документы на регистрацию собственности. Осталось подождать совсем немного. Еще немного, и весь мир будет принадлежать Ярославу Выгорскому!

Он был настолько погружен в упоение, что новости о проблемах, с которыми пришел к нему Гаврилов, воспринял не сразу.

Это была все та же, старая история с Ощепковым, коммерческим директором. Ярослав сжал кулаки и опустил их на стол. Бумаги зашелестели. Кровь прилила к лицу, и он ощутил тупую боль в висках. Всё, над чем он работал последние несколько месяцев, полетело в тарта-

рары. Но даже и это было не самое противное. Самое отвратительное, что удар был нанесен с той стороны, с которой меньше всего ожидал. Как бы ни разворачивались события, он до последнего возлагал надежду на то, что произошла ошибка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.